

**Российский экономический университет
имени Г. В. Плеханова**

Научный журнал

**ЭКОНОМИКА
ПРАВО
ОБЩЕСТВО**

**ECONOMICS
LAW
SOCIETY**

Scientific Journal

№ 4 (16), 2018

Гришин Виктор Иванович – председатель редакционной коллегии, ректор Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор экономических наук, профессор

Курбанов Рашад Афатович – главный редактор, директор Института правовых исследований и региональной интеграции, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор юридических наук, профессор

Бодак Алла Николаевна – председатель Постоянной комиссии Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь по законодательству и государственному строительству, кандидат юридических наук, доцент

Валентей Сергей Дмитриевич – начальник Научно-исследовательского объединения (научный руководитель Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова), доктор экономических наук, профессор

Василевич Григорий Алексеевич – заведующий кафедрой конституционного права Белорусского государственного университета, член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси, доктор юридических наук, профессор

Вельяминов Георгий Михайлович – главный научный сотрудник Сектора правовых проблем международных экономических отношений Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор

Витязь Петр Александрович – академик Национальной академии наук Беларуси, руководитель аппарата НАН Беларуси, сопредседатель Межакадемического совета по проблемам развития Союзного государства, доктор технических наук, профессор

Вознесенская Нинель Николаевна – ведущий научный сотрудник Сектора правовых проблем международных экономических отношений Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор

Воронова Татьяна Андреевна – проректор по учебной работе и имущественному комплексу Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор экономических наук, профессор

Георг Става – генеральный секретарь Министерства юстиции Австрии, Президент Европейской комиссии по совершенствованию правосудия (CEPEJ) Совета Европы

Гринберг Руслан Семенович – научный руководитель Института экономики РАН, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор

Гришина Ольга Алексеевна – профессор кафедры финансов и цен Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор экономических наук, профессор

Гулиев Ибрагим Саид оглы – вице-президент НАН Азербайджана, академик НАН Азербайджана, доктор геолого-минералогических наук, профессор

Гурбанов Рамин Афад оглы – вице-президент Европейской комиссии по эффективности правосудия (CEPEJ) Совета Европы, судья города Баку, доктор юридических наук

Джафаров Азер Мамед оглы – заместитель Министра юстиции, член Судебно-правового совета Азербайджанской Республики, доктор юридических наук, профессор

Егоров Алексей Владимирович – ректор Витебского государственного университета имени П. М. Машерова, кандидат юридических наук, доцент

Ершова Инна Владимировна – заведующая кафедрой предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор

Жаворонкова Наталья Григорьевна – заведующая кафедрой экологического и природоресурсного права МГЮА имени О. Е. Кутафина, доктор юридических наук, профессор

Занковский Сергей Сергеевич – заведующий сектором предпринимательского права Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор

Зинчук Галина Михайловна – декан факультета экономики и права Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор экономических наук, доцент

Зубарев Сергей Михайлович – заведующий кафедрой административного права и процесса Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор

Зырянов Сергей Михайлович – ведущий научный сотрудник отдела административного законодательства и процесса Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

Grishin Viktor Ivanovich – Chairman of the Editorial Board, Rector of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Economics, Professor

Kurbanov Rashad Afatovich – Chief Editor, Director of the Institute of Legal Studies and Regional Integration, Head of the Department of Civil Legal Disciplines of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Law, Professor

Bodak Alla Nikolaevna – Chairman of the Standing Committee of the Council of the Republic of the National Assembly of the Republic of Belarus on Legislation and State Building, PhD of Law, Associate Professor

Valentyey Sergey Dmitrievich – Head of Scientific and Research Union (Supervisor of the Plekhanov Russian University of Economics), Doctor of Economics, Professor

Vasilevich Grigoriy Alekseevich – Head of the Constitutional Law Department of the Belorussian State University, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, Doctor of Law, Professor

Velyaminov Georgiy Mikhailovich – Chief Researcher of the Sector of Legal Problems of International Economic Relations of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor

Vityaz Petr Aleksandrovich – Member of the National Academy of Sciences of Belarus, Head of Academy Staff Presidium of the National Academy of Sciences of Belarus, Co-chairman of the Inter-Academic Council on Development of the Union State, Doctor of Technical Sciences, Professor

Voznesenskaya Ninel Nikolaevna – Leading Researcher of the Sector of the Legal Problems of International Economic Relations of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor

Voronova Tatiana Andreevna – Vice-Rector for Academic Affairs and Property Complex of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Economics, Doctor of Economics, Professor

Georg Stawa – Secretary General of the Austrian Ministry of Justice, President of European Commission for the Efficiency of Justice (CEPEJ) of the Council of Europe

Grinberg Ruslan Semenovich – Scientific Director of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor

Grishina Olga Alekseevna – Professor of the Department of Finance and Prices of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Economics, Professor

Guliev Ibragim Said ogly – Vice-President of the National Academy of Sciences of Azerbaijan, Member of the National Academy of Sciences of Azerbaijan, Doctor of Science (Geology and Mineralogy), Professor

Gurbanov Ramin Afad ogly – Vice-President of CEPEJ, Judge of Baku City, Doctor of Law

Jafarov Azer Mammad ogly – Deputy Minister of Justice, Member of the Judicial-Legal Council of the Azerbaijan Republic, Doctor of Law, Professor

Egorov Aleksey Vladimirovich – Rector of the Vitebsk State University named after P. M. Masherov, PhD of Law, Associate Professor

Ershova Inna Vladimirovna – Head of the Department of Entrepreneurial and Corporations Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor

Zhavoronkova Natalya Grigorievna – Head of the Department of Environmental and Natural Resources Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor

Zankovskiy Sergey Sergeevich – Head of the Department of Entrepreneurial Law of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor

Zinchuk Galina Mikhailovna – Dean of the Faculty of Economics and Law of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Economics, Associate Professor

Zubarev Sergey Mikhailovich – Head of the Department of Administrative Law and Process of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor

Zyryanov Sergey Mikhailovich – Leading Researcher of the Department of Administrative Law and Process of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor

Иванов Вилен Николаевич – советник РАН, вице-президент Российской Академии социальных наук, член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор

Капустин Анатолий Яковлевич – первый заместитель директора Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

Клеандров Михаил Иванович – судья Конституционного суда Российской Федерации в отставке, член-корреспондент РАН, ведущий научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук, доктор юридических наук, профессор

Кузнецов Вячеслав Николаевич – президент Фонда поддержки исследования проблем «Безопасность Евразии», член-корреспондент РАН, доктор социологических наук, профессор

Лалетина Алла Сергеевна – директор по правовому обеспечению и корпоративному управлению «Ростех», доктор юридических наук

Лисицын-Светланов Андрей Геннадьевич – ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН, академик РАН, доктор юридических наук, профессор

Манке Карстен – руководитель группы в Немецкой корпорации международного сотрудничества (GIZ) (German Corporation for International Cooperation GmbH)

Марченко Михаил Николаевич – заведующий кафедрой теории государства и права и политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор

Минашкин Виталий Григорьевич – проректор по научной деятельности Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор экономических наук, профессор

Михайлов Николай Иванович – начальник Научно-организационного управления Российской академии наук, доктор юридических наук, профессор

Мустафазе Айтен Инглаб кызы – директор Института права и прав человека Национальной академии наук Азербайджана, депутат Милли Меджлиса Азербайджанской Республики, доктор юридических наук, профессор

Плигин Владимир Николаевич – ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН, кандидат юридических наук

Рагимов Ильгам Мамедгасан оглы – президент Ассоциации юристов стран Черноморско-Каспийского региона, доктор юридических наук, профессор

Сафи Исмаил – член Совета по безопасности и внешней политике при Президенте Турецкой республики, директор Института безопасности и обороны Университета Истиние, доктор политических наук

Фатьянов Алексей Александрович – заведующий кафедрой государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор юридических наук, профессор

Хасбулатов Руслан Имранович – заведующий кафедрой мировой экономики Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор

Шамба Тарас Миронович – президент Коллегии адвокатов г. Москвы «ТАМИР», доктор юридических наук, профессор

Экимов Анисим Иванович – профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор юридических наук, профессор

Яблочкина Ирина Валерьевна – директор Центра гуманитарной подготовки Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор исторических наук, профессор

Ivanov Vilen Nikolayevich – Counselor of the Russian Academy of Sciences, Vice-President of the Russian Academy of Social Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophy, Professor

Kapustin Anatoly Yakovlevich – Deputy Director of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor

Kleandrov Mikhail Ivanovich – Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation Emeritus, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Leading Researcher of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor

Kuznetsov Vyacheslav Nikolayevich – President of the Foundation for the Support of the Research of Problems "Eurasian Security", Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sociology, Professor

Laletina Alla Sergeevna – Head of Corporate and Legal Department of the State Corporation "Rostec", Doctor of Law

Lisitsyn-Svetlanov Andrey Gennadievich – Leading Researcher of the Institute of State and Law of the RAS, Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor

Mahnke Carsten – Head of the Group in the German Corporation of International Cooperation (GIZ) (German Corporation for International Cooperation GmbH)

Marchenko Mikhail Nikolayevich – Head of the Department of Theory of State and Law and Political Science of the Moscow State University named after M. V. Lomonosov, Doctor of Law, Professor

Minashkin Vitaly Grigorievich – Vice-Rector for Research of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Economics, Professor

Mikhailov Nikolai Ivanovich – Head of the Scientific and Organizational Department of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor

Mustafazade Ayten Inqlab qizi – Director of the Institute of Law and Human Rights of the National Academy of Sciences of Azerbaijan, Deputy of the Milli Meclis of the Azerbaijan Republic, Doctor of Law, Professor

Pligin Vladimir Nikolaevich – Leading Researcher of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, PhD of Law

Ragimov Ilgam Mammadgasan oglu – President of the Association of Lawyers of the Black Sea-Caspian Region, Doctor of Law, Professor

Safi Ismail – Member of the Council on Security and Foreign Policy under the President of the Republic of Turkey, Director of the Institute of Security and Defense of the University of Istinye, Doctor of Political Science

Fatyantov Alexey Alexandrovich – Head of the Department of State-legal and Criminal-legal disciplines of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Law, Professor

Khasbulatov Ruslan Imranovich – Head of the Department of World Economy of the Plekhanov Russian University of Economics, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor

Shamba Taras Mironovich – President of the Bar Association of Moscow "TAMIR", Doctor of Law, Professor

Ekimov Anisim Ivanovich – Professor of the Department of Civil Legal Disciplines of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Law, Professor

Yablochkina Irina Valerievna – Director of the Center of Humanitarian Training of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Historical Sciences, Professor

Издано зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций: ПИ № ФС77-64675 от 22 января 2016 г.

The journal is registered in Federal Service for communication, informational technologies and media control: PI N FS77-64675 dated 22 January 2016

Учредитель
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Российский экономический университет
имени Г. В. Плеханова»
(ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г. В. Плеханова»)

Адрес редакции:
117997, Москва, Стремянный пер., 36.
Тел.: 8 (499) 237-85-02, e-mail: grapravo.kaf@mail.ru
www.rea.ru

Главный редактор Р. А. Курбанов
Заместитель главного редактора А. М. Белялова
Ответственный секретарь Ю. К. Давыдова
Редактор Ю. А. Еремина
Оформление обложки К. Г. Жигалов
Подписано в печать 20.12.2018. Формат 70 x 108 1/16.
Печ. л. 7,0. Усл.-печ. л. 9,8. Уч.-изд. л. 11,68. Тираж 500 экз. Заказ.
Отпечатано в ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г. В. Плеханова».
117997, Москва, Стремянный пер., 36.

Founder
Plekhanov
Russian University of Economics
(PRUE)

Editorial office address:
36 Stremyanny Lane, 117997, Moscow.
Tel.: 8 (499) 237-85-02, e-mail: grapravo.kaf@mail.ru
www.rea.ru

Chief editor R. A. Kurbanov
Deputy chief editor A. M. Belyalova
Executive Secretary Yu. K. Davydova
Editor Yu. A. Eremina
Cover design K. G. Zhigalov
Signed in print 20.12.2018. Format 70 x 108 1/16.
Printed sheets 7,0. Conv. sheets 9,8. Publ. sheets 11,68. Circulation 500. Order
Printed in Plekhanov Russian University of Economics.
36 Stremyanny Lane, 117997, Moscow

СОДЕРЖАНИЕ

Гражданское право	
Рузакова О. А., Пирогов А. И. <i>Географические указания как средство индивидуализации товаров: перспективы развития российского законодательства</i>	6
Людвиг С. Д., Линь М. М. <i>Развитие нормативного правового обеспечения гражданско-правовой ответственности по законодательству Российской Федерации</i>	12
Усачёва Ю. С. <i>Пределы ответственности морского перевозчика груза</i>	19
Тимофеева А. В., Хотин А. И. <i>Формирование и защита деловой репутации участников коммерческой деятельности</i>	25
Мальшева Л. В. <i>Основополагающие изменения контрактной системы Российской Федерации в 2018 г.</i>	30
Правовые основы цифровой экономики	
Фатьянов А. А. <i>Большие данные в цифровой экономике: ценность и правовые вызовы</i>	37
Полежаев О. А. <i>Виртуальные валюты как законные платежные средства</i>	41
Международное право	
Чувахин П. И. <i>Функционирование межправительственных финансовых организаций (на примере Совета по финансовой стабильности)</i>	49
Налоговое право	
Маслов К. В. <i>Налоговая безопасность государства: правовой анализ дефиниции</i>	59
Экономическая безопасность	
Изутина С. В. <i>Проблемы борьбы с легализацией преступных доходов: опыт и перспективы</i>	69
Руева Е. О., Глезденёва А. Ю. <i>Формирование антикоррупционного сознания молодежи в современных условиях</i>	76
Гражданский и арбитражный процесс	
Бирюков Ф. Ю. <i>Процессуальный статус специалиста в гражданском и арбитражном судопроизводстве</i>	81
Сравнительное правоведение	
Аллалыев Р. М. <i>Критика формальных концепций верховенства права</i>	87
Иваньшина И. А. <i>Нравственные основы бизнеса</i>	92
Дмитриева Т. Ф., Заяц К. С. <i>Сущность основных элементов криминалистической характеристики преступлений, связанных с использованием взрывных устройств и взрывчатых веществ, по законодательству Республики Беларусь</i>	97
Шеленговский П. Г., Грачева Д. А. <i>Категория «интеллектуальные права» в современной системе гражданских прав Российской Федерации и Республики Беларусь</i>	105
Требования к публикациям	110

CONTENTS

Civil Law	
Ruzakova O. A., Pirogov A. I.	
<i>Geographical Indications as a Means of Goods' Individualization: Prospects for Development of the Russian Legislation</i>	6
Ludwig S. D., Linh M. M.	
<i>Evolution of the Legal Support of Civil Liability under the Russian Legislation</i>	12
Usacheva Yu.S.	
<i>The Liability Limits of the Sea Cargo Carrier</i>	19
Timofeeva A. V., Khotin A. I.	
<i>Formation and Protection of Business Reputation of Participants in Commercial Activities</i>	25
Malysheva L. V.	
<i>Fundamental Changes in the Contract System of the Russian Federation in 2018</i>	30
Legal Basics of the Digital Economy	
Fatyanov A. A.	
<i>Big Data in the Digital Economy: Its Value and Legal Challenges</i>	37
Polezhaev O. A.	
<i>Virtual Currencies as Legal Means of Payment</i>	41
International Law	
Chuvakhin P. I.	
<i>Functioning of Intergovernmental Financial Organizations (on the Example of the Financial Stability Board)</i>	49
Tax Law	
Maslov K. V.	
<i>National Fiscal Security: Legal Analysis of the Definition</i>	59
Economic Security	
Izutina S. V.	
<i>Problems of Combating the Criminal Proceeds' Legalization: Experience and Prospects</i>	69
Rueva E. O., Glezdeneva A. Yu.	
<i>Formation of Anti-Corruption Consciousness of Youth in Modern Conditions</i>	76
Civil and Arbitration Process	
Biryukov Ph. Yu.	
<i>The Procedural Status of Specialist in Civil and Arbitration Proceedings</i>	81
Comparative Law	
Allalyev R. M.	
<i>Criticism of the Formal Rule of Law Conceptions</i>	87
Ivanshina I. A.	
<i>Moral Foundations of Business</i>	92
Dmitrieva T. F., Zayats K. S.	
<i>The Essence of the Basic Elements of Forensic Characteristics of Crimes Involving the Use of Explosive Devices and Explosives According to the Legislation of the Republic of Belarus</i>	97
Shelengovsky P.G., Gracheva D. A.	
<i>The Category of "Intellectual Rights" in the Modern System of Civil Rights of the Russian Federation and the Republic of Belarus</i>	105
Requirements to the Publications	110

Географические указания как средство индивидуализации товаров: перспективы развития российского законодательства

О. А. Рузакова

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин
РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: olalstep@mail.ru

А. И. Пирогов

доктор химических наук, профессор, профессор кафедры химии и химических технологий в энергетике
Ивановского государственного энергетического университета им. В. И. Ленина.

Адрес: ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный энергетический университет им. В. И. Ленина»,
153003, Ивановская обл., г. Иваново, ул. Рабфаковская, д. 34.
E-mail: apirogov2011@yandex.ru

Geographical Indications as a Means of Goods' Individualization: Prospects for Development of the Russian Legislation

O. A. Ruzakova

Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Legal Disciplines of the PRUE.

Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 117997, Russian Federation.

E-mail: olalstep@mail.ru

A. I. Pirogov

Doctor of Chemistry, Professor, Professor of the Department of Chemistry and Chemical Energy Technologies
of the Ivanovo State Power University named after V. I. Lenin.

Address: Ivanovo State Power University named after V. I. Lenin, 34 Rabfakovskaya Str.,
Ivanovo, 153003, Russian Federation.

E-mail: apirogov2011@yandex.ru

Аннотация

Данная статья посвящена изучению вопросов развития российских регионов с учетом перспектив изменения гражданского законодательства о средствах индивидуализации товаров. В статье рассматриваются особенности института географических указаний, его закрепление в международных договорах. Авторами дан критический анализ предложений проекта Федерального закона № 509994-7 «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации», принятого Государственному Думой в первом чтении, и приведен сравнительный анализ географических указаний и наименований места происхождения товаров. Новеллы частного правового регулирования о географических указаниях рассматриваются в статье в соотношении с нормами публичного права, регулирующими производство алкогольной продукции, в частности, положений Федерального закона от 22 ноября 1995 г. № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции», которые также содержат упоминание географических указаний и наименований места происхождения товаров.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, регионы, бренды, товары, интеллектуальные права, географическое указание, наименование места происхождения товара, региональные бренды, регистрация наименований места происхождения товаров, средства индивидуализации товаров, региональная политика, винодельческая продукция с защищенным географическим указанием.

Abstract

This article dwells on the study of the development of Russian regions, taking into account the prospects for changes in civil legislation on the means of individualization of goods. The article discusses the features of the institute of geographical indications, its fixation in international treaties. The authors give a

critical analysis of the proposals of the draft federal law No. 509994-7 "On Amendments to Part Four of the Civil Code of the Russian Federation", adopted by the State Duma in the first reading, and provide a comparative analysis of geographical indications and appellations of origin. New legal norms of private legal regulation on geographical indications are considered in the article in relation to the rules of public law governing the production of alcoholic beverages, in particular, the provisions of the Federal Law of November 22, 1995 N 171-FZ "On State Regulation of the Production and Circulation of Ethyl Alcohol, Alcohol and Alcohol-Containing Products and the Restriction of Consumption (Drinking) of Alcohol Products", which also contain references to geographical indications and appellations of origin.

Keywords: intellectual property, regions, brands, goods, intellectual rights, geographical indication, name of the place of origin, regional brands, registration of names of the place of origin, means of individualization, regional policy, wine production with the protected geographical indication.

Законодательство о средствах индивидуализации товаров достаточно стабильно. Четвертая часть Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) в части регулирования отношений, объектом которых являются товарные знаки, фирменные наименования, наименования места происхождения товаров (НМПТ), достаточно стабильна и с 1 января 2018 г. (с момента вступления в силу федерального закона) изменялась несущественно. Не менялся и перечень объектов интеллектуальных прав, предусмотренный в статье 1225 ГК РФ. Однако в июле 2018 г. Государственной Думой в первом чтении был рассмотрен проекта Федерального закона № 509994-7 «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации», которым предлагается дополнить статью 1225 ГК РФ и главу 76 новым объектом интеллектуальных прав – географическим указанием – как средством индивидуализации товаров, а также предлагаются отдельные изменения в правовое регулирование режима НМПТ. В последнее время наука уделяет немалое значение правовому режиму географических указаний¹.

Географические указания часто называют брендами, *брендами регионов*. Проектом предлагается более простая охрана таких брендов, по сравнению с действующей редакцией, в отношении НМПТ.

Это еще один шаг в направлении совершенствования законодательства об интеллектуальных правах. Регистрация наименований места происхождения товаров действует в Российской Федерации с 1992 г. (17 октября 1992 г. вступил в силу Закон Российской Фе-

дерации от 23 сентября 1992 г. № 3520-1 «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров»). Предлагаемое внесение изменений в механизмы охраны средств индивидуализации товаров проходит в русле антисанкционных мероприятий, повышения привлекательности регионов России, а также развития российской правовой системы в целом.

Предпосылками предлагаемых изменений являются прежде всего международные тенденции. Охрана географических указаний предусмотрена Соглашением по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС), Минским соглашением от 4 июня 1999 г. «О мерах по предупреждению и пресечению использования ложных товарных знаков и географических указаний», Договором о Евразийском экономическом союзе, законодательством Беларуси, Казахстана, Армении, стран Европейского союза, а также Мадридским соглашением о пресечении ложных или вводящих в заблуждение указаний происхождения на товарах 1891 г., Лиссабонским соглашением об охране наименований мест происхождения товаров и их международной регистрации 1958 г. (в последних двух Россия не участвует). В 2015 г. был принят Женевский акт Лиссабонского соглашения об охране наименований мест происхождения и их международной регистрации 1958 г., который дает возможность в рамках этого Соглашения осуществлять международную регистрацию не только НМПТ, но и географических указаний [6], что делает значительный шаг в унификации различных систем охраны географических указаний и НМПТ. В соответствии со статьей 2 (1) Женевского акта, географическое указание представляет собой указание, охраняемое в договаривающейся

¹ Анализ литературы по теме географических указаний приведен в [3].

стране происхождения и состоящее из названия (или содержащее название) географического района или иного указания, которое известно как указывающее на такой район, которое определяет товар как происходящий из этого географического района, когда установленное качество, репутация или иная особенность товара объясняется главным образом его географическим происхождением.

Пункт 17 Приложения № 26 к Договору о Евразийском экономическом союзе (подписан в Астане 29 мая 2014 г.)¹ под географическим указанием понимает обозначение, которое идентифицирует товар как происходящий с территории государства-члена, региона или местности на этой территории, если качество, репутация или иные характеристики товара в значительной степени обусловлены его географическим происхождением. При этом географическому указанию может предоставляться правовая охрана на территории государства-члена, если такая правовая охрана предусмотрена законодательством этого государства-члена или международными договорами, участником которых оно является.

С учетом положения международных договоров, в которых участвует Россия, их приоритета над внутренним законодательством, а также норм Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» существует позиция, что географические указания защищаются в соответствии с этим Законом с 22 августа 2012 г. – с даты вступления России в Соглашение об учреждении ВТО [1].

Другой предпосылкой являются сложности при регистрации наименований места происхождения товаров, а именно необходимость подтверждения не только известности обозначения, указывающего на определенную местность, но и особенностей свойств товаров, которые определяются характерными для данного географического объекта природными условиями и (или) людскими факторами. Зачастую особые свойства не проявляются в самих товарах и, соответственно, не могут быть объективно проверены. С 1992 г. в Российской Федерации зарегистрировано всего около 170 наименований

места происхождения товаров. Так, в 2017 г. было подано 56 заявок (все от российских заявителей) из 10 регионов, 15 из которых было подано из Ставропольского края; при этом было выдано 30 свидетельств об исключительном праве на наименование². Для государственной регистрации необходимо получение заключения соответствующего органа исполнительной власти о том, что в границах данного географического объекта заявитель производит товар с особыми свойствами. К таким органам относятся Минздрав России – минеральные воды; Минпромторг России – изделия народных художественных промыслов; Минсельхоз России – сельскохозяйственные товары; Росалкогольрегулирование – алкогольная продукция. Однако такой перечень охватывает не все виды товаров, которые могут обозначаться НМПТ, что также снижает возможности регистрации.

Еще одна причина, по которой необходимо скорейшее принятие изменений о географических указаниях, – это развитие регионов России. Проблема российских территорий заключается в том, что, несмотря на историческую и природную уникальность, многочисленность культурных достопримечательностей в стране, сложившиеся вековые традиции многих регионов, в том числе в сфере прикладного творчества, национальной кухни и т. п., большинство российских территорий характеризует слабо выраженный имидж [5]. Поэтому проект направлен на развитие российских регионов, товаров, производителей и может в определенной мере быть отнесен к категории антисанкционных.

Кроме того, введение правовой охраны географических указаний может стать еще одним шагом в расширении возможностей коммерциализации прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации [4]. Несмотря на то, что исключительное право на географическое указание, как и наименование места происхождения товара, оборотоспособно, их наличие имеет значение в повышении коммерческой значимости товаров, которые маркируются этими обозначениями. Случаи успешного применения географических ука-

¹ См.: URL: <http://www.eurasiancommission.org/> (дата обращения: 05.06.2014).

² См.: Отчет Роспатента за 2017 г. – URL: https://rupto.ru/content/uploadfiles/docs/otchet_2017_ru.pdf

заний показывают, что при их правильном и умелом использовании эти неосязаемые активы открывают богатые возможности дифференциации продукции и получения дополнительного дохода, а также создают позитивный побочный эффект в смежных областях, связанных с исходным продуктом, принесшим географическому указанию известность. Случаи успешного применения географических указаний показывают, что при их правильном и умелом использовании эти неосязаемые активы открывают богатые возможности дифференциации продукции и получения дополнительного дохода, а также создают позитивный побочный эффект в смежных областях, связанных с исходным продуктом, принесшим географическому указанию известность [2. – С. 7].

Основные принципы введения правовой охраны географических указаний, предлагаемых в проекте федерального закона, сходны с правовой охраной наименований места происхождения товаров, в связи с чем положения ГК РФ о географических указаниях подлежат применению к наименованиям места происхождения товаров с учетом определенных особенностей. Такого рода юридический прием ведет к рассмотрению наименований места происхождения товаров как разновидности географических указаний, что может давать повод для сомнений относительно самостоятельности наименований как средств индивидуализации товаров. В то же время различия очевидны (таблица).

Сравнительный анализ географических указаний и НМПТ

	Географические указания	НМПТ (с учетом новелл)
Что индивидуализирует	Товары, происходящие с определенной территории	
Способ индивидуализации	Через качество, репутацию и другие характеристики товара, идентифицирующие товар как происходящий с определенной территории	Через особые свойства, которые обусловлены природными или людскими факторами местности
Стадии производства	На территории должна осуществляться хотя бы одна из стадий производства товара	На территории должны осуществляться все стадии производства товара
К заявке на регистрацию прилагаются	Документы, подтверждающие определенные характеристики товара, определяемые географическим происхождением	Заключение уполномоченного федерального органа исполнительной власти, а при отсутствии такового – заключение организации, уполномоченной органом государственной власти субъекта Российской Федерации
Государственная регистрация	Роспатент, формальная экспертиза и экспертиза по существу	
Число заявителей	Одно или несколько лиц	
Исключительное право	Содержание, бессрочный характер, срок действия свидетельства 10 лет с возможностью продления и др.	
Ответственность	Взыскание компенсации не предусмотрено	Взыскание компенсации за нарушение исключительного права

Географическое указание определяется как обозначение, которое позволяет идентифицировать товар как происходящий с территории географического объекта, при этом определенное качество, репутация или другие характеристики товара в значительной степени определяются его географическим происхождением.

Регистрация географических указаний будет осуществляться Роспатентом. При подаче заявки необходимо указать на связь определенного качества, репутации или других характеристик товара с местом происхождения; указать описание способа производства; условия хранения товара; порядок контроля за соблюдением условий производства това-

ра. К заявке на географическое указание должны быть приложены документы, подтверждающие, что заявитель производит товар, обладающий определенным качеством, репутацией или другими характеристиками товара, которые в значительной степени определяются его географическим происхождением, однако перечень лиц, которые могут предоставить соответствующие документы, не указан. Требования к документам будут определены административными регламентами Минэкономразвития России. Предполагается, что это могут быть документы, предоставляемые не только федеральными органами исполнительной власти, как это на сегодняшний день имеет место применительно к наименованиям места происхождения товаров, но и органами государственной власти субъектов Российской Федерации, муниципальными органами, специализированными учреждениями, например научно-исследовательскими институтами и др.

Изменения отдельных особенностей правового режима наименований места происхождения товаров включают в себя следующее: требование в отношении наименований места происхождения товаров об осуществлении всех стадий производства товара на территории соответствующего географического объекта; введение возможности подачи заявки на регистрацию наименований места происхождения товаров одновременно несколькими лицами. На практике нередко особые свойства товара обусловлены деятельностью нескольких лиц, в том числе тех, кто создает необходимые материалы, добывает сырье, обеспечивает хранение товара, а не только тех, кто осуществляет непосредственно его создание. При этом расширяются возможности в предоставлении заключения. Так, если уполномоченный Правительством Российской Федерации федеральный орган исполнительной власти в соответствующей сфере производства товара отсутствует, то к заявке на регистрацию наименования места происхождения товара прилагается заключение органа (организации), уполномоченного высшим органом государственной власти субъекта Российской Федерации, на территории которого находится данный географический объект.

Значение региональных органов применительно к географическим указаниям и наименованиям места происхождения товаров будет неуклонно расти. Это связано с тем, что особые требования к стадиям производства, качеству, репутации, известности, особым свойствам или другим характеристикам товара, для обозначения которого используется географическое указание или наименование места происхождения товара, могут устанавливаться не только федеральными нормативными правовыми актами, но и нормативными правовыми актами органов государственной власти субъектов Российской Федерации, на территории которых находятся соответствующие географические объекты (проектируемая норма пункта 1 статьи 1516 ГК РФ). При этом необходимо учитывать, что гражданское законодательство находится в исключительном ведении Российской Федерации, в связи с чем возможность возникновения такого объекта, как географическое указание, или наименование места происхождения товара, не должно зависеть от правового регулирования субъектов Российской Федерации.

Важную роль в правовом регулировании наименований места происхождения товаров призван играть правовой прием применения положений о географических указаниях к наименованиям места происхождения товаров с выделением отдельных особенностей правового регулирования наименований, учитывая, что основные принципы введения правовой охраны географических указаний сходны с правовой охраной наименований места происхождения товаров (пункт 4 статьи 1516 ГК РФ).

Введение правового регулирования географических указаний в ГК РФ – очень важный шаг с точки зрения перспектив развития регионов России. Проблематика многих российских территорий состоит в том, что, несмотря на историческую и природную уникальность, многочисленность культурных достопримечательностей в стране, сложившиеся вековые традиции многих регионов, многие российские территории характеризует слабо выраженный имидж. Показать все многообразие товаров, производимых в России, их особенности, непревзойденное качество, а также защитить российских производителей –

вот задача законодателя на сегодняшний день. В определенной степени это и противостояние тем зарубежным санкциям, которые применяются сегодня в разных сферах производства.

При этом еще одним шагом в деле совершенствования законодательства должно стать приведение публичного законодательства в соответствие с новеллами ГК РФ. Так, пункт 24 статьи 2 Федерального закона от 22 ноября 1995 г. № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» дает определение винодельческой продукции с защищенным географическим указанием как винодельческой продукции, производство которой, в том числе розлив, осуществляется в границах географического объекта, указываемого на различных видах этикеток (этикетке, кольеретке, контрэтикетке), потребительской таре (упаковке), и которая произведена из определенных техническими документами сорта или смеси сортов винограда и обладает свойствами, которые определяются характерными для данного

географического объекта природными условиями. Винодельческая продукция с защищенным географическим указанием производится из винограда, не менее 85% которого выращено в границах данного географического объекта, а остальной использованный для производства такой продукции виноград выращен в границах субъекта Российской Федерации, в котором расположен данный географический объект. В числе таких географических объектов регионы Крыма, Ставропольского, Краснодарского края, Дагестана и др.

В целом развитие законодательства о географических указаниях позволит вывести на более высокий уровень российские регионы в деле производства уже известных и новых товаров и обеспечить известность не только зарубежных брендов, таких как Scotch, Porto, Havana, Tequila и Дарджилинг, ассоциирующихся во всем мире с продукцией, свойства и качество которой обусловлены ее географическим происхождением, но и крымских и таманских вин, байкальского омуля и камчатского краба, палехской шкатулки и якутских алмазов, калужского теста и старорусского пива и многим других российских брендов.

Список литературы

1. Гаврилов Э. П. Как надо защищать наименования мест происхождения товаров и географические указания // Патенты и лицензии. – 2017. – № 5. – С. 9–14.
2. Географические указания. Введение. Всемирная Организация Интеллектуальной Собственности. – URL: http://www.wipo.int/edocs/pubdocs/ru/wipo_pub_952.pdf
3. Право интеллектуальной собственности. – Т. 3: Средства индивидуализации : учебник / А. С. Ворожечин, О. С. Гринь, В. А. Корнеев и др.; под общ. ред. Л. А. Новоселовой. – М. : Статут, 2018.
4. Фабричный С.Ю., Рузакова О. А. Коммерциализация интеллектуальной собственности: проблемы регулирования // Патенты и лицензии. – 2017. – № 7. – С. 41–48.
5. Фабричный С. Ю., Рузакова О. А. Региональные бренды России: основные направления развития // Патенты и лицензии. – 2017. – № 5. – С. 46–53.
6. Шахназарова Э. А. Особенности международно-правовой охраны наименований мест происхождения товаров и географических указаний в свете принятия Женевского акта Лиссабонского соглашения 20 мая 2015 г. // Журнал российского права. – 2016. – № 11. – С. 171–180.

Развитие нормативного правового обеспечения гражданско-правовой ответственности по законодательству Российской Федерации**С. Д. Людвиг**

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: ludwig08@rambler.ru

М. М. Линь

магистрант 2-го курса факультета экономики и права РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: mmlin94hn@gmail.com

Evolution of the Legal Support of Civil Liability under the Russian Legislation**S. D. Ludwig**

PhD of Law, Associate Professor, Associate Professor
of the Department of Civil Legal Disciplines of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 117997, Russian Federation.
E-mail: ludwig08@rambler.ru

M. M. Linh

Master of the Second Year of the Faculty of Economics and Law of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 117997, Russian Federation.
E-mail: mmlin94hn@gmail.com

Аннотация

В статье приведены результаты научного исследования общественных отношений, возникающих в сфере гражданско-правовой ответственности. Делается вывод о том, что в российском законодательстве не закрепляется определение гражданско-правовой ответственности. Для преодоления данного законодательного пробела автор предлагает предусмотреть в гл. 25 ГК РФ специальную статью. В работе отмечается, что меры гражданско-правового принуждения реализуются исключительно в качестве охранительных правоотношений и применимы в том случае, если правонарушитель в добровольном порядке отказался возмещать потерпевшему причиненный вред. Также, автор обращает внимание, что в основе гражданско-правовой ответственности лежат соответствующие принципы, представляющие собой основополагающие начала. Методологической основой исследования послужила система различных общенаучных и частно-научных методов познания рассматриваемых вопросов; использованы различные методы познания, в том числе, метод системно-структурного, формально-юридического, сравнительно-правового и комплексного анализа, логического толкования правовых терминов и явлений и другие.

Ключевые слова: юриспруденция, право, гражданское право, ответственность, понятие, характеристика, принципы, функции, виды, правонарушение, способы, правоприменительная практика, государство, Российская Федерация.

Abstract

The article presents the results of a scientific study of social relations arising in the field of civil liability. It is concluded that the definition of civil liability is not fixed in the Russian legislation. To overcome this legislative gap, the author proposes to provide a special article in the chapter 25 of the Civil Code of the Russian Federation. The article notes that measures of civil law enforcement are implemented exclusively as protective legal relations and are applicable in the event that the offender voluntarily

refused to compensate the injured person for the harm caused. Also, the author notes that the basis of civil liability are the relevant principles that constitute the fundamental principles. The methodological basis of the study is the system of various general scientific and particular scientific methods of cognition of the questions under consideration; various methods of cognition were used, including the method of system-structural, formal-legal, comparative legal and complex analysis, logical interpretation of legal terms and phenomena, and others.

Keywords: jurisprudence, law, civil law, responsibility, concept, description, principles, functions, types, offense, methods, law enforcement practice, state, Russian Federation.

В правовой науке юридическая ответственность рассматривается в качестве специальной негативной реакции государства в отношении совершенного правонарушения, следствием чего является применение к правонарушителю мер государственного воздействия: материального характера либо личного принуждения и ограничения прав. Каждый из видов юридической ответственности (конституционная, гражданско-правовая, уголовная, административная, материальная, дисциплинарная, налоговая и т. д.) обладает как общими признаками (например, влекут определенные лишения для правонарушителя), так и специфическими особенностями. В частности, субъектом уголовной ответственности может являться только физическое лицо, а гражданско-правовая ответственность наступает по инициативе лица, которому был причинен вред.

Самыми распространенными правоотношениями, в которых участвуют субъекты правоотношений практически каждый день, являются гражданско-правовые отношения. Соответственно, меры гражданско-правовой ответственности в практике являются достаточно распространенными.

Рассматриваемый вид юридической ответственности считается эффективным и действенным правовым способом, направленным на достижение справедливости имущественных интересов субъектов гражданских правоотношений. Учитывая, что гражданско-правовая ответственность характеризуется специфическими особенностями, основаниями и условиями наступления, а также последствиями для правонарушителя, полагаем важным провести более подробное исследование вопросов наступления такой ответственности, оснований и условий ее применения.

Гражданско-правовая ответственность – это вид юридической ответственности. Вместе с тем единообразного понятия и сущности гражданско-правовой ответственности в научной среде не имеется, что обуславливается многогранным и сложным характером рассматриваемого института. Как замечает О. О. Небрatenko, проблема изучения гражданско-правовой ответственности выступает одной из главнейших в науке гражданского права [8. – С. 8]. В связи с изложенным первоочередным является рассмотрение самого понятия «юридическая ответственность», без чего невозможно полно и всесторонне определить сущность и правовую природу института гражданско-правовой ответственности.

Как отмечает В. К. Бабаев, юридическая ответственность представляет собой единство субъективного и объективного [1. – С. 636].

В научной среде предприняты попытки по обоснованию существования единого понятия юридической ответственности, которое включает в себя позитивный и негативный аспекты. Данное обстоятельство обуславливается несовершенством концепции как позитивного, так и негативного понимания юридической ответственности [7. – С. 164].

По утверждению А. В. Кинсбургской, «основными непосредственными целями юридической ответственности являются наказание совершивших правонарушения лиц и максимально возможное устранение причиненного правонарушением вреда (восстановление нарушенного права потерпевшего, компенсация причиненных правонарушением убытков и др.)» [4. – С. 49].

Конечная цель юридической ответственности заключается в устранении правонарушений. Непосредственной целью юридической ответственности является применение

мер наказания к нарушителю праву, что позволяет говорить о карательной функции.

В юридической науке традиционной является классификация юридической ответственности по характеру применяемых санкций на 1) уголовную, которая наступает при совершении лицом преступления – виновно совершенного общественно опасного деяния, запрещенного Уголовным кодексом Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (далее – УК РФ) под угрозой наказания; 2) административную, применяемую за совершение правонарушения, предусмотренного Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ и законами субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях; 3) собственно гражданско-правовую, которая является непосредственным предметом исследования в данной статье.

Помимо данной классификации в научной литературе выделяются и иные виды ответственности: конституционная, земельная, политическая, гражданско-процессуальная, материальная, налоговая и т.д. Обратим внимание на то обстоятельство, что нередко некоторые лица смешивают материальную ответственность с гражданско-правовой.

Конституция Российской Федерации в части 2 статьи 45 закрепляет за каждым гражданином право на защиту своих прав и свобод всеми способами, не запрещенными законом.

Часть 3 статьи 1 ГК РФ говорит о принципе добросовестности участников гражданских правоотношений. Они должны действовать добросовестно в случае установления, осуществления и защиты гражданских прав и исполнения гражданских обязанностей.

Надо отметить, что меры гражданско-правового принуждения реализуются исключительно в качестве охранительных правоотношений и применимы в том случае, если правонарушитель в добровольном порядке отказался возмещать потерпевшему причиненный вред. Защита гражданских прав возникает при наличии нарушения.

Возможно сформулировать признаки, по которым следует отличать гражданско-правовую ответственность от иных видов

юридической ответственности: 1) правоотношения в рамках применения мер гражданско-правовой ответственности возникают между ее субъектами (гражданин, юридическое лицо, публичное образование); 2) субъекты гражданских правоотношений могут самостоятельно устанавливать меры и размер гражданско-правовой ответственности; 3) исполнение обязанности, возникшей в качестве гражданско-правовой ответственности, происходит по добровольному принципу, а не обладает принудительным характером; 4) ответственность наступает в результате инициативных действий лица, права которого были нарушены; 5) меры гражданско-правовой ответственности обладают имущественным характером; 6) гражданско-правовая ответственность выполняет особую функцию, которая выражается в устранении неблагоприятных последствий для правонарушителя, – это компенсация причиненного вреда.

Следовательно, необходимо подчеркнуть, что в российском законодательстве не закреплено определение гражданско-правовой ответственности. Для преодоления данного пробела предлагаем предусмотреть в главе 25 ГК РФ специальную статью, в которой необходимо изложить следующее определение гражданско-правовой ответственности: гражданско-правовая ответственность представляет собой специально закрепленные в законодательстве меры реагирования на совершенное участником гражданских правоотношений правонарушение, предназначение которых заключается в восстановлении прежнего состояния, существовавшего до момента совершения правонарушения, компенсации потерпевшему причиненного вреда и несении правонарушителем специальных неблагоприятных лишений и ограничений гражданских прав имущественного характера.

Рассмотрим принципы и функции гражданско-правовой ответственности.

Цели и функции гражданско-правовой ответственности являются схожими понятиями, ввиду чего некоторые авторы не проводят четкого разграничения между ними. Следует признать обоснованным высказывание Н. А. Духно, что «цель гражданско-правовой ответственности является двойкой и заклю-

чается в обеспечении правопорядка в сфере гражданско-правовых отношений и воспитания у граждан добросовестного поведения, основанного на соблюдении гражданско-правовых норм» [3. – С. 40].

Конечная и перспективная цель ответственности – это устранение правонарушений со стороны всех субъектов правоотношений. Непосредственная цель юридической ответственности состоит в наказании лица, которое может носить различный характер.

Основные цели гражданско-правовой ответственности можно свести к следующему: 1) осуществлять охрану гражданско-правовых отношений; 2) применять меры ответственности к нарушителям права; 3) исправлять и воспитывать правонарушителей; 4) не допускать совершения новых правонарушений и т. д.

Функции гражданско-правовой ответственности устанавливаются и направляются ее целями. При этом функции юридической ответственности тесно взаимосвязаны с функциями права. Юридическая ответственность в качестве явления социального имеет характер самозащиты общества от посягновений на его устои [9. – С. 28].

Следовательно, ввиду специфики гражданско-правовой ответственности своеобразными являются цели и функции данной ответственности. Основные цели гражданско-правовой ответственности сводятся к охране гражданско-правовых отношений; применению мер ответственности к нарушителям права; исправлению и воспитанию правонарушителей; предупреждению совершения новых правонарушений и т. д.

Функции гражданско-правовой ответственности устанавливаются и направляются ее целями. Основными функциями гражданско-правовой ответственности являются восстановительная, предназначение которой состоит в возвращении прежнего состояния, существовавшего до момента совершения нарушения, и компенсационная. Среди дополнительных функций гражданско-правовой ответственности можно назвать карательную, регулятивную, превентивную, стимулирующую и др.

В основе реализации гражданско-правовой ответственности лежат соответ-

ствующие принципы. Недостатком действующего законодательства является отсутствие соответствующих принципов гражданско-правовой ответственности в гражданском законодательстве.

Выделяют два основных вида гражданско-правовой ответственности, определяемые в зависимости от основания применения мер ответственности: 1) договорной; 2) внедоговорной. Основанием наступления договорной ответственности следует назвать нарушение одной из сторон условий заключенного договора.

Перейдем к рассмотрению вопросов применения гражданско-правовой ответственности.

Основания, порядок и условия применения гражданско-правовой ответственности за нарушение обязательств регулируются главой 25 ГК РФ.

Условия гражданско-правовой ответственности: 1) наличие противоправного поведения лица, которое нарушило субъективное право; 2) вред; 3) причинно-следственная связь между противоправным поведением и результатами. Установление такой причинной связи можно назвать одним из самых дискуссионных вопросов как в теории, так и в практике развития гражданских правоотношений. Следует также отметить, что не во всех случаях наступления договорной ответственности установление причинной связи является необходимым условием. Так, в случае с взысканием неустойки как формы ответственности установление вреда, а также причинной связи не обязательно; 4) вина правонарушителя.

Согласно статье 12 ГК РФ, способами защиты гражданских прав являются возмещение убытков, взыскание неустойки, компенсация морального вреда, которые одновременно являются и мерами гражданско-правовой ответственности. По данному вопросу в научной среде высказывается мнение, что если указанные способы принуждения подлежат взысканию при наличии вины правонарушителя, то их следует относить к мерам ответственности, а если они применяются в целях восстановления нарушенных прав и осуществления воздействия на правонарушителя, то следует говорить о мерах защиты гражданских прав [5. – С. 104].

Согласимся с точкой зрения А. В. Добровинской о том, что в качестве основной формы гражданско-правовой ответственности, согласно ГК РФ, целесообразно назвать возмещение убытков, что обусловливается ее общим правилом о том, что она выступает «универсальной мерой для всех гражданско-правовых отношений» [2. – С. 11].

В юридической литературе неустойка рассматривается в двух значениях: 1) способ исполнения обязательства; 2) мера гражданско-правовой ответственности. Следовательно, неустойка в качестве меры гражданско-правовой ответственности может признаваться только при ненадлежащем исполнении обязательств.

Повторное применение мер гражданско-правовой ответственности в виде взыскания неустойки является незаконным, однако и такие случаи могут быть предметом судебного разбирательства. В частности, Красноярский краевой суд в Апелляционном определении от 24 февраля 2014 г. по делу № 33-1735/2014 подчеркнул, что судом обоснованно отказано во взыскании с ответчицы неустойки в размере 50 тыс. рублей на основании пункта 10.7 договора, поскольку с нее уже взыскана неустойка на основании пункта 10.1 договора за несвоевременную уплату продавцу денежных средств, предусмотренную пунктом 1.4 договора, в связи с чем повторное возложение на нее ответственности за данную просрочку недопустимо.

В том случае если покупатель приобретает жилое помещение у продавца-застройщика, то наблюдается повышенная ответственность, поскольку на правоотношения покупателя и продавца распространяются положения Закона Российской Федерации № 2300-1 «О защите прав потребителей». Стороны договора купли-продажи вправе включить в него положение, предусматривающее более высокое качество, чем те, которые предусмотрены соответствующими стандартами или техническими регламентами, и если жилое помещение, несмотря на соответствие обязательным требованиям стандартов, не отвечает согласованным сторонами требованиям к качеству, то такое жилое помещение нельзя признать объектом ненадлежащего качества, и покупатель вправе

предъявить требования к продавцу по предоставлению другого жилого помещения.

Закон Российской Федерации «О защите прав потребителя» не раскрывает понятие «ненадлежащее качество», давая лишь определения терминов «недостаток» и «существенный недостаток». Так, существенными недостатками жилого помещения как объекта договора купли-продажи, по нашему мнению, могут быть признаны следующие обстоятельства: излишняя затененность, влажность помещения и т. п.; недостаточный обогрев помещений; использование при строительстве некачественных материалов, угрожающих жизни и здоровью, что делает невозможной хозяйственную деятельность в таком помещении и т. д. Данные действия со стороны арендодателя, который знал о данных дефектах, следовало бы квалифицировать как злоупотребление правом.

Согласимся с высказыванием Р. Р. Ленковской, что покупатель вправе предъявить требования продавцу в отношении любого конструктивного элемента квартиры ввиду его некачественности [6. – С. 14]. В частности, в рамках рассмотрения Санкт-Петербургским городским судом дела № 33-9216/2011 (Определение Санкт-Петербургского городского суда от 5 июля 2011 г. № 33-9216/201) на продавца была возложена обязанность замены некачественно установленного в квартире в новом возведенном доме витражного остекления, а также установки дополнительных створок. В данном случае формой гражданско-правовой ответственности выступает возмещение вреда в натуре.

В качестве меры ответственности за нарушение прав потребителей часть 6 статьи 15 Закона Российской Федерации № 2300-1 «О защите прав потребителей» называет уплату штрафа.

В юридической литературе можно встретить точку зрения, согласно которой годовые проценты за неисполнение денежных обязательств, установленные статьей 395 ГК РФ, наряду с возмещением убытков и уплатой неустойки, следует рассматривать в качестве самостоятельной формы гражданско-правовой ответственности [10. – С. 271].

В случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательств лицо как сто-

рона обязательства может нести меры ответственности гражданско-правового характера как перед другими юридическими лицами, публичными образованиями, так и перед гражданами, с которыми они вступают в договорные отношения.

Заемщик по договору потребительского кредита несет ответственность перед кредитором за нарушение сроков возврата кредита, нецелевое использование кредита, утраты обеспечения своего обязательства, односторонний отказ от договора кредита и т. д. Так, Омским областным судом по делу № 33-129/2015 (Апелляционное определение Омского областного суда от 14 января 2015 г. по делу № 33-129/2015) ООО ИКБ было установлено, что «Совкомбанк» свою обязанность по выдаче денежных средств заемщику исполнил надлежащим образом. Т. воспользовался предоставленными денежными средствами, однако обязательства по возврату кредита и уплате процентов не исполняет.

Компенсация морального вреда является способом защиты нематериальных благ. Недостатком гражданского законодательства России следует назвать то обстоятельство, что законодатель не совсем удачно раскрывает содержание понятия «моральный вред». Не выработана его устойчивая характеристика и в судебной практике.

При рассмотрении судебных споров, связанных с нарушением нематериальных благ и личных неимущественных прав, принимаются обстоятельства, которые свидетельствуют о степени причиненных гражданину страданий. Как отмечено в Апелляционном определении Белгородского областного суда от 19 августа 2014 г. № 33-3384/2014, право гражданина на возмещение вреда, причиненного жизни или здоровью, следует признать в качестве основного неотчуждаемого права. В ряде других

судебных решений подчеркивается, что категории «жизнь» и «здоровье» являются бесценными и не могут быть возвращены выплатой денег.

Признаем необходимость закрепления в ГК РФ альтернативных способов возмещения морального вреда, не связанных с материальной выплатой. Среди них можно назвать извинение, опровержение, примирение, реабилитацию.

Следовательно, практическая реализация гражданско-правовой ответственности происходит посредством применения специальных мер гражданско-правовой ответственности, которые применяются к участникам гражданских правоотношений в случае нарушения гражданских прав и, как показывает практика гражданско-правовых отношений, в большинстве ситуаций в случаях неисполнения или ненадлежащего исполнения лицами взятых на себя обязательств либо нарушения прав и носят имущественный характер.

Завершая исследование отметим, что на основании рассмотрения теоретических концепций, посвященных изучению понятия и сущности гражданско-правовой ответственности, можно сформулировать следующее определение данного правового явления: гражданско-правовая ответственность представляет собой специально закрепленные в законодательстве меры реагирования на совершенное участником гражданских правоотношений правонарушение, предназначение которых заключается в восстановлении прежнего состояния, существовавшего до момента совершения правонарушения, компенсации потерпевшему причиненного вреда и несения правонарушителем специальных неблагоприятных лишений и ограничений гражданских прав, носящих имущественный характер.

Список литературы

1. *Бабаев В. К.* Теория государства и права : учебник для бакалавров. – М. : Юрайт, 2013.
2. *Добровинская А. В.* Убытки в гражданском праве // Юрист. – 2015. – № 12. – С. 4–11.
3. *Духно Н. А.* Юридическая ответственность как способ укрепления правопорядка // Российский следователь. – 2012. – № 19. – С. 37–40.
4. *Кинсбургская В. А.* Ответственность за нарушение законодательства о налогах и сборах. – М. : Юстицинформ, 2013.

5. *Кравченко А. А.* Соотношение мер защиты и мер ответственности как способов защиты субъективных гражданских прав // *Российский юридический журнал*. – 2015. – № 2. – С. 94–104.
6. *Ленковская Р. Р.* Особенности ответственности сторон по договору купли-продажи недвижимости // *Правовые вопросы недвижимости*. – 2015. – № 1. – С. 11–14.
7. *Мильков А. В.* О несостоятельности концепции двухаспектной юридической ответственности // *Закон*. – 2016. – № 6. – С. 152–164.
8. *Небратенко О. О.* К вопросу условий гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный органами публичной власти // *Муниципальная служба: правовые вопросы*. – 2012. – № 3. – С. 7–8.
9. *Чернявский А. Г.* *Юридическая ответственность : учебное пособие*. – М. : Альфа-М : НИЦ Инфра-М, 2014.
10. *Яковлев В. Ф.* *Избранные труды*. – Т. 2: *Гражданское право: история и современность*. – Кн. 2. – М. : Статут, 2012.

Пределы ответственности морского перевозчика груза

Ю. С. Усачёва

аспирантка кафедры гражданско-правовых дисциплин
РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: usacheva16@gmail.com

The Liability Limits of the Sea Cargo Carrier

Yu. S. Usacheva

Post-Graduate Student of the Department of Civil Law Disciplines of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,

Moscow, 117997, Russian Federation.
E-mail: usacheva16@gmail.com

Аннотация

В данной статье рассматриваются законодательные акты, устанавливающие перечень обстоятельств, где перевозчик отвечает только в том случае, если грузоотправитель или грузополучатель доказывает, что утрата или повреждение принятого для перевозки груза произошли по вине перевозчика. Большое внимание уделяется анализу норм действующего российского законодательства, что позволяет выделить ряд обстоятельств, при которых перевозчик несет ответственность за утрату или повреждение груза только в том случае, если грузополучатель докажет его вину. В работе отмечается, что большинство споров в области морских перевозок возникают вследствие утраты или повреждения грузов. Также говорится, что в целях возмещения убытков участникам отношений конкретной морской перевозки необходимо исходить из условий договора, а также руководствоваться законодательством об обязанностях перевозчика, экспедитора, грузоотправителя и грузополучателя. Автор приходит к выводу о том, что в транспортных законах ответственность перевозчика возникает при наличии его вины и исключается, если несохранность груза произошла вследствие обстоятельств, за которые перевозчик не отвечает.

Ключевые слова: транспортное право, морское право, международная морская перевозка, перевозка грузов, ответственность перевозчика, освобождение от ответственности, ограничение ответственности, Гаагско-Висбийские правила, Гамбургские правила, Роттердамские правила.

Abstract

This article deals with legislative acts establishing the list of circumstances where the carrier is only responsible if the shipper or the consignee proves that the loss or damage to the cargo occurred through the fault of the carrier. Much attention is paid to the analysis of the norms of the current Russian legislation, which allows us to single out a number of circumstances in which the carrier is responsible for loss or damage to the cargo only if the consignee proves his guilt. The paper notes that the majority of disputes in the field of maritime transport arise from loss or damage to cargo. Also, in order to compensate for damages to participants in a particular maritime transport relationship, it is necessary to proceed from the terms of the contract, as well as be guided by the legislation on the obligations of the carrier, forwarder, shipper and consignee. The author comes to the conclusion that the carrier's liability in transport laws arises if he is guilty and is excluded if the cargo has not been preserved due to circumstances for which the carrier is not responsible.

Keywords: transport law, maritime law, international carriage of goods by sea, liability of the carrier, exemption of liability, limitation of liability, Hague-Visby Rules, Hamburg Rules, Rotterdam Rules.

Анализ современных условий развития и укрепления коммерческих отношений между различными государствами, а следовательно, активного развития международного транс-

портного сообщения позволяет сделать вывод о том, что все большую востребованность приобретает транспортировка грузов морским транспортом.

Морские перевозки являются универсальным средством перемещения грузов как в области внутригосударственной, так и международной экономической деятельности.

Ввиду мобильности, сравнительно доступных цен и возможности доставить груз в любую точку мира морские перевозки груза являются наиболее часто используемым на практике видом транспортировки внешнеторговых грузов.

Прежде всего следует отметить, что транспортировка грузов морским путем является одним из самых распространенных и налаженных способов перевозки. Однако важно понимать, что наличие иностранного элемента предполагает достаточно сложное правовое регулирование данного вида перевозки на уровне как национальных, так и международных актов.

Так, говоря о правовом регулировании перевозок в рамках внутренних водных путей России необходимо отметить следующие акты: Конституция Российской Федерации, Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ, Кодекс внутреннего водного транспорта Российской Федерации от 7 марта 2001 г. № 24-ФЗ, а также ряд иных федеральных законов и подзаконных нормативных актов, многие из которых будут упомянуты ниже.

Также следует отметить международные соглашения, которые регламентируют вопросы регулирования морской перевозки грузов. К таким международным соглашениям в первую очередь относятся Международная конвенция об унификации некоторых правил о коносаменте, заключенная в Брюсселе 25 августа 1924 г., Протокол об изменении Международной конвенции об унификации некоторых правил о коносаменте (1924 г.), Конвенция Организации Объединенных Наций «О морской перевозке грузов», заключенная в Гамбурге 31 марта 1978 г., Конвенция Организации Объединенных Наций «О договорах полностью или частично морской международной перевозки грузов» («Роттердамские правила»), заключенная в Нью-Йорке 11 декабря 2008 г.

Кроме перечисленных международных актов правовое регулирование морских перевозок грузов осуществляется при помощи обычаев и торговых обыкновений.

В свою очередь, именно сложность правового регулирования обуславливает особый интерес к спорам, возникающим из отношений в области морских перевозок и, следовательно, позиции арбитражных судов к данной категории споров.

В качестве примера конфликтов в области морских перевозок представляется возможным проиллюстрировать выборочные арбитражные дела.

Так, в Постановлении от 3 марта 2014 г. по делу № А56-11413/2013¹ Федеральный арбитражный суд Северо-Западного округа по итогам судебной экспертизы установил, что по вине перевозчика произошло ненадлежащее (за пределами дозволенного срока) хранение груза, повлекшее его частичную непригодность к реализации и, соответственно, последующее уничтожение.

Суд пришел к выводу об удовлетворении иска заказчика о взыскании убытков.

Принимая во внимание результаты указанного судебного дела, можно заключить, что в случае если сторонами договора перевозки согласованы условия о том, что экспедитор обязан осуществлять таможенное декларирование и соблюдение санитарных и иных требований, он не может ссылаться на ограничение своей ответственности исключительно доставкой.

Другим примером из практики, на который хотелось бы обратить внимание, является судебный акт Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 19 января 2011 г. по делу № А56-2819/2009².

В рассматриваемом деле заказчик обратился в суд с исковыми требованиями к агенту о взыскании убытков вследствие повреждения груза.

Согласно материалам дела, между сторонами был заключен агентский договор, по условиям которого агент обязался осуществлять организацию транспортных услуг в интересах истца.

¹ См.: URL.: https://kad.arbitr.ru/PdfDocument/a255872b-75b2-40ac-8796-b137eb3e5adf/493201e5-baa1-4ace-9d70-81de9c5f3189/A56-11413-2013_20140303_Postanovlenie_kassacionnoj_instancii.pdf (дата обращения: 30.11.2018).

² См.: URL.: https://kad.arbitr.ru/PdfDocument/f58d2b3e-d8f6-4e21-b79b-90f174ea40fd/7de91d35-54b6-45e5-ab33-b872ac2d664f/A56-2819-2009_20110119_Postanovlenie_apellacionnoj_instancii.pdf (дата обращения: 30.11.2018).

Действуя в рамках договора, агент поручил осуществление перевозки транспортной компании. Однако водитель транспортной компании, управляя транспортным средством, допустил нарушение правил дорожного движения, в результате чего транспортное средство, перевозящее груз, получило повреждения, а сам контейнер с грузом был сорван с крепления.

В результате рассмотрения данного арбитражного дела суд постановил, что ответчик не несет ответственности за укладку, крепление и соблюдение технических условий транспортировки груза внутри контейнера. Кроме того, при осмотре поступившего в адрес истца груза внешних повреждений контейнера обнаружено не было.

Таким образом, в рассмотренном судебном деле также шла речь о пределах ответственности сторон отношений по морской перевозке.

Резюмируя выводы судов в рассмотренных судебных делах, необходимо отметить, что большинство споров в области морских перевозок возникают вследствие утраты или повреждения грузов.

В целях возмещения убытков участникам отношений конкретной морской перевозки необходимо в первую очередь исходить из условий договора, а также руководствоваться соответствующим законодательством.

Согласно статьям 401 и 796 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ, в области споров в сфере морской перевозки действует презумпция виновности перевозчика.

Так, в порядке пункта 3 статьи 401 ГК РФ, если иное не предусмотрено законом или соглашением сторон, лицо, не исполнившее или исполнившее ненадлежащим образом свои обязательства при осуществлении экономической деятельности, несет бремя ответственности в случае, если не докажет, что надлежащее исполнение обязательств оказалось невозможным вследствие непреодолимой силы. Однако следует учитывать, что к освобождающим или ограничивающим ответственность стороны обстоятельствам не относятся нарушение обязанностей со стороны иных деловых партнеров такого лица, отсутствие на рынке нужного сырья или товаров,

необходимых для исполнения обязательства или же недостаток денежных средств.

В соответствии с пунктом 1 статьи 796 ГК РФ, перевозчик несет ответственность за повреждение или утрату груза, имевшие место после принятия такого груза к перевозке и до передачи его грузополучателю или иному лицу, уполномоченному на получение груза в случае, если не докажет, что несохраненность груза повлекли обстоятельства, которые перевозчик объективно не мог предотвратить и наступление которых не могло зависеть от перевозчика.

Учитывая содержание специального транспортного законодательства¹, такими обстоятельствами могут являться:

- непреодолимая сила;
- особые естественные свойства перевозимого груза;
- временные ограничения, введенные в порядке, установленном законодательством Российской Федерации;
- действия или распоряжения властей;
- пожар, возникший не по вине перевозчика;
- военные действия и народные волнения;
- скрытые недостатки груза;
- недостача груза не превышает норму естественной убыли;
- иные чрезвычайные и непреодолимые причины.

Кроме того, данный перечень дополняется рядом обстоятельств, за которые несет ответственность непосредственно заказчик в случаях, если утрата или повреждение груза произошли:

- в результате последствий, вызванных некорректными сведениями о грузе;
- вследствие физических свойств самого груза либо упаковки;
- действий или бездействий грузоотправителя (отправителя) или получателя груза;
- вследствие неправильного выбора отправителем способа перевозки груза с ограниченным сроком годности;

¹ См.: Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации от 30 апреля 1999 г. № 81-ФЗ; Федеральный закон от 10 января 2003 г. № 18-ФЗ (ред. от 03.08.2018) «Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации»; Федеральный закон от 8 ноября 2007 г. № 259-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта».

- если груз перевозился в сопровождении представителя отправителя или получателя;
- вследствие ненадежности упаковки;
- из-за отсутствия признаков, свидетельствующих о несохранности груза.

Необходимо обратить внимание, что именно перевозчик несет бремя доказывания того, что именно эти обстоятельства послужили причиной несохранности груза или багажа.

В некоторых нормативных актах содержатся нормы, которые устанавливают перечень обстоятельств, за которые перевозчик отвечает только в том случае, если грузоотправитель или грузополучатель докажет, что повреждение либо утрата транспортируемого груза произошли по вине перевозчика.

Так, анализ норм действующего российского законодательства позволяет выделить ряд обстоятельств, при которых перевозчик несет ответственность за несохранность груза только в том случае, если грузополучатель докажет его вину:

- груз был доставлен в целой, неповрежденной упаковке или таре без каких-либо следов вскрытия;
- груз прибыл в исправном контейнере с исправной защитной маркировкой;
- незаметные при визуальном осмотре недостатки упаковки груза;
- исправность грузовых помещений с исправными пломбами отправителя.

В рамках данной темы невозможно обойти вниманием международные конвенции, значение которых в регулировании морских перевозок сложно переоценить.

Автор статьи предлагает подробно остановиться на следующих международных договорах в области морской международной грузоперевозки, освобождающих или ограничивающих ответственность перевозчика: Правила Висби 1924 г., Гамбургские правила 1978 г., а также Роттердамские правила 2008 г.

Прежде всего следует отметить, что, в соответствии с частью 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации, общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной и неотъемлемой частью ее правовой системы.

Среди профессионального юридического сообщества перечень освобождающих перевозчика от ответственности обстоятельств или ограничивающих его ответственность именуют «каталогом исключений» [3].

Указанный перечень содержит ряд обстоятельств, при наступлении которых перевозчик полностью или же частично избегает ответственности за повреждения или утрату груза, если докажет, что такие убытки образовались вследствие одного из перечисленных обстоятельств.

В пункте 2 статьи 4 Правил Висби содержатся 17 обстоятельств, при наступлении которых морской перевозчик груза может быть полностью или частично освобожден от ответственности.

К данным обстоятельствам относятся следующие:

- навигационная ошибка;
- риски на море;
- пожар, возникший не по вине перевозчика;
- непреодолимая сила;
- действия антиобщественных элементов;
- военные действия;
- арест или задержание властями, а также наложение судебного ареста;
- карантин;
- действия или упущения отправителя или собственника груза;
- забастовки, приостановления работ;
- народные восстания;
- спасание либо попытки спасания жизни или имущества на море;
- потери объема и веса груза, а также другие повреждения груза, возникшие вследствие скрытых недостатков и особой природы груза;
- недостатки упаковки;
- недостатки маркировки;
- скрытые недостатки, которые нельзя было разумно предполагать;
- иные причины, возникшие не по вине перевозчика, его сотрудников или агентов.

Этот перечень открытый.

Россия является участницей данного международного договора. Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации включает в себя значительное число правил, изложенных в данном международном акте. Анализ и сравнение Правил Висби и Кодекса торгового мореплавания Российской Федера-

ции показывают, что это касается и указанного перечня освобождающих грузоперевозчика от ответственности обстоятельств.

Гамбургские правила не содержат перечня обстоятельств, освобождающих морского грузоперевозчика от ответственности.

Согласно Гамбургским правилам, ответственность перевозчика презюмируется, так как считается, что возможная утрата или повреждение груза в любом случае происходят во время нахождения груза в пути. Для освобождения от ответственности в порядке Гамбургских правил перевозчику следует доказать, что им были предприняты все необходимые меры для сохранения груза.

Роттердамские правила представляют собой своего рода компромисс между двумя предыдущими правилами. Рассматриваемые Роттердамские правила содержат нормы, перекликающиеся и с Правилами Висби, и с Гамбургскими правилами.

Однако Роттердамские правила по аналогии с Правилами Висби включают в себя «каталог исключений», состоящий уже из пятнадцати пунктов. При этом между Роттердамскими и Висбийскими правилами имеются и существенные различия.

Роттердамские правила включают следующие обстоятельства, при наступлении которых перевозчик может быть полностью или частично освобожден от ответственности:

- непреодолимая сила;
- несчастные случаи на море;
- военные действия, вооруженные конфликты, пиратство, терроризм, народные волнения и восстания;
- ограничения, связанные с карантинном;
- какие-либо вмешательства со стороны государства;
- забастовки, приостановления или задержки работы;
- пожар на судне;
- скрытые дефекты груза;
- действие или бездействие грузоотправителя;
- погрузка, укладка или выгрузка груза, выполненные на основании договоренности, достигнутой в соответствии с пунктом 2 статьи 13, если только перевозчик или исполняющая сторона не осуществляют такую деятельность от имени грузоотправителя или грузополучателя;

– внутренне присущие грузу дефекты и скрытые недостатки;

– ненадлежащее состояние упаковки;

– спасание или попытки спасания жизни на море;

– спасание или попытки спасания имущества на море;

– разумные меры или попытки избежать ущерба окружающей среде;

– действия перевозчика во исполнение полномочий, предусмотренных в статьях 15 и 16.

Важно отметить, что действующие международные транспортные конвенции отражают актуальный уровень развития правового регулирования той или иной сферы жизнедеятельности, существующий релевантный опыт; содержат компромиссные решения в конкретной сфере и задают тенденции для национальных законодательств и практики их применения.

Таким образом, в рассмотренных транспортных национальных и международных актах ответственность перевозчика возникает лишь при наличии его вины и исключается в тех случаях, когда несохранность груза произошла вследствие обстоятельств, за которые перевозчик не отвечает.

Следовательно, ответственность перевозчика строится не на принципах повышенной ответственности предпринимателя при отсутствии своей вины в соответствии с пунктом 3 статьи 401, пунктом 1 статьи 796 ГК РФ, а на принципах вины.

Данное обстоятельство учитывается некоторыми судами при рассмотрении дел, связанных с ответственностью перевозчика.

Так, актуальная судебная арбитражная практика исходит из того, что профессиональный морской перевозчик, не исполнивший или ненадлежащим образом исполнивший обязательство, являясь субъектом, осуществляющим коммерческую деятельность, несет гражданскую ответственность независимо от наличия или отсутствия вины и может быть освобожден от нее лишь при наличии обстоятельств, которые он не мог предотвратить и устранение которых от него не зависело.

Подводя итоги в рамках рассматриваемой темы, следует повторить, что, согласно действующему законодательству и сложившейся судебной практике, в спорах в области мор-

ской перевозки грузов действует презумпция вины перевозчика.

Согласно специальным правилам, установленным национальным и международным законодательством, в целях освобождения перевозчика от ответственности или ее ограничения перевозчику необходимо доказать, что им были предприняты все необходимые и возможные действия, которые требовались от перевозчика для избежания повреждения или утраты груза, т. е. необходимо доказать, что перевозчик при осуществлении перевозки

вверенного груза проявил ту степень заботливости и осмотрительности, которая от него требовалась в целях надлежащего исполнения своих обязательств по договору (Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 28 октября 2016 г. по делу № А43-15160/2015; Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 4 октября 2016 г. по делу № А71-13935/2015; Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 22 сентября 2016 г. по делу № А09-14021/2015).

Список литературы

1. *Выгодянский А. В.* Ответственность воздушного перевозчика по договору воздушной перевозки пассажиров и грузов // Юрист. – 2009. – № 10. – С. 59–67.
2. *Малюков К. А.* Обстоятельства, освобождающие морского перевозчика от ответственности: анализ конвенций о договоре морской международной перевозки грузов // Право и экономика. – 2015. – № 10. – С. 45–53.
3. *Международное частное право : учебник / В. Н. Борисов, Н. В. Власова, Н. Г. Доронина и др.; отв. ред. Н. И. Марышева.* – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : ИЗИСП ; КОНТРАКТ, 2018.
4. *Первов М. В.* Гражданско-правовая ответственность автомобильного перевозчика за несоблюдение сохранности груза // Гражданское право. – 2010. – № 4. – С. 44–47.
5. *Транспортное право : учебное пособие / под ред. С. Ю. Морозова.* – М. : Волтерс Клувер, 2007.

Формирование и защита деловой репутации участников коммерческой деятельности

А. В. Тимофеева

аспирант кафедры гражданско-правовых дисциплин
РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: Timofeeva.av@rea.ru

А. И. Хотин

магистрант 2-го курса факультета экономики и права РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: Azimuth.kai@gmail.com

Formation and Protection of Business Reputation of Participants in Commercial Activities

A. V. Timofeeva

Post-Graduate Student of the Department of Civil Legal Disciplines of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 117997, Russian Federation.
E-mail: Timofeeva.av@rea.ru

A. I. Khotin

Master of the Second Year of the Faculty of Economics and Law of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 117997, Russian Federation.
E-mail: Azimuth.kai@gmail.com

Аннотация

В условиях перехода от индустриального к информационному (постиндустриальному) обществу как никогда ранее возросла роль информации, в связи с чем на законодательном уровне было закреплено право на получение информации и право на свободу слова. Вместе с тем одной из главных и социально значимых является информация о личности, находящейся в социуме, о ее качествах, свойствах, характеристиках. Такой личностью, в частности, является юридическое лицо. В соответствии с Конституцией Российской Федерации, права и свободы человека и гражданина признаны высшей ценностью нашего государства. Защита материальных и нематериальных благ гарантируется всем физическим и юридическим лицам. Деловая репутация участников коммерческой деятельности, рассматриваемая как обладающий экономическим значением фактор, – важнейшее благо, которому необходима гарантия надлежащей правовой защиты со стороны государства. Обеспечение максимально справедливого, быстрого и эффективного восстановления нарушенного права, возмещение вреда, причиненного нарушением, являются важнейшими задачами правового государства, вследствие чего решение данных проблем представляется возможным исключительно при помощи действенного правового механизма защиты прав участников экономической деятельности, в том числе нематериальных благ, к которым относится и деловая репутация.

Ключевые слова: деловая репутация, гарантия права, восстановление нарушенных прав, защита материальных и нематериальных благ, физические и юридические лица, личность.

Abstract

The transition from industrial to information (post-industrial) society as never before has increased the role of information, and therefore at the legislative level was enshrined the right to information and the right to freedom of speech. At the same time, one of the main and socially important is information about the person in society, its qualities, properties, characteristics. Such a person, in particular, is a legal entity. In accordance with the Constitution of the Russian Federation, human and civil rights and

freedoms are recognized as the highest value of our state. The protection of tangible and intangible benefits is guaranteed to all natural and legal persons. The business reputation of participants in commercial activities, which is regarded as an economically important factor, is the most important benefit, which requires a guarantee of adequate legal protection by the state. Ensuring the most fair, rapid and effective restoration of the violated right, compensation for damage caused by the violation, are the most important tasks of the rule of law, so that the solution of these problems is possible only with the help of an effective legal mechanism to protect the rights of participants in economic activity, including intangible benefits, which include business reputation.

Keywords: business reputation, guarantee of rights, restoration of violated rights, protection of tangible and intangible benefits, individuals and legal entities, personality.

В соответствии с Конституцией Российской Федерации, права и свободы человека и гражданина признаны высшей ценностью нашего государства. Защита материальных и нематериальных благ гарантируется всем физическим и юридическим лицам¹.

Обеспечение максимально справедливого, быстрого и эффективного восстановления нарушенного права, возмещение вреда, причиненного нарушением, являются важнейшими задачами правового государства, вследствие чего решение данных проблем представляется возможным исключительно при помощи действенного правового механизма защиты прав участников экономической деятельности, в том числе нематериальных благ, к которым относится и деловая репутация.

Значимость положительной деловой репутации особенно возрастает при формировании цивилизованных рыночных отношений, что делается более явным по мере выхода российских участников делового оборота на международные рынки. Данная тенденция объясняется тем, что в условиях рыночной экономики субъекты предпринимательской деятельности нацелены на формирование безупречной деловой репутации, поскольку она являет собой значимую составляющую успешной деятельности организаций, от которой зависит их способность противостоять конкурентам на рынке, устойчивость развития предприятий и достижение целей их деятельности.

¹ См.: Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.

Ущемление деловой репутации зачастую влечет неблагоприятные последствия, главное из которых для участников делового оборота – потеря приобретенного за время пребывания на рынке статуса в глазах контрагентов и потребителей.

Актуальность проблемы защиты деловой репутации в современном мире значительно возросла, поскольку с каждым днем в обществе возникает все большее количество способов распространения и донесения информации до лиц, являющихся конечными потребителями товаров, работ и услуг, наиболее известными и распространенными из которых выступают средства массовой информации и информационно-телекоммуникационная сеть «Интернет», а также социальные сети. Распространение информации в настоящее время имеет глобальный характер. Наряду с положительными сторонами развития информационных каналов можно выявить и ряд возникающих в связи с их расширением опасностей, в первую очередь репутационных угроз и рисков, происходящих из распространения сведений, не соответствующих действительности и порочащих деловую репутацию субъектов предпринимательства, в том числе в рамках международных деловых операций.

В Обзоре практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации, утвержденном Президиумом Верховного суда Российской Федерации 16 марта 2016 г., Верховный суд Российской Федерации на основании практики рассмотрения дел о защите чести, достоинства и деловой репутации судами в 2010–2015 гг. отметил, что в указанном периоде количество данных споров, рассматриваемых как судами общей юрисдикции, так и арбитражными судами, остается стабильным. Среднегодовыми

показателями являются 5 000 дел, подлежащих рассмотрению в судах общей юрисдикции, и 800 дел, рассматриваемых арбитражными судами.

Данная информация дает основание предположить, что проблемы правового регулирования защиты деловой репутации субъектов коммерческой деятельности могут быть причислены к актуальным вопросам российской правовой науки.

Для наиболее полного понимания изучаемой проблемы необходимо рассмотреть понятие «деловая репутация».

Под репутацией принято подразумевать мнение общества о каком-либо субъекте, сформированное на основании оценки его общественно-значимых качеств и поведения, а деловая репутация понимается как «частный случай репутации» [3. – С. 419; 6. – С. 31–32]. Соответственно, «деловая репутация» есть частное понятие по отношению к общему – «репутация».

В российской юридической литературе единое определение деловой репутации отсутствует, поскольку понятие деловой репутации в России начало формироваться относительно недавно, а именно после ухода от планово-административной экономики, при которой (за очень редкими исключениями) «общее мнение» об отдельных предприятиях было практически неотделимо от мнения об органах государственной власти, регулирующих их деятельность.

А. М. Эрделевский выдвигает мнение, в соответствии с которым деловая репутация – это выраженная в общественном мнении оценка деловых качеств лица [7. – С. 146]. При этом под деловыми качествами автор понимает качества, обеспечивающие самостоятельное осуществление и участие в деятельности, направленной на удовлетворение потребностей общества, и указывает на тот факт, что любые качества юридических лиц являются деловыми, что связано с тем, что юридические лица образуются для участия в деловых отношениях.

С исторической точки зрения значимым документом, относимым к защите деловой репутации, выступает Гражданский кодекс РСФСР 1922 г. Данный кодифицированный акт не был нацелен на раскрытие сущности предмета регулирования, а содержал лишь

положение, в соответствии с которым закон был направлен на защиту гражданских прав физических и юридических лиц, за исключением лишь тех случаев, когда данные права реализовывались в противоречии с их социально-хозяйственным предназначением. К числу объектов правовой защиты относились только имущественные блага.

Впервые в истории отечественного законодательства деловая репутация была упомянута в советский период в Основах гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик, принятых Верховным Советом СССР¹. Нормы данного правового акта, однако, не получили практического применения, что связано с тем, что на тот момент Советское государство находилось на этапе командно-плановой экономики, не способствовавшей существованию конкуренции, порождающей необходимость защиты деловой репутации [5. – С. 34–36].

В более позднем документе, Гражданском кодексе РСФСР от 11 июня 1964 г., были зафиксированы положения, затрагивающие основы гражданско-правовой охраны чести и достоинства, в частности: установлена возможность в случаях, предусмотренных законом, урегулирования Кодексом не только имущественных, но и личных неимущественных отношений, к числу которых относились отношения, не связанные с имущественными и подлежащие урегулированию посредством использования нормативных актов только в случаях прямого на то указания закона.

Одним из наиболее значимых моментов в становлении российского законодательства о защите деловой репутации стало принятие в 1991 г. Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик.

В статье 7 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик, утвержденных Постановлением Верховного Совета СССР 31 мая 1991 г. № 2212–1, указывается на возможность граждан или юридических лиц требовать по суду опровержения порочащих честь, достоинство или деловую репутацию сведений, если распростра-

¹ См.: Закон СССР от 8 декабря 1961 г. «Об утверждении Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик» (ред. от 12.06.1990) // Ведомости ВС СССР. – 1961. – № 50.

нивший такие сведения не докажет, что они соответствуют действительности. В нормах, закрепленных в Основах, была сделана отметка об урегулировании личных неимущественных отношений, не связанных с имущественными, гражданским законодательством, поскольку иное не предусмотрено законодательными актами либо не вытекает из существа личного неимущественного отношения.

Причиной для внесения такого положения в законодательную систему России послужило радикальное изменение в общественной и экономической сферах жизни в 1990-е гг. XX в.

Переход к рыночной экономике повлек за собой неотвратимые изменения в отношении нематериальных благ: физические и юридические лица радикальным образом изменили отношение к своим контрагентам – основной задачей отныне стал подбор «надежных» предпринимателей, зарекомендовавших себя на рынке и обладающих безупречной деловой репутацией [5. – С. 34–36].

В современном законодательстве Российской Федерации защита деловой репутации получила, в частности, юридическое закрепление в части 1 статьи 23 Конституции Российской Федерации, где делается указание на право на защиту доброго имени, а также в статье 152 Гражданского кодекса Российской Федерации, где отмечается право субъектов экономических отношений на судебную защиту деловой репутации от распространения порочащих и несоответствующих действительности сведений: в соответствии с пунктом 7 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации, юридические лица законодательно наделяются правом требования в судебном порядке опровержения сведений, порочащих их деловую репутацию, если лицо, распространившее такого рода сведения, не докажет факта их соответствия действительности. Закрепление такого права обусловлено тем фактом, что с момента создания участники коммерческой деятельности нацелены на формирование соответствующей деловой репутации на рынке: для любого юридического лица важна объективная общественная оценка его деятельности, однако редко может

быть дана в полной мере объективная общественная оценка деятельности участника коммерческой деятельности – зачастую она может оказаться умаленной ввиду неочевидной полезности деятельности того или иного субъекта предпринимательства.

Защита деловой репутации также устанавливалась Законом РСФСР от 22 марта 1991 г. № 948-1 «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках», где был зафиксирован на законодательном уровне запрет на недопущение любых действий хозяйствующих субъектов, противоречащих обычаям делового оборота, требованиям добропорядочности, разумности и справедливости и несущих потенциальную опасность причинения ущерба деловой репутации других хозяйствующих субъектов, выступающих в качестве их конкурентов на рынке, и Федеральным законом от 18 июня 1995 г. № 108-ФЗ «О рекламе», в соответствии с которым не допускается выпуск рекламы, дискредитирующей участников коммерческой деятельности, содержащей некорректные сравнения рекламируемого товара с товаром других юридических или физических лиц, а также высказывания, образы, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию конкурентов; рекламы, содержащей в себе несоответствующие действительности сведения относительно основных характеристик товара и его реализации, порочащей какое-либо физическое или юридическое лицо, какую-либо деятельность, умышленно вводящей в заблуждение потребителя.

Таким образом, необходимо развивать и совершенствовать законодательство о защите деловой репутации путем включения в него критериев и методов денежной оценки репутационного вреда для объективизации соответствующих судебных решений. В целях унификации принимаемых судами решений и дисциплинирующего воздействия на участников хозяйственной деятельности необходимо также ввести в законодательство указание на минимальные и максимальные размеры компенсаций репутационного вреда.

Список литературы

1. Аюпов О. Ш. Понятие «деловая репутация юридического лица» // Правовые проблемы укрепления российской государственности. – 2017. – № 45. – С. 100–101.
2. Бычков А. Защита от диффамации // Новая бухгалтерия. – 2016. – № 6. – С. 124–131.
3. Гражданское право : в 3 т. – Т. 1 : учебник / Е. Н. Абрамова и др.; под ред. А. П. Сергеева. – М. : РГ–Пресс, 2015.
4. Гражданский процесс : учебник / под ред. В. В. Яркова. – СПб. : Волтерс Клувер, 2016.
5. Тимерханов А. А. Деловая репутация юридического лица : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2012. – URL : <http://www.dissercat.com/content/delovaya-reputatsiya-yuridicheskogo-litsa>
6. Тюленев И. В. Защита чести, достоинства и деловой репутации по российскому и международному законодательству : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2010.
7. Эрделевский А. М. Компенсация морального вреда. Анализ и комментарий законодательства и судебной практики. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Волтерс Клувер, 2004.

Основополагающие изменения контрактной системы Российской Федерации в 2018 г.**Л. В. Малышева**

магистрантка 1-го курса факультета экономики и права

РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,

117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.

E-mail: liliya.malysheva.28@mail.ru

Fundamental Changes in the Contract System of the Russian Federation in 2018**L. V. Malysheva**

Master of the First Year of the Faculty of Economics and Law of the PRUE.

Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,

Moscow, 117997, Russian Federation.

E-mail: liliya.malysheva.28@mail.ru

Аннотация

В настоящее время сфера закупок переживает очередной этап реформирования. В Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» достаточно часто вносятся корректировки. Данный нормативный акт был доработан и в 2018 г., в результате чего были приняты Федеральный закон от 31 декабря 2017 г. № 504-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон № 44-ФЗ» и Федеральный закон от 31 декабря 2017 г. № 505-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Нововведения касаются в основном проведения электронных процедур. Связано это реформирование электронизацией контрактной системы (с переходом на процедуры электронных закупок). Государственные закупки составляют основную часть государственных расходов и выступают основным фактором устойчивого развития экономики. Часть изменений вступила в силу с 1 июля 2018 г., вторая часть изменений для участников госзакупок вступила в силу с 1 октября 2018 г., а третья часть планируется реализовывать с 1 января 2019 г. В связи с этим у участников закупок увеличивается число вопросов о том, как система будет работать. Основное направление, которое выбрано в рамках масштабных поправок к закону «О контрактной системе», – электронизация закупочных процедур в рамках Федерального закона № 44-ФЗ.

Ключевые слова: контрактная система, государственные закупки, реформирование, электронные торговые площадки, аккредитация, специальный счет, электронные закупки, заказчик, реформирование, участники закупки, процедура закупки, аккредитация, единая информационная система автоматизация, электронизация.

Abstract

Currently, the procurement sector is going through another stage of reform. The Federal law of 05.04.2013 No. 44-FZ «On the contract system in the procurement of goods, works and services for state and municipal needs» is quite often amended. This act was finalized in 2018 by the Federal law of 31.12.2017 No. 504-FZ «On amendments to the Federal law No. 44-FZ» and the Federal law of 31.12.2017 No. 505-FZ «On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation. The innovations relate mainly to electronic procedures. This reform is connected with the electronicization of the contract system (with the transition to electronic procurement procedures). Public procurement constitutes the main part of public spending and is the main factor for sustainable economic development. Part of the amendments came into force on July 1, 2018, the second part of the changes for the participants of public procurement came into force on October 1, 2018, and the third part is planned to be implemented on January 1, 2019. In connection with this, the procurement participants are increasing the number of questions about how the system will work. The main direction chosen in the framework of large-scale amendments to the law "On the contract system" is the electronicization of procurement procedures under the 44-FZ.

Keywords: contract system, public procurement, reform, electronic trading platforms, accreditation, special account, e-procurement, customer, reform, procurement participants, procurement procedure, accreditation, unified information system automation, electronics.

В настоящее время современное общество стремится к упрощению работы во сферах своей жизни. Это касается и государственных закупок. Контрактная система развивается достаточно давно, постоянно модернизируется и совершенствуется. Однако постоянная доработка и переработка приводит к созданию трудностей как для заказчиков, так и для поставщиков, что становится причиной совершения непреднамеренных ошибок.

В 2018 г., а далее и в 2019-м, контрактная система снова претерпевает изменения. Теперь эти изменения коснутся самой процедуры проведения госзакупок.

Начиная с 1 июля 2018 г. открытый конкурс, конкурс с ограниченным участием, двухэтапный конкурс, электронный аукцион, запрос котировок, запрос предложений, а также закрытый конкурс, закрытый конкурс с ограниченным участием, закрытый двухэтапный конкурс, закрытый аукцион, которые проводятся в электронной форме, должны осуществляться с учетом особенностей, определенных статьей 24.1 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Закон о контрактной системе). Согласно части 1 данной статьи, проведение электронных процедур, закрытых электронных процедур, в том числе направление участниками закупок запросов о даче разъяснений положений извещения об осуществлении закупки и (или) документации о закупке, подача участниками закупок заявок на участие в закупке, предложений о цене контракта, окончательных предложений, предоставление комиссии по осуществлению закупок доступа к заявкам, сопоставление предложений о цене контракта участников закупки, формирование протоколов, заключение контракта с победителем закупки, *обеспечивается на электронной площадке*¹. Требования к электронной площадке уста-

навливаются Правительством Российской Федерации.

В первую очередь стоит отметить появлением новых терминов в Законе о контрактной системе:

1) электронная площадка – сайт, на котором в электронной форме определяются поставщики (подрядчики, исполнители) путем конкурентных способов, за исключением закрытых способов;

2) оператор электронной площадки – непубличное хозяйственное общество, которое владеет электронной площадкой, в том числе необходимыми для ее функционирования программно-аппаратными средствами, обеспечивает ее функционирование;

3) специализированная электронная площадка – соответствующая установленным по пунктам 1 и 3 части 2 статьи 24.1 Закона о контрактной системе требованиям информационная система, доступ к которой осуществляется с использованием защищенных каналов связи и на которой проводятся закрытые конкурентные способы определения поставщиков (подрядчиков, исполнителей) в электронной форме;

4) оператор специализированной электронной площадки – российское юридическое лицо, которое владеет специализированной электронной площадкой, в том числе необходимыми для ее функционирования программно-аппаратными средствами, и включено в утвержденный Правительством Российской Федерации перечень операторов специализированных электронных площадок.

Следующее не менее значимое изменение затронуло сферу электронного документооборота в контрактной системе, а именно электронную цифровую подпись. Под электронной подписью понимается информация в электронной форме, которая присоединена к другой информации в электронной форме (подписываемой информации) или иным образом связана с такой информацией и которая используется для определения лица, подписывающего информацию [2].

Так, если до 1 июля 2018 г. закон позволял поставщикам использовать усиленную *неквалифицированную* электронную подпись, то после этой даты необходимо применять только *квалифицированную* электронную подпись. Данное нововведение стало причи-

¹ См.: Информационное письмо Министерства финансов Российской Федерации от 2 октября 2018 г. № 24-06-08/70718 «О начале функционирования электронных площадок, специализированной электронной площадки, а также применении федеральных законов от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ и от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ». – URL: https://www.minfin.ru/ru/document/?id_4=124768 (дата обращения: 15.11.2018).

ной множества вопросов со стороны потенциальных поставщиков (подрядчиков, исполнителей), в связи с чем 1 августа 2018 г. Минфин России и Минкомсвязи России издали письмо № 24-06-05/54209/ОП-П15-085-18306 «О совместной позиции Минфина России и Минкомсвязи России о применении электронной подписи участниками закупок, являющимися иностранными лицами, при участии в электронных процедурах, предусмотренных Федеральным законом "О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд"», в котором пояснили, что после 1 октября 2018 г. применение квалифицированной электронной подписи обязательно для всех участников закупок без исключения.

Главное проблемой этого нововведения явилось то, что электронные площадки заранее не уведомляли участников закупок о замене неквалифицированных подписей на квалифицированные, в связи с чем участники закупок столкнулись с тем, что на электронную торговую площадку с неквалифицированной электронной подписью они зайти смогли, а подать заявку на участие в закупке уже нет [5]. Как должна была производиться замена таких подписей для тех, кто уже ранее их получил как неквалифицированные, не сообщалось, поэтому многие поставщики не смогли подать в установленный срок свои заявки на участие в электронных закупках, а удостоверяющие центры, выдающие ключи электронной цифровой подписи, были перегружены обращениями участников закупок с целью выяснить, как преобразовать неквалифицированную подпись в квалифицированную¹. Таким образом, следует установить регламент, согласно которому о таких существенных изменениях, как смена электронных цифровых подписей, электронные торговые площадки должны уведомлять потенциальных участников закупок заблаговременно (за 3 рабочих дня), чтобы участники закупок не несли убытков ввиду невозможности подачи своей заявки и в дальнейшем невозможно принять участие в закупке.

Еще одним нововведением является разработка типовой документации контрактной

системы. В части 11 статьи 34 Закона о контрактной системе говорится о том, что федеральные органы исполнительной власти, которые занимаются разработкой нормативных актов в сфере государственных закупок, разрабатывают и утверждают типовые контракты для того, чтобы заказчики осуществляли закупки по установленному образцу. Также ими прорабатываются типовые условия контрактов, которые затем должны быть загружены в единую информационную систему (ЕИС) в специальную библиотеку типовых контрактов и условий. По мнению законодателя, такая контрактная система, где все будет уже регламентировано, а участнику нужно будет лишь заполнить свои реквизиты, упростит и ускорит проведение торгов².

Изменения также коснулись состава ЕИС. Теперь, с 1 января 2019 г., в нее будет входить единый реестр участников закупок (ЕРУЗ). При этом уточнено, что регистрация офшорных в ЕИС в качестве участников закупок не допускается³.

Следует упомянуть, что под конец 2017 г. были приняты сразу два закона: Федеральный закон № 504-ФЗ (предусматривает перевод всех процедур определения поставщика (подрядчика, исполнителя) в электронный формат)⁴ и Федеральный закон № 505-ФЗ (установил перевод с 1 июля 2018 г. конкурентных закупок, участниками которых выступают только субъекты малого предпринимательства (СМП), в электронный формат⁵. Задача данных законов состоит в изменении

² Там же.

³ См.: Постановление Правительства Российской Федерации от 8 июня 2018 г. № 657 «Об утверждении дополнительных требований к функционированию электронной площадки для целей осуществления конкурентной закупки с участием субъектов малого и среднего предпринимательства» // Собрание законодательства РФ. – 2018. – 25 июня. – № 26. – Ст. 3844.

⁴ См.: Федеральный закон от 31 декабря 2017 г. № 504-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд"» // Собрание законодательства РФ. – 2018. – 1 января. – № 1 (часть I). – Ст. 88.

⁵ См.: Федеральный закон от 31 декабря 2017 г. № 505-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2018. – 1 января. – № 1 (часть I). – Ст. 89.

¹ См.: Электронные закупки в 2018 г. – URL: <http://ecgz.ru/elektronnyie-zakupki.htm> (дата обращения: 19.11.2018).

технологии закупок и повышении их эффективности.

Федеральный закон № 504-ФЗ затрагивает одну из ключевых частей контрактной системы – аккредитацию участников закупок на электронной торговой площадке. Данный закон предусматривает, что подачу заявок на электронной торговой площадке без проблем подаст участник, который до 1 января 2019 г. осуществил аккредитацию на электронных торговых площадках. Подача заявок без дополнительной аккредитации (аккредитации в ЕИС) будет доступна таким участникам по 31 декабря 2019 г. включительно¹.

Законодатель также планирует создать в ЕИС специальную государственную информационную систему в целях фиксации действий/бездействия участников контрактной системы на электронной площадке. Такая система должна обеспечивать: мониторинг работоспособности ЕИС; фиксацию, включая видеофиксацию, в режиме реального времени действий, бездействия участников контрактной системы; хранение такой информации на электронной площадке, в том числе информации об электронных документах, формируемых участниками контрактной системы и подписанных усиленной электронной подписью².

Многие эксперты в области государственных закупок выражают мнение, что Закон о контрактной системе в сфере государственных

закупок слишком часто подвержен изменениям, и порой эти изменения трудно осуществить на практике по причине уже работающей системы [1]. Для глобальных изменений требуется приостанавливать работу электронных торговых площадок и централизованно внедрять нововведения, чтобы не было проблем в работе площадок во время проведения торгов.

Серьезные изменения коснулись порядка обеспечения заявок на участие в конкурсах и аукционах. Так, в силу новой редакции статьи 44 Закона о контрактной системе требования обеспечения заявок на участие в конкурсах и аукционах нужно будет только в случаях, когда начальная максимальная цена контракта (НМЦК) свыше 5 млн рублей, либо в иных случаях, установленных Правительством Российской Федерации. Обеспечение заявки на участие в конкурсе или аукционе не изменилось – так, оно может предоставляться участником закупки в виде денежных средств или банковской гарантии. Выбор способа обеспечения заявки осуществляется участником закупки. Следует учитывать, что законодатель ввел ограничение, согласно которому по 30 июня 2019 г. включительно обеспечение заявок на участие в открытом конкурсе в электронной форме, конкурсе с ограниченным участием в электронной форме, двухэтапном конкурсе в электронной форме, электронном аукционе может предоставляться участником закупки только путем внесения денежных средств³.

Теперь у участников закупок есть восемь площадок для обычных закупок и одна специализированная – для закупок в сфере обороны государства. Заказчики вправе проводить электронные закупки на электронных площадках (утверждены Распоряжением Правительства РФ от 12.07.2018 №1447-р): ЗАО «Сбербанк – Автоматизированная система торгов»; АО «Электронные торговые системы»; ООО «РТС – тендер»; АО «Агентство по

¹ См.: Информационное письмо Министерства финансов Российской Федерации от 28 сентября 2018 г. № 24-05-08/69766 «О направлении оператором электронной площадки заказчику информации и документов, аккредитованных до 1 января 2019 г. на электронной площадке участников закупок, включенных в реестр, предусмотренный статьей 62 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ "О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд"». – URL: https://www.minfin.ru/ru/document/?id_4=124750 (дата обращения: 24.11.2018).

² См.: Постановление Правительства Российской Федерации от 8 июня 2018 г. № 656 «О требованиях к операторам электронных площадок, операторам специализированных электронных площадок, электронным площадкам, специализированным электронным площадкам и функционированию электронных площадок, специализированных электронных площадок, подтверждении соответствия таким требованиям, об утрате юридическим лицом статуса оператора электронной площадки, оператора специализированной электронной площадки» // Собрание законодательства РФ. – 2018. – 25 июня. – № 26. – Ст. 3843.

³ См.: Постановление Правительства Российской Федерации от 10 мая 2018 г. № 564 «О взимании операторами электронных площадок, операторами специализированных электронных площадок платы при проведении электронной процедуры, закрытой электронной процедуры и установлении ее предельных размеров» // Собрание законодательства РФ. – 2018. – 21 мая. – № 21. – Ст. 3016.

государственному заказу Республики Татарстан; АО «Единая электронная торговая площадка»; ОАО «Российский аукционный дом»; ООО «Электронная торговая площадка ГПБ»; АО «ТЭК – Торг». Специализированной площадкой стала – ООО «Автоматизированная система торгов государственного оборонного заказа»¹.

Согласно новой редакции части 10 статьи 44 Закона о контрактной системе, денежные средства, предназначенные для обеспечения заявок для участия в открытом конкурсе в электронной форме, конкурсе с ограниченным участием в электронной форме, двухэтапном конкурсе в электронной форме, электронном аукционе, вносятся участниками закупок на специальные счета, которые открываются ими в банках, перечень которых установлен Правительством Российской Федерации². До введения данного изменения такие денежные средства должны были вноситься на счет оператора электронной площадки в банке. По нашему мнению, данное нововведение является очень удобным по причине того, что специальный счет у участника закупок открывается только один для всех электронных торговых площадок сразу. Банк сам сообщает на электронную торговую площадку информацию об открытии такого счета участником и реквизиты этого счета для внесения на торговую площадку.

Новой редакцией Закона о контрактной системе предусмотрено право операторов электронных торговых площадок взимать плату за проведение закупочных процедур. Правила взимания оплаты и тарифы определены Постановлением Правительства Российской Федерации от 10 мая 2018 г. № 564. По закону плата будет взиматься только с победителя закупки, а ее размер устанавливается операторами в пределах 1% от

начальной максимальной цены контракта, но не более 5 тыс. рублей для обычной закупки и 2 тыс. рублей, если участниками закупки являются субъекты малого бизнеса или некоммерческие организации.

Говоря об электронизации закупок, следует сказать, что означает сам термин «электронизация». Применимо к госзакупкам электронизацию можно определить как использование компьютеров для сбора, хранения, передачи и обработки информации, используемой в процессе государственных закупок. Подготовка площадок к электронизации закупок длилась полгода. Все должно было начать работать еще в июле 2018 г., но переход отложили на октябрь. Ранее в документах устанавливался срок для завершения этапа электронизации контрактной системы – 1 января 2018 г. При этом представители ряда ведомств отмечали, что этот срок необходимо сместить на один год для проведения соответствующей подготовки специалистов по закупкам, разработки соответствующего функционала ЕИС в области закупок. В настоящее время этот срок передвинули на 1 января 2019 г., что является верным решением, так как такой переход необходимо осуществлять постепенно, чтобы все участники постепенно проходили все этапы подготовки к электронным процедурам закупки (получение усиленной квалифицированной электронной подписи, осуществление аккредитации на электронных торговых площадках)³. Так, с 1 января 2019 г. все закупки окончательно перейдут в электронный формат.

По мнению ФАС, развитие госзакупок должно осуществляться за счет автоматизации контрактной системы (совокупности методов и средств, предназначенных для реализации системы или систем, позволяющих осуществлять управление самим технологическим процессом без непосредственного

¹ См.: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 12 июля 2018 г. № 1447-р «Об утверждении Перечня операторов электронных площадок, предусмотренного частью 3 статьи 24.1 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ» // Собрание законодательства РФ. – 2018. – 23 июля. – № 30. – Ст. 4767.

² См.: Постановление Правительства Российской Федерации от 30 мая 2018 г. № 626 «О требованиях к договору специального счета и порядку использования имеющегося у участника закупки банковского счета в качестве специального счета» // Собрание законодательства РФ. – 2018. – 11 июня. – № 24. – Ст. 3516.

³ См.: Письмо Министерства финансов Российской Федерации от 18 июня 2018 г. №24-06-01/41554 «О перечне документов и порядке их подачи для рассмотрения в целях прохождения проверки соответствия единым требованиям и дополнительным требованиям для обеспечения начала функционирования операторов электронных площадок, операторов специализированных электронных площадок». – URL: <http://zakupki-inform.ru/44-fz/pisma-iraz-yasneniya-po-44-fz/pismo-minfina-rossii-ot-18-06-2018-24-06-01-41554.html> (дата обращения: 25.11.2018).

участия человека). В результате должна получиться система, в которой заказчики и поставщики не смогут совершать ошибок, поскольку ЕИС не разрешит публикацию документов, которые оформлены с ошибками или которые не соответствуют нормам законодательства о закупках. То есть процесс закупочных процедур планируется максимально автоматизировать (система будет работать за участника закупки, от участника потребуются минимальные усилия по заполнению уже установленных форм документации). Планируется, что в рамках контрактной системы должно быть введено унифицированное описание товаров, работ, услуг, внедрена система автоматического анализа заключаемых сделок с целью цифрового подбора стандартизированных товаров, работ, услуг, расчета стоимости владения и логистики под нужды заказчика¹.

Начальник Управления контроля размещения государственного заказа ФАС А. Ю. Лобов высказал мнение, что в современном мире достаточно просто автоматизировать контрактную систему: заложить алгоритмы выбора способа закупки, выполнения всех нормативных актов, и тогда принятие поправок к закону, касающихся электронизации закупок, – это первый шаг на пути реализации больших возможностей. Таким образом, завершив процесс электронизации и автоматизации, контрактная система сможет перейти к цифровой системе закупок².

Автоматизация коснется и реквизитов компании, которые указываются при аккредитации на электронной торговой площадке. Так, в ближайшее время запланирован переход на использование базовых информационных ресурсов, основанных на ЕГРЮЛ. Предполагается, что часть реквизитов, которые сейчас вводятся вручную, в будущем будут формироваться автоматически из ЕГРЮЛ.

Участники закупок надеются, что контрактная система будет выглядеть именно

так, как законодатель описал ее во всех нововведениях. Однако следует помнить, что иногда сама система может быть неготовой к стольким серьезным изменениям. Это может быть вызвано рядом факторов: нехваткой бюджета на реализацию всех изменений, неготовностью торговых площадок, информационной неграмотностью населения о способах работы с новой контрактной системой [4].

Законодатель также предусмотрел, что с 1 марта 2019 г. станет обязательным использование Единого агрегатора торговли (ЕАТ) «Березка» для проведения государственными заказчиками закупок на малые суммы, но законодатель может отказаться от таких далеко идущих планов, если не будут реализованы все изменения, запланированные на ближайшее время.

Таким образом, после окончания 2018 г. не все виды закупок станут исключительно электронными. В бумажной форме сохранятся следующие процедуры: закупки заказчиков за рубежом; запросы котировок на закупки продовольствия, средств для скорой медицинской помощи, лекарств и топлива, которые проводят после расторгнутых или отмененных контрактов; предварительные отборы участников и последующие запросы котировок на гуманитарную помощь или ликвидацию последствий ЧС; закрытые процедуры, по которым нет решения правительства; все закупки у единственного поставщика; конкретные закупки, особенности которых определило правительство.

Благодаря новым изменениям, касающимся электронизации и автоматизации контрактной системы, возможно, удастся решить ряд важных проблем, таких как, например: отсутствие понимания у участников, как должна выглядеть заявка для участия в закупке; какие документы должны быть приложены; отсутствие автоматического отслеживания подачи заявок лицами, согласовавшими свои действия/бездействие во время проведения торгов (что затягивает процесс рассмотрения жалоб в органах ФАС ввиду назначения экспертизы на выявление слаженности действий участников).

Электронизация позволит электронным торговым площадкам автоматически отслеживать такие нарушения, как подача двух и более заявок с одного IP-адреса, подача за-

¹ См.: Электронные закупки в 2018 г. – URL: <http://ecgz.ru/elektronnyie-zakupki.htm> (дата обращения: 19.11.2018).

² См.: Электронный закупки – начало большого пути – URL: <http://rufincontrol.ru/article/340423/> (дата обращения: 17.11.2018).

явок с едиными свойствами файлов, повторяющееся синхронное поведение, подача заявок аффилированными лицами.

Также электронизация госзакупок может решить проблему нарушения конфиденциальности информации об участниках закупки при подаче заявок на бумажном носителе. В соответствии с частью 2 статьи 77 и частью 2 статьи 51 Закона о контрактной системе, заявка на участие в запросе котировок / конкурсе может быть подана заказчику в письменной форме в запечатанном конверте или в форме электронного документа. Указанный порядок не отвечает требованиям о сохранении конфиденциальности информации об участниках закупки. Действующая система подачи заявок не может обеспечить честного определения победителя, и, таким образом, заказчик, используя недобросовестные приемы, может узнать содержание заявки и изменить ее, а также заблокировать ее подачу, что служит ограничением конкуренции [3. – С. 548–550]. Так, исключительно

электронный способ подачи заявок на участие в закупке позволит, во-первых, сократить время подачи заявки (поставщику/исполнителю/подрядчику не придется ехать в другой город для подачи заявки или отправлять заявку почтой, которая работает в довольно размытые сроки); во-вторых, позволит избежать потери заявки (в отделении почты при пересылке или вследствие умышленных действий заказчика); в-третьих, появится возможность отслеживания заявки (момент открытия ее заказчиком, стадия ее рассмотрения).

В заключение стоит сказать, что если все изменения будут реализованы на практике, то контрактная система будет представлять собой максимально упрощенную систему для проведения госзакупок, однако не стоит забывать об осведомленности участников обо всех грядущих нововведениях заблаговременно для тщательной подготовки всех своих сотрудников, работающих в контрактной системе.

Список литературы

1. *Балашов Ю. В.* Новации в организации торгов // Арбитражный управляющий. – 2014. – № 5. – С. 12–15.
2. *Бесманов М.* Как повысить эффективность госзакупок? // Финансовый директор. – 2015. – № 11 (83). – С. 55–57.
3. *Карпшин А. В.* Повышение эффективности государственных закупок // Экономика и предпринимательство. – 2014. – № 1. – С. 548–650.
4. *Маркеева А. В.* Проблемы становления и перспективы развития российского рынка государственных заказов // Социально-гуманитарные знания. – 2015. – № 6. – С. 167–180.
5. *Овсилян М. В.* Проблемы организации государственных и муниципальных закупок / Международный научно-исследовательский журнал. – 2017. – № 9. – С. 31–33.

**Большие данные в цифровой экономике:
ценность и правовые вызовы**

А. А. Фатьянов

академик РАН, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой
государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин
РЭУ им. Г.В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: 561712@mail.ru

**Big Data in the Digital Economy:
Its Value and Legal Challenges**

A. A. Fatyanov

Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Doctor of Law, Professor,
Head of the Department of State-Legal and Criminal-Legal Disciplines of the PRUE.

Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 117997, Russian Federation.
E-mail: 561712@mail.ru

Аннотация

В данной статье рассматривается проблема рисков для частной сферы человека, возникающая в связи с формированием так называемого облака больших данных (big data). В нем фиксируются различные данные о человеке, которые могут быть подвергнуты анализу различными субъектами общественных отношений. В статье рассматривается такое понятие, как «цифровой след», что подразумевает под собой сведения, которые физические лица оставляют на серверах сети Интернет или на других устройствах, накапливающих цифровую информацию. Также автор анализирует понятие «информационный портрет» человека, связанное с накоплением разноплановых сведений в автоматизированных информационных ресурсах органов публичной власти и организаций. Автор делает вывод о том, что в будущем станет возможным детальное отслеживание перемещений человека, его покупок, его контактов с другими людьми с точной идентификацией их личностей, получения им денежных средств и их расходования. На основании этого можно будет сформировать его психологический портрет, прогнозировать его намерения.

Ключевые слова: цифровая экономика, большие данные, персональные данные, цифровой след, информационный портрет, идентификация, цифровая информация.

Abstract

This article deals with the problem of risks to the person's private sphere arising in connection with the formation of the so-called "big data cloud" (big data). It records various data about a person that can be analyzed by various subjects of social relations. The article deals with such a thing as "digital footprint", which implies the information that individuals leave on Internet servers or other devices that accumulate digital information. The author also analyzes the concept of "informational portrait" of a person associated with the accumulation of diverse information in automated information resources of public authorities and organizations. The author concludes that in the future it will be possible to track in detail the movements of a person, his purchases, his contacts with other people with the exact identification of their personalities, the receipt of money and their spending. Based on this, it will be possible to form his psychological portrait and to predict his intentions.

Keywords: digital economy, big data, personal data, digital footprint, information porter, identification, digital information.

Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг. определяет понятие «цифровая экономика» как хозяйственную деятельность, в которой ключевым фактором производства являются данные в цифровом виде, обработка больших объемов и использование результатов анализа которых, по сравнению с традиционными формами хозяйствования, позволяют существенно повысить эффективность различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг.

Анализ данного определения показывает, что в масштабах понимания феномена цифровой экономики на сегодняшний день выделяются два ключевых момента:

- цифровая экономика – это прежде всего генерация информации в цифровой форме;
- цифровая экономика – это обработка больших объемов представленной в цифровой форме информации и использование результатов этой обработки для повышения эффективности производства и потребления товаров и услуг.

На наш взгляд, в вышеприведенном определении не затронут финансовый аспект цифровизации, однако это является отдельным направлением в намечившемся революционном изменении (не побоимся такого громкого заявления) экономических отношений.

Данное небольшое исследование направлено прежде всего на определение контуров тех проблем, которые несет за собой формирование больших объемов представленной в цифровом виде информации (назовем их облаком больших данных) и их обработка различными субъектами общественных отношений.

По оценкам ряда исследователей, к настоящему времени человечество накопило примерно 20 зеттабайтов¹ информации. К 2020 г. это число удвоится, а к 2025 г. – вырастет в десять раз². Налицо тенденция к экспоненциальному росту, который будет еще более бурным по мере расширения ареала распространения интернета вещей и индустриального интернета.

¹ 1 зеттабайт – 1 024 эксабайта. 1 эксабайт – 1 млрд гигабайтов информации.

² См.: URL: www.intalent.pro

Информация, накапливаемая в облаке больших данных, весьма разнообразна и не может быть сколько-нибудь структурирована в принципе. Существенную составляющую облака больших данных, по мнению автора, образуют так называемые цифровые следы, т. е. сведения, которые оставляют на серверах сети Интернет, на других устройствах, накапливающих цифровую информацию, физические лица, представители юридических лиц, а также подключенные к сети технические устройства. Простейшим примером такого цифрового следа является информация о факте поиска физическим лицом какого-либо товара на сайтах производителей и продавцов путем использования поисковой программы. Уже сейчас зачастую результатом такого поиска становится появление на экране монитора компьютера пользователя различных предложений аналогичных товаров или услуг после того, как поиск успешно или неуспешно был завершен.

По мере роста мощности компьютеров, совершенствования программного обеспечения и повышения уровня подготовки специалистов, которые заняты целенаправленной обработкой сведений, накапливаемых в облаке больших данных, результаты этой деятельности будут все более значимыми для производителей товаров и услуг, а затем будут становиться основой их бизнес-стратегий. Отсюда вытекает вполне ожидаемый результат: победителем экономического соревнования в цифровом мире будет тот, кто способен более детально и быстро анализировать информацию из облака больших данных и делать на основе анализа четкие и дальновидные выводы.

Какие следствия из всего этого вытекают?

Прежде всего то, что облако больших данных – это общепланетарный информационный ресурс. Соответственно, единственно возможная модель построения цифровой экономики может быть только общепланетарной. Любые административные препоны, которые будет выстраивать отдельное государство против этой тенденции, тут же отбросят его назад в экономическом соревновании, причем отбросят быстро и необратимо.

Таким образом, наиболее вероятным сценарием построения экономической системы, именуемой цифровой экономикой, является

построение общемировой экономики, к которой, кстати, человечество и так движется неуклонно.

Автор не берется предугадать, как скоро это произойдет, однако хотел бы подчеркнуть, что методы спасения информации о частной жизни людей и сведений, в отношении которых приняты правомерные решения об ограничении в доступе, должны теперь стать иными, тоже более совершенными.

Остановимся только на одном аспекте данной глобальной проблемы – информационном портрете человека. В пока еще существующей социальной действительности, назовем ее для образности *аналоговым миром*, человек во многом свой информационный портрет пишет сам. Это одежда, манеры, разговоры, самосовершенствование, дозировка информации о своей биографии, поступках и намерениях. Правовую платформу для реализации данного субъективного права образуют положения современных конституций, декларирующих неприкосновенность частной жизни, и принятое в развитие этих норм законодательство, прежде всего законодательство о персональных данных¹.

Весь XX в. и даже сейчас множество людей при желании может остаться в тени – они не дают интервью прессе, не выступают на телевидении, не имеют активных аккаунтов в социальных сетях, могут сменить имя и фамилию, поменять место жительства и смело формировать свой информационный портрет так, как им выгодно и угодно. Однако эта «тьма» постепенно становится все более прозрачной. В автоматизированных информационных ресурсах органов публичной власти и организаций о них накапливается все больше разноплановых сведений; их передвижение фиксируется многочисленными телекамерами (а программы идентификации человека по его лицу уже существуют и стремительно совершенствуются), их включенный мобильный телефон дает компаниям сотовой связи много информации о передвижении, контактах, содержании СМС-сообщений, которые при же-

лании можно проанализировать и затем сделать соответствующие выводы. А если к этому добавить анализ интернет-активности человека за определенный промежуток времени, то картина может получиться значительно отличной от старательно формируемого человеком информационного портрета. Причем образование большинства из этих сведений человек не в состоянии контролировать и не имеет представления, кто ими распоряжается, а также кем, как и когда они будут использованы. Это уже реалии *цифровой мира*. И как бы ни старались операторы персональных данных дозировать информацию о физических лицах в облако больших данных, она туда все равно прямо или косвенно утечет и будет накапливаться. Дело лишь за искусством анализа, а также за экономической или иной его целесообразностью.

Следующим большим шагом к открытости личности в цифровой среде станет совершенствование систем идентификации личности по лицам. Мы уже давно привыкли к идентификации человека по отпечаткам пальцев – следующим шагом стала идентификация по радужной оболочке глаза, которая тоже презюмируется как уникальная. Однако в обоих случаях требуется либо прямой контакт со считывающим устройством (палец), либо четкий визуальный контакт с ним (радужная оболочка). Имеются все основания полагать, что по сумме биометрических черт лицо человека столь же уникально, как и радужная оболочка его глаза, и с точки зрения идентификации по крайней мере не менее информативно, чем папиллярные узоры его пальцев или отпечаток руки в целом.

Современные программные алгоритмы распознавания постоянно совершенствуются и достигли такого уровня, когда необходимая точность распознавания достигается даже для изображений низкого качества, позволяют осуществлять идентификацию при повороте головы и т. д. Уже сегодня возможно выделять лицо конкретного человека в группе лиц, что позволяет обеспечить пресечение попыток проникновения нежелательных лиц на охраняемый объект, при регистрации пассажиров на рейсы в аэропортах, при пропуске болельщиков на стадионы, а также в качестве элемента систем доступа к банкоматам (такая

¹ Согласно Федеральному закону от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных», персональные данные – любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных).

система уже внедрена в банкоматах Тинькофф Банка).

Пока эти системы являются достаточно локальными и хорошо контролируемыми с точки зрения технической защиты информации, особой опасности нет. Однако по мере роста производительности графических процессоров и компактных аппаратных платформ на их базе такого рода технологии из-за своего удобства будут распространяться все шире, и удержать в рамках конфиденциальности поток таких сведений будет все сложнее. Рано или поздно он из этих берегов выйдет.

Есть и иная проблема – применение описанных технологий к уже имеющимся банкам данных визуальной информации, т. е. ретроспективный анализ передвижений человека по определенной местности. Он тоже может позволить получить о нем важную информа-

цию, в том числе компрометирующего характера.

Таким образом, уже сейчас является реальностью, а в недалеком будущем станет обыденной вещью возможность детального отслеживания перемещений человека, его покупок, контактов с другими людьми с точной идентификацией их личностей, получения им денежных средств и их расходования, а на основании этого – формирования его психологического портрета, прогнозирования его намерений и др. Такой цифровой информационный портрет человека будет более детальным и объективным, чем тот, который человек создает сам для себя, и они неизбежно вступят между собой в конкуренцию. С одной стороны это послужит делу повышению уровня законопослушания. Но что нас всех ждет с другой стороны?

Список литературы

1. Генкин А. С., Михеев А. А. Блокчейн: Как это работает и что ждет нас завтра. – М., 2018.
2. Карр Н. Стеклоклетка. Автоматизация и мы. – М., 2017.
3. Расторгуев С. Информационные операции в сети Интернет. – М., 2014.
4. Скиннер К. Как финтех-компании используют блокчейн и мобильные технологии для создания интернета ценностей. – М., 2018.
5. Фрэнкс Б. Укрощение больших данных. – М., 2014.

Виртуальные валюты как законные платежные средства

О. А. Полежаев

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова»,
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: PolezhaevOA@mail.ru

Virtual Currencies as Legal Means of Payment

O. A. Polezhaev

PhD of Law, Associate Professor
of the Department of Civil Legal Disciplines of the PRUE.

Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 117997, Russian Federation.
E-mail: PolezhaevOA@mail.ru

Аннотация

Данная статья посвящена исследованию возможностей замещения национальных валют и формированию универсального средства платежа на основе криптовалют, снижающего степень негативного влияния государств на экономическую сферу. Социологический метод исследования права позволяет обоснованно утверждать, что в настоящее время криптовалюты выполняют все функции, присущие деньгам в экономическом смысле, и обладают свойствами, присущими законному средству расчетов, способному переносить платежную силу. Обосновывается, что криптовалюты не могут быть признаны в качестве денежных суррогатов, так как способны выражать косвенную стоимость объектов и обладают средствами обеспечения стоимости. Утверждается, что правовой режим криптовалют не может быть основан на нормах о праве собственности. Для эффективного регулирования отношений, связанных с оборотом криптовалют, необходима разработка уникального правового режима, схожего с режимом законного платежного средства, однако учитывающего объективные свойства нового вида объектов, основанного на экономической категории «частные деньги».

Ключевые слова: деньги, денежный суррогат, криптовалюта, законное платежное средство, интерес, частные деньги, правовой режим, государство, цифровая экономика, универсальный эквивалент, вещи, платежная сила.

Abstract

This article is devoted to the study of the possibilities of replacing national currencies and the formation of a universal means of payment based on cryptocurrencies, which reduces the degree of negative influence of states on the economic sphere. The sociological method of law research makes it possible to reasonably claim that at present cryptocurrencies perform all the functions inherent in money in an economic sense, and possess attributes that are inherent in a legal means of settlement capable of transferring payment power. It is substantiated that cryptocurrencies cannot be recognized as monetary surrogates, as they are capable of expressing the indirect value of objects and possess means to ensure value. It is argued that the legal regime of cryptocurrency cannot be based on the rules of ownership. In order to effectively regulate relations connected with cryptocurrency turnover, it is necessary to develop a unique legal regime similar to the legal means of payment, but taking into account the objective properties of the new type of objects based on the economic category "private money".

Keywords: money, money surrogate, cryptocurrency, legal mean of payment, interest, private money, legal regime, state, digital economy, universal equivalent, things, payment power.

Смысловое наполнение категории «цифровая экономика» представляется крайне спорным и неоднозначным, так как оно тревожит умы специалистов самых различных

отраслей человеческого познания. Единственное, что не вызывает споров, так это то, что географическая удаленность, как и политико-правовая принадлежность, перестанут

являться существенными препятствиями для субъектов хозяйственной деятельности. В. В. Иванов охарактеризовал цифровую экономику как виртуальную среду, дополняющую окружающую реальность [2].

Упрощение гражданского оборота, позволяющее заказчику, не покидая домашней обстановки, выбирать и приобретать товары у поставщика, находящегося на значительном удалении, актуализировало проблему порядка и условий взаимных расчетов между контрагентами. В подобных условиях сама природа экономических отношений позволила их участникам создать инструментарий для взаимных расчетов, позволяющий не только не снижать темп товарооборота, но и гарантировать защиту частных интересов. Криптовалюты появились по причине крайней нужды участников экономического оборота в средстве платежа, свободного от политического усмотрения государства и основанного на вполне ясных законах экономики.

Правовой режим криптовалюты, как и законодательное регулирование отношений, с ней связанных, являются камнем преткновения для современного отечественного правового порядка. В частности, не может быть охарактеризована в качестве удачной попытка, предпринятая Министерством экономического развития Российской Федерации, по разработке законопроекта, направленного на регулирование отношений, связанных с оборотом криптовалюты. Режим права собственности, которым предлагается наделить криптовалюты, не учитывает объективных особенностей, присущих новым средствам расчета, и, как следствие, подобное законодательное регулирование станет малоэффективным.

Источником основных проблем, возникающих при попытке законодателя упорядочить вновь возникшие отношения, является то, что криптовалюты по своему экономическому и социальному назначению, объективным свойствам и скрытому в них существу являются деньгами или законным средством платежа – особой юридической категорией, остающейся малоизученной до настоящего времени.

Деньги в экономическом смысле представляют обыкновенный товар, набор объективных свойств которого позволяет выполнять ему крайне важную функцию – выступать в качестве средства универсального обмена,

основанного на пропорциональном выражении стоимости вещей. Все иные функции денег носят явно выраженный производный характер [9]. Таким образом, в зависимости от рыночной конъюнктуры и объективных факторов, деньги, находясь в состоянии постоянной динамики, видоизменяются, приобретают или утрачивают те или иные признаки и постоянно меняют свою ценность.

В праве взгляд на деньги, или, что то же, законное средство платежа, является принципиально отличным, так как в его основе лежит властное и носящее императивный характер предписание закона [4. – С. 8], позволяющее государству контролировать экономическую сферу и упорядочивать имущественные отношения по средствам придания объекту искомого правового режима.

Как следствие, между деньгами в экономическом и юридическом смыслах образовался диссонанс, подобный нарушению единства формы и содержания явления, приводящего интересы различных субъектов не к согласию и консенсусу, а, наоборот, к разладу и конфликту.

В доктрине права при характеристике денег как законного средства платежа исследователи зачастую не упоминают о скрытых и не имеющих существенного значения для представителя юриспруденции свойствах денег, играющих важнейшую роль в экономической среде [6. – С. 78]. В первую очередь речь идет о качестве денег, которое оказывает самое непосредственное влияние на положение участников гражданского оборота и способно в мгновение ока обернуть доход в убыток.

Монополизация денежной эмиссии государством оказывает значительное негативное влияние на стабильность денежной системы в связи с тем, что административное управление является малоэффективным и сопряжено с ослаблением «иммунного» рыночного механизма, основанного на конкурентных началах [9]. Как следствие, ценность денег устанавливается исключительно государством и всецело зависит от его усмотрения.

Полное подчинение денег государству не позволяет другим участникам рынка, находящимся в прямой зависимости от стоимости конкретных денег, оказывать на них позитивное экономическое влияние.

Находящееся в полной зависимости от политического усмотрения изменение ценности денег приобретает непредсказуемый характер, сопровождающийся появлением множества неэкономических факторов влияния. Как следствие, долгосрочное планирование поведения участников рынка становится крайне сложным, сопровождающимся утратой определенности и точности экономических прогнозов и неясностью перспектив, что сопровождается для частных лиц возникновением дополнительных рисков и издержек, становящихся впоследствии источником кризисных экономических явлений.

В итоге государство становится не способным обеспечить рынок надежными и предсказуемыми деньгами на продолжительный период времени, что идет в разрез с интересами участников гражданского оборота, заставляет их усомниться в справедливости и обоснованности государственного вмешательства в экономическую сферу.

Неисполнение обязанности государства по предоставлению качественных денег сопровождается не только невозможностью рынка влиять на их ценность, но и отсутствием компенсационных механизмов. Злоупотребление со стороны государства властью над деньгами, сопровождающееся перманентным контролем за поведением участников рынка, оборачивается значительными убытками для всего общества, восполнение которых не является обязанностью государства, хотя последнее и является их причинителем.

Использование национальных валют сопровождается не только значительными рисками, связанными с изменением их стоимости, но и наличием материальных и временных затрат, сопровождающих каждую экономическую сделку. Конвертации валют, расчетные операции требуют обязательного участия банков со стороны всех участников оборота, что в итоге оборачивается в значительные транзакционные издержки.

Вышеперечисленные негативные факторы стали катализатором, обусловившим возникновение принципиально нового средства для расчетов между участниками рынка, особенно в тех условиях, когда цифровизация делает рынок трансграничным и стирает юрисдикции государств. Таким образом, отказ

участников оборота от расчетов в национальных валютах и изыскание иного платежного инструмента представляло собой качественное изменение экономической сферы, позволившей участникам рынка сделать его еще более прочным и единым, а самое главное, повысить его предсказуемость.

Криптовалюты, основанные на технологии блокчейн, выполняют самые разнообразные функции, включая технические, суть которых сводится к обеспечению функционирования системы в целом, и не относятся к области права. Однако не вызывает сомнений, что важнейшей функцией, ради которой подобный инструмент был создан и впоследствии получил столь широкое распространение в мире, является выступление его в качестве универсального средства платежа, несущего полноценную платежную силу.

Таким образом, представляется допустимым утверждение, что в независимости от законодательного усмотрения фактически криптовалюта выполняет функции, присущие деньгам в экономическом смысле.

Основная проблема определения правового режима криптовалют и возможности признания последних в качестве денег в юридическом смысле кроется в том, что деньги как правовая категория остаются малоизученными, а многогранность кроющихся в деньгах интересов делает законодательное регулирование отношений, с ними связанных, крайне сложным и противоречивым.

В настоящее время при обосновании способов разрешения проблемы правового вакуума в отношении криптовалют, в значительной степени используется ссылка на открытость перечня объектов гражданских прав и принцип свободы договора, однако такое решение представляется не бесспорным.

В науке отечественного права неоднократно утверждалось, что деньги представляют собой уникальный объект, правовой режим которого является крайне неоднородным, базирующимся в основной своей массе на положениях публичного права, в то время как влияние частного права описывается не иначе как незначительное [8. – С. 150–151].

Регулирование отношений, связанных с правом собственности, тоже носит межотраслевой характер, однако влияние, оказываемое нормами частного права, может быть

оценено как важнейшее, так как только оно ответственно за формирование юридического наполнения (содержания) права собственности, в то время как положения публичного права устанавливают пределы и условия осуществления права.

Если право собственности формируется под влиянием различных отраслей права – как частного, так и публичного и в его отношении присутствует четкое распределение пределов правового воздействия, понимание характера юридического влияния и, как следствие, общая непротиворечивая концепция правового регулирования, то в отношении денег подобное положение невозможно.

Сущность денег, основа их юридического содержания опирается исключительно на положения публичного законодательства, не доступного для влияния со стороны частных интересов. Связь частного права с деньгами ограничивается формированием незначительного количества положений, носящих императивный характер, заключающихся в возложении на всех участников оборота обязанностей по использованию денег в качестве законного платежного средства и порядку обладания отдельными видами денег.

Господство публично-правовых начал при регулировании отношений, связанных с деньгами, и, как следствие, приоритет разрешительного метода права позволяют утверждать, что деньги как объект права относятся к зоне интенсивного правового регулирования, где, по абсолютно справедливому мнению С. С. Алексеева, между запретом и дозволением отсутствует юридически разряженное поле [1. – С. 128–132]. Таким образом, объект приобретает правовой режим платежного средства исключительно в силу прямого указания закона.

Использование разрешительного метода правового регулирования при определении юридического содержания денег исключает возможность использования положений гражданского законодательства для восполнения пробела в праве и придания криптовалютам надлежащего правового режима, в основе которого лежала бы возможность передачи платежной силы и, как следствие, придание режима расчетного средства.

Определение правового режима криптовалют в отечественном, как и в иных право-

порядках, невозможно исключительно с позиций частного права до тех пор, пока необходимые изменения не произойдут в праве публичном.

В свете изложенного объективно существующее непонимание между представителями экономической и юридической науки в отношении денег представляется не столь серьезным по сравнению с противоречиями в подходах к категории денег, существующими между различными отраслями права.

В целях выявления средства, позволяющего разрешить проблему неопределенности правового режима криптовалют, необходимо обратить особое внимание на объекты, за которыми действующее отечественное законодательство признает режим платежного средства.

Согласно статье 140 Гражданского кодекса Российской Федерации, правовой режим денег, а точнее говоря, режим законного платежного средства предоставлен отечественной национальной валюте – рублю. Для обозначения законного платежного средства в доктрине зарубежного права обычно используется категория *legal tender*.

В случаях, прямо предусмотренных законом, расчеты могут осуществляться и в иностранной валюте (статья 9 Федерального закона от 10 декабря 2003 г. «О валютном регулировании и валютном контроле»), при условии что последняя признается в качестве законного средства платежа в государстве, которое является ее эмитентом. Таким образом, перечень легальных средств, обеспечивающих передачу платежной силы, сводится к объектам, обладающим режимом *legal tender* вне зависимости от их национальной принадлежности.

Категория «законное средство платежа» является конструкцией публичного и в первую очередь финансового права, при формировании правового режима которой используются запреты, позитивные обвязывания и самое главное – бесспорное господство имеет разрешительный метод правового регулирования.

И. И. Кучеров утверждает, что важнейшими признаками, позволяющими отличить законное средство платежа, являются признание его со стороны государства, особый порядок введения и изъятия из обращения, обязательность к приему по нарицательной сто-

имости, обязательность к приему в силу прямого указания в законе (в первую очередь со стороны государства), особый порядок обращения и использования, устанавливаемый императивными правилами [3. – С. 47].

Следовательно, переход денег из категории сугубо экономического характера в юридическую основывается на особом акте государственного признания за товаром платежной силы, носящей исключительный характер и обеспеченной силой государственного принуждения. Таким образом, правовой режим законного средства платежа носит исключительный характер, в основе которого лежат не конкретные объективные условия, а волевой акт и, как следствие, усмотрение отдельного субъекта.

Монополия государства в области денежной эмиссии делает невозможным появление иных инструментов, обладающих платежной силой. В отечественном правовом порядке существует запрет на создание денежных суррогатов, при этом в законе не приводятся критерии, позволяющие выявить последние.

Ранее уже утверждалось, что упорядочивание отношений, связанных с расчетными средствами, находится в области интенсивного правового регулирования, при котором существует непосредственная граница между запретом и дозволением, в силу чего любое явление может быть однозначно квалифицировано в качестве правомерного или запрещенного.

Учет объективно существующих закономерностей публично-правового регулирования отношений, связанных с созданием и оборотом денежных средств, позволяет утверждать, что любое иное средство, передающее платежную силу и прямо не санкционированное государством, может быть охарактеризовано в качестве запрещенного и квалифицировано как денежный суррогат. Подобная позиция может быть признана формально обоснованной, однако подобная обоснованность еще не свидетельствует о правильности мнения надзорного органа и законодательного регулирования искомых отношений.

В доктрине отечественного, как и зарубежного, права присутствуют доводы, позволяющие обосновать принципиальную возможность признания криптовалют в качестве

действительного инструмента переноса платежной силы, не являющегося ни денежным суррогатом, ни законным платежным средством в его классическом понимании. Необходимость уяснения и учета подобных аргументов обусловлена тем, что многие из них были приняты в качестве оснований для непосредственной легализации криптовалют в ряде иностранных правовых порядков.

Если определение денежного суррогата в отечественном правовом порядке осуществляется по средствам логического толкования норм права при отсутствии демаркационных признаков, то в доктрине права признаки, позволяющие достоверно выявить денежные суррогаты, были выработаны достаточно давно.

В первую очередь под денежным суррогатом подразумевается объект, не являющийся деньгами в юридическом смысле, однако полностью или частично выполняющий их функции. Настоящий признак позволяет выявить истинные цели использования объекта как средства платежа, без которых отнесение объекта к суррогатам не будет представляться возможным.

Наиболее важным отличием денежного суррогата является то, что он лишен самостоятельной ценности и не имеет какого-либо средства обеспечения, способного гарантировать его ценность и влиять на стоимость. Таким образом, существование денежного суррогата представляет опасность для гражданского оборота, а использование подобных средств платежа сопровождается значительными рисками, в основе которых лежит вероятность невозможности получения встречного предоставления, связанная с неисполнением денежным суррогатом функций накопления и сбережения капитала. Как ни парадоксально, взгляд на криптовалюты сквозь призму вышеприведенных критериев не позволяет бесспорно отнести их к денежным суррогатам.

Объективно существующие свойства криптовалют делают их если не идеальным, то практически совершенным средством расчета, не зависящим от поведения неподконтрольного участникам рынка субъекта и основанным на возможности выражения взаимной стоимости обмениваемых товаров.

Значительные сложности возникают при выявлении средств, обеспечивающих стоимость криптовалют, так как длительное время

считалось, что они не обладают каким-либо обеспечением, способным подкрепить их рыночную стоимость. Однако, согласно докладу Комиссии по торговле товарными фьючерсами при Правительстве США, криптовалюты обеспечены майнингом, что гарантирует возможность установления их внутренней стоимости. Не стоит обходить стороной и тот факт, что в основе криптовалют лежит технология блокчейн, гарантирующая полный контроль над эмиссией и распределением криптовалютных единиц, а также делающая невозможной любую попытку фальсификации или подделки.

Разумеется, подобные средства обеспечения расчетных средств не являются стандартными, однако это не влечет негативных последствий для рынка криптовалют, а, наоборот, обеспечивает его стабильность и предсказуемость, что и требуется в современном гражданском обороте.

Средствами обеспечения обычных денег на протяжении длительного периода времени являлись драгоценные металлы, что обычно и позволяло отличать деньги от денежных суррогатов. В настоящее время концепция золотого стандарта канула в лету и не применяется при определении стоимости национальных валют мира. Не является исключением и отечественная национальная валюта. Таким образом, в вопросах выявления наличия самостоятельной ценности расчетного средства между многими национальными валютами и криптовалютами отсутствуют принципиальные отличия.

Стоит заметить, что вплоть до начала XX в. привычные для современного оборота бумажные деньги считались денежным суррогатом, так как сами по себе не обладали стоимостью [10. – С. 6, 37–38]. Постепенное вовлечение бумажных денег в экономику, основанное на комфорте оборота и простоте обладания, повлекло повсеместное вытеснение даже денег, воплощенных в драгоценных металлах, что говорит об изменчивом характере рыночных отношений, подстраивающихся под все более эффективные инструменты передачи платежной силы.

Категория *legal tender* является не столь однородной, как кажется на первый взгляд, так как ее юридическое наполнение суще-

ственно варьируется в разных правовых порядках и юридических традициях.

Первоначально роль законного платежного средства ограничивалась средством для расчетов по имущественным обязательствам, носившим публичный характер (налоги, сборы и иные публичные подати) [3. – С. 45]. Постепенно влияние государства на экономическую сферу укрепилось до положения монополиста в создании платежных средств, однако укрепление авторитета государства как единственного обладателя денег в разных странах протекало неравномерно.

В правовых традициях стран общего права, в частности в США, сфера обязательного применения законного платежного средства традиционно была ограничена отношениями по уплате долгов и налогов, расчеты за продажу товаров или оказание услуг между частными лицами могли осуществляться при использовании иных платежных средств.

В Великобритании процесс освобождения рыночных отношений от повсеместного использования законного платежного средства был более сложным и продолжительным во времени. Возможность свободного выбора средства расчета между частными лицами была обоснована Т. Фаррером со ссылкой на обычное договорное право, посредством которого стороны могут сами согласовать форму исполнения обязательств по контракту без необходимости участия закона и установления особого режима денег [11. – С. 43]. При этом принуждение законом сторон сделки к принятию исполнения в форме, не предусмотренной контрактом, расценивалось как насильственная и неестественная конструкция, в основе которой лежит произвол власти.

И только в конце XX в. под влиянием либерализации экономической сферы английские суды прямо признали за участниками рынка возможность избрания альтернативных способов расчетов и принуждения должников к расчетам в валюте иностранных государств. Признание со стороны государства за участниками рынка значительной свободы в выборе форм взаимных расчетов в странах общего права изначально не являлось препятствием для повсеместного внедрения криптовалют в гражданский оборот.

В отечественном правовом порядке категория законного платежного средства имеет более

широкое содержание и сферу применения. По общему правилу, отечественная валюта должна использоваться для расчетов по всем обязательствам, носящим имущественный характер. Таким образом, вне зависимости от характера и юридической природы отношения, по которому возник долг, под угрозой применения негативных последствий он должен быть погашен при использовании исключительно законного средства платежа.

В подобных условиях воля участников рынка изначально ограничена, и, как следствие, стремясь обойти установленный запрет, стороны идут на различные ухищрения, результатом которых становится рост сопутствующих издержек и неопределенность правового положения сторон, что не способствует упрочнению гражданского оборота. Легализация криптовалют и признание за ними платежного инструмента в современном отечественном правовом порядке возможны исключительно с учетом изменения публичного законодательства и пересмотра взглядов на категорию «законное платежное средство», или деньги в юридическом смысле.

Объекты становятся законным средством платежа на основании воли правительства, в силу которой деньги рассматриваются как универсальный суррогат исполнения всех имущественных обязательств, ценность которых равна и, как следствие, заменяет ценность любых благ, которые могли или должны были быть предоставлены [5. – С. 31]. Законное платежное средство от любого иного средства платежа, по сути, отличают два признака: обязательность (принудительность) принятия и крайность [5. – С. 30].

Принудительность проявляется в том, что деньги выступают в качестве средства, освобождающего должника от долга, в то время как кредитор обязан подобный долг принять, что влечет прекращение обязательства в связи с его исполнением и не возлагает на контрагента каких-либо дополнительных негативных последствий.

Крайность подразумевается как последнее из возможных средств погашения долга, в то время как погашение любым иным образом, о котором могли договориться стороны, не представляется возможным. В сути крайности лежит не что иное, как новация, заменяющая предмет основного долга на имуще-

ство, равное по своей ценности, однако в этом случае ценность определяется не участниками отношения, а государством.

Свойство крайности является важнейшей проблемой законного платежного средства для экономической сферы, так как ценность одного и того же объекта может значительно изменяться в зависимости от его обладателя и рыночной конъюнктуры. Ценность денег определяется властным предписанием государства, в то время как все иные лица обязаны принимать их по номиналу, что отрывает ценность денег от их реальной рыночной стоимости и оказывает негативное влияние на участников рынка.

Устанавливая деньги как явление универсальное и, самое главное, определяя их стоимость, государство не способно оценить всю совокупность частных интересов, потребностей и результатов, преследуемых участниками рынка, достижение которых зачастую возможно при использовании конкретного, уникального инструмента, что подчиняет частную волю там, где она, наоборот, должна господствовать.

Справедливости ради стоит отметить, что свойство крайности у денег является источником не только негативного, но и позитивного влияния, способного дать путь к легализации криптовалют не просто как объектов гражданских прав, но и как легальных инструментов переноса платежной силы. Сам факт существования свойства крайности указывает на то, что могут существовать и иные легальные средства, способные заменить предмет долга в глазах кредитора, без использования категории законного платежного средства.

Интересы контрагентов сводятся к передаче объекта, стоимость (ценность) которого действительно сопоставима предмету долга, в результате чего на стороне кредитора не образуется убыток. Получение реального эквивалента возможно только тогда, когда объект, передающий платежную силу, обладает максимальной или близкой к максимальной надежностью и ликвидностью [9].

Описывая механизм надления денег режимом законного платежного средства, большинство исследователей ограничиваются указанием исключительно на волю государства, не отмечая, что настоящий процесс является более сложным. Особый акт госу-

дарственного признания денег сам по себе не повлечет признания их в качестве таковых, если общество не усмотрело в предложенных инструментах свойств реальных денег [5. – С. 31, 41]. Совершенно справедливо отмечал Ф. Савиньи, что «общественное мнение решает вопрос не только о том, что есть деньги, но и том, в какой степени тот или иной предмет имеет свойство стать деньгами» [7].

Механизм признания денег в юридическом смысле всецело покоится на общественном мнении и формирующих его интересах частных лиц, в основе которого лежат закономерные экономические явления. Таким образом, юридическое утверждение объекта в качестве денег является ничем иным, как следствием, признанием того же объекта деньгами в экономическом смысле.

Лучшим доказательством признания криптовалют в качестве денег в экономическом смысле является тот факт, что по состоянию на 2018 г. общая капитализация рынка криптовалют достигла суммы 700 млрд долларов США, что практически в четыре раза превы-

шает доходную часть бюджета Российской Федерации на тот же период времени.

В современных условиях криптовалюты представляют собой реальную и значительную часть экономического рынка, необходимость регулирования оборота которой является свершившимся фактом.

При этом правовой режим криптовалют не может быть сведен к наделению их режимом объекта права собственности и вещных прав, так как объективные свойства, присущие криптовалютам, указывают на заложенную в них возможность выступать в качестве основного на праве средства расчета, способного передавать платежную силу наподобие категории частных денег, разработанной Ф. А. Хайеком и поименованной в качестве договорного платежного средства.

А сами криптовалюты способны стать настоящим универсальным эквивалентом в экономике будущего, перешедшей в цифровую сферу и освободившейся от политических границ.

Список литературы

1. Алексеев С. С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. – М. : Юридическая литература, 1989.
2. Иванов В. В. Цифровая экономика: мифы, реальность, перспективы. – М., 2017. – URL: <http://www.ras.ru/FStorage/Download.aspx?id=33ce1a09-9923-4a20-a21c-ba39489d1c14>
3. Кучеров И. И. Законное платежное средство как категория финансового права // Журнал российского права. – 2014. – № 8. – С. 38–47.
4. Литовченко М. Деньги в гражданском праве. – Киев, 1887.
5. Лунц Л. А. Деньги и денежные обязательства в гражданском праве. – 2-е изд., испр. – монография. – М. : Статут, 2004.
6. Новоселова Л. А. Проценты по денежным обязательствам. – М. : Статут, 2003.
7. Савиньи Ф. К. Обязательственное право. – М., 1876.
8. Скловский К. И. Собственность в гражданском праве. – 5-е изд., перераб. – М. : Статут, 2010.
9. Хайек Ф. А. Частные деньги. – М. : Институт Национальной Модели Экономики, 1996. – URL: <http://www.library.fa.ru/files/Hayek-Money.pdf>
10. Цитович П. Деньги в области гражданского права. – Харьков, 1873.
11. Lord Ferrer. Studies in Currency. – London, 1898.

**Функционирование межправительственных финансовых организаций
(на примере Совета по финансовой стабильности)**

П. И. Чувахин

старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин
РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: chuvakhin.petr@yandex.ru

**Functioning of Intergovernmental Financial Organizations
(on the Example of the Financial Stability Board)**

P. I. Chuvakhin

Senior Lecturer of the Department of Civil Legal Disciplines of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 117997, Russian Federation.
E-mail: chuvakhin.petr@yandex.ru

Аннотация

В данной статье подробно рассматривается Совет по финансовой стабильности (СФС), созданный в апреле 2009 г. и являющийся преемником Форума финансовой стабильности. Новая организация выступает в финансовой системе в качестве постоянного секретариата по вопросам финансового регулирования, координируя работу стандартообразующих органов и организаций. На сегодняшний день СФС признается новым институтом обеспечения глобальной финансовой стабильности XXI в. В работе отмечается, что непоследовательное внедрение разработанных принципов и пренебрежение выполнением рекомендаций на национальном уровне всегда приводит к образованию брешей в финансовой системе мира. В этом случае система сталкивается с влиянием на нее внезапно возникших отрицательных факторов, которые ранее было невозможно спрогнозировать. Делается вывод о том, что от принятия стандартов СФС, их последовательного, полного и своевременного внедрения, а также от уверенности в выполнении взятых на себя обязательств зависит не только состояние национальных финансовых систем, но и создание устойчивой международной финансовой системы.

Ключевые слова: Совет по финансовой стабильности, финансовая система, стандарты, Международная ассоциация страховых надзоров, Базельский комитет по банковскому надзору, Международный валютный фонд, международные организации.

Abstract

This article discusses in detail the Financial Stability Board (FSB), established in April 2009 that is the successor to the Financial Stability Forum. The new organization acts in the financial system as a permanent secretariat for financial regulation issues, coordinating the work of standard-setting bodies and organizations. Today, the FSB is recognized as a new institution to ensure global financial stability of the 21st century. The paper notes that inconsistent implementation of the developed principles and defiance of the implementation of recommendations at the national level always lead to the formation of gaps in the financial system of the world. In this case, the system is faced with the influence of suddenly arising negative factors on it, which were previously impossible to predict. It is concluded that the adoption of FSB standards, their consistent, full and timely implementation, as well as confidence in the fulfillment of their obligations depend not only on the state of the national financial systems, but also on the creation of a stable international financial system.

Keywords: Financial Stability Board, financial system, standards, International Association of Insurance Supervisors, Basel Committee on Banking Supervision, International Monetary Fund, international organizations.

Совет по финансовой стабильности (СФС) был создан в апреле 2009 г. в качестве преемника Форума финансовой стабильности. Новая организация приобрела расширенный

мандат и новые компетенции. На саммите в Питтсбурге главы государств и правительств «Группы двадцати» одобрили первоначальный Устав СФС от 25 сентября 2009 г., в котором изложены цели и задачи организации, а также ее организационная структура. Необходимо отметить, что с момента создания, СФС взял на себя ключевую роль в содействии реформе системы международного финансового регулирования.

На саммите в Лос-Кабосе 19 июня 2012 г. главы государств и правительств «Группы двадцати» утвердили обновленный и измененный Устав организации, в котором была закреплена роль СФС в установлении и содействии осуществлению международных финансовых стандартов членами организации. Впоследствии было решено продолжить постепенный подход к институционализации СФС, учредив его как ассоциацию Швейцарии, согласно статье 60 Гражданского кодекса Швейцарии, чтобы наделить его правосубъектностью юридического лица. 28 января 2013 г. СФС стала некоммерческой ассоциацией Швейцарии со своим местонахождением в Базеле. Кроме того, был принят специальный документ – «статьи ассоциации Совета по финансовой стабильности», подтверждающий статус Совета в качестве юридического лица Швейцарии.

Специфика правового статуса СФС обусловлена несколькими аспектами.

Во-первых, данная организация была создана в рамках функционирования международной конференции или, как его можно назвать по-другому, клуба, которым формально является «Группа двадцати». Во-вторых, имеет место особая структура и механизм участия государств в работе Совета, поскольку они являются участниками организации не напрямую, а опосредованно: их интересы представляют национальные финансовые органы. И в-третьих, участниками организации являются международные финансовые организации, а также международные институты по выработке финансовых стандартов и финансовому надзору. Таким образом, членами Совета являются субъекты международного права – государства в лице своих регулирующих органов и международные межправительственные организации. Данное обстоятельство свидетельствует о

сложносоставном характере СФС с точки зрения согласования суверенной воли участников.

Компетенция СФС как межправительственной финансовой организации

Любая международная организация создается для реализации конкретных целей и задач, рассматриваемых ею в качестве приоритетных, что является подтверждением наличия у международной организации характерной для каждой из них компетенции. Компетенция характеризует правоспособность субъектов права, в том числе международных организаций. Лишь в том случае, если организация будет осуществлять свою деятельность в соответствии с установленной компетенцией, все ее действия будут считаться правомерными.

Необходимо отметить, что у разных юристов разный подход к определению компетенций международных организаций. Так, польский юрист В. Моравецкий рассматривает компетенцию международной организации как определенную сферу ее деятельности [7]. Юрист С. А. Войтович определяет компетенцию международной организации как совокупность ее прав и обязанностей, а также полномочий ее органов [1. – С. 99]. Кроме того, для полноты понимания компетенции международной организации важную роль играют ее цели и задачи, установленные в учредительном документе и определяющие результат ее деятельности.

В рамках международного права у международных организаций выделяется два типа компетенций – предметная и юрисдикционная, обе из которых фиксируются в учредительных документах. Предметная компетенция определяет круг вопросов, переданных в ведение организации ее членами. Юрисдикционная же устанавливает юридическую силу актов организации. В качестве предмета деятельности международных финансовых организаций рассматривается прежде всего кредитная, инвестиционная и регулятивная деятельность. У рассматриваемой организации – Совета по финансовой стабильности – предметная компетенция отличается. К ней в большей степени относится регулятивная, координационная и надзорная деятельность. Отличительной особенностью компетенции

СФС является ряд ее функций, которые ранее были отнесены к ведению иных финансовых организаций, а именно: регулирование финансовой стабильности; макропруденциальный надзор и определение мер воздействия на теневую банковскую систему.

Таким образом, ознакомившись с понятием «компетенция международной организации», можно понять важность основных целей, функций и задач международной организации.

В соответствии со статьей 1 Устава Совета по финансовой стабильности, основной целью организации является разработка и содействие осуществлению эффективной политики регулирования и надзора за финансовыми секторами экономики.

Для достижения своей цели, организацией, согласно статье 2 Устава, были обозначены следующие задачи: оценка уязвимостей глобальной финансовой системы; содействие координации и обмену необходимой информацией между органами членов организации, ответственными за финансовую стабильность; контроль за изменениями, происходящими на финансовых рынках; мониторинг внедрения передовых практик регулирования финансовой системы в нормативную базу членов организации; координацию политики организаций, отвечающих за разработку международных финансовых стандартов для обеспечения их своевременной, скоординированной работы и сосредоточения внимания на приоритетных вопросах; поддержку политики трансграничного регулирования непредвиденных финансовых кризисов; сотрудничество с другими международными финансовыми организациями; а также выполнение иных задач, согласованных членами организации в ходе своей деятельности.

Важным направлением деятельности организации считается ведение списков системообразующих страховых компаний и банков. К банкам и страховым компаниям, оказавшимся, в подобных списках, СФС предъявляет повышенные требования по сохранению их стабильности, устойчивости и надежности, а также осуществляет более строгий надзор за их деятельностью.

Как уже было отмечено, по мнению С. А. Войтовича, особую роль в деятельности

организации и в определении ее компетенции играют ее органы.

Организационная структура СФС закреплена в разделе 3 Устава Совета по финансовой стабильности.

Так, согласно статье 7, к органам СФС относятся Пленарное заседание, Исполнительный комитет, Постоянные комитеты, рабочие группы, региональные консультативные группы, Председатель организации, а также Секретариат СФС.

Полномочия и деятельность Пленарного заседания регулируются статьями 9–11 Устава. В соответствии со статьей 9, Пленарное заседание является высшим и единственным органом, принимающим решения в рамках СФС по всем вопросам, регулируемым Уставом, а именно: принятие и утверждение программы деятельности СФС; утверждение бюджета организации; принятие и одобрение принципов, стандартов, рекомендаций и руководств, разработанных СФС; принятие решений о членстве в организации; назначение председателя Совета; принятие решений о внесении поправок в Устав СФС; а также принятие решений по любым другим вопросам, регулирующим деятельность организации. Кроме того, Пленарное заседание в случае необходимости имеет право создавать постоянные комитеты, рабочие группы, предоставлять им мандат (одобрять мандат рабочих групп, созданных Исполнительным и Постоянными комитетами), а также назначать председателей Постоянных комитетов и Генерального секретаря по предложению Председателя СФС.

Необходимо отметить, что, согласно статье 10, все члены Совета имеют право присутствовать на Пленарном заседании, которым руководит Председатель Совета. При этом члены организации должны быть представлены главой Центрального банка или его непосредственным заместителем; главой основного надзорного органа в сфере финансов или его заместителем; заместителем министра финансов. Важным является то, что Председатель Совета после консультации с членами организации имеет право предоставить специальные приглашения на заседание представителям стран, не являющихся членами СФС, а также представителям частного сектора. Кроме того, на Пленарном заседании

принимают участие главы организаций, отвечающих за разработку международных финансовых стандартов, высокопоставленные представители МВФ, Всемирного банка, Банка международных расчетов и ОЭСР.

Участие государств на заседаниях Пленума, а именно количество представителей от стран, варьируется в зависимости от объема влияния их экономик на мировое хозяйство и их деятельности на мировом финансовом рынке.

Операционное руководство СФС осуществляется формируемым Пленарным заседанием СФС с учетом принципа географической и институциональной сбалансированности Исполнительным комитетом, деятельность которого регулируется статьями 12–13. Так, в соответствии со статьей 12, к основным полномочиям Исполнительного комитета относятся: контроль за текущей работой Совета; содействие координации работы Постоянных комитетов и рабочих групп организации; представление информации о работе Совета всем членам организации; координация совместно с организациями, отвечающими за разработку международных финансовых стандартов работы по обзору нормативных пробелов в финансовых стандартах, которые могут создавать риск для финансовой стабильности; подготовка повестки для Пленарного заседания; а также иная деятельность в соответствии с указаниями Пленарного заседания.

Огромную роль в работе как самой организации, так и ее основных органов играет Председатель, полномочия которого закреплены в статье 21. Необходимо отметить, что Председатель Совета избирается и назначается на Пленарном заседании из состава всех представителей на трехлетний срок с возможностью однократного продления срока действия полномочий. Важным в работе Председателя является то, что он не только принимает все решения в рамках СФС, но и представляет его интересы при осуществлении работы с иными международными организациями и государствами.

В настоящее время на постоянной основе функционируют четыре комитета: Постоянный комитет по оценке уязвимых мест в финансовой системе, Постоянный комитет по сотрудничеству в области регулирования и

надзора, Постоянный комитет по внедрению международных стандартов, Постоянный комитет по бюджету и ресурсам.

Полномочия и деятельность вышеназванных комитетов регулируется статьями 14–16 Устава СФС.

Согласно статье 14, Постоянный комитет по оценке уязвимых мест в финансовой системе контролирует и оценивает слабые места глобальной финансовой системы и предлагает Пленарному заседанию варианты действий для их разрешения. Кроме того, комитет контролирует изменения, происходящие на финансовых рынках, и выявляет последствия таких изменений. Также в компетенцию органа входит участие в Механизме раннего предупреждения (вместе с МВФ).

В соответствии со статьей 15, Постоянный комитет по сотрудничеству в области регулирования и надзора занимается решением основных задач по поддержанию финансовой стабильности в части разработки политик в области надзора и регулирования, урегулирования вопросов между надзорными органами и утверждения принципа их работы.

К основной функции Постоянного комитета по соблюдению международных стандартов на основе статьи 16 относится комплексный надзор: за внедрением международных финансовых стандартов, разработанных членами «Группы двадцати»; за исполнением обязательств, рекомендаций и иных инициатив СФС.

В компетенцию Постоянного комитета по бюджету и ресурсам, которая регулируется статьей 17, входит: рассмотрение бюджета, его оценка, выявление потребности Секретариата в ресурсах; а также разработка рекомендаций для Пленарного заседания по привлечению дополнительных ресурсов.

Как уже было сказано, деятельностью Постоянных комитетов руководят их Председатели, полномочия которых определены в статье 18. Председатели выбираются и назначаются Пленарным заседанием по рекомендации Председателя Совета на двухгодичный срок с возможностью переизбрания. Важным в их работе является необходимость представления программ работы их комитетов на Пленарном заседании.

Немаловажным органом при осуществлении повседневной работы Совета является

Секретариат. Его деятельность регулируется статьей 22 Устава. Так, основные обязанности Секретариата включают следующее: поддерживать деятельность Совета, включая работу его комитетов, региональных консультативных групп и рабочих групп; содействовать сотрудничеству между странами-членами и СФС, а также с другими организациями; эффективно управлять финансовыми, материальными и людскими ресурсами, выделяемыми СФС (включая подбор персонала, который может быть откомандирован странами-членами); а также выполнять другие функции, установленные Председателем Совета или Пленарным заседанием. Управление Секретариатом осуществляет Генеральный секретарь, который назначается Пленарным заседанием по предложению Председателя на пятилетний срок с возможностью продления. Генеральный секретарь несет ответственность перед Председателем Совета и действует в соответствии с его инструкциями. Кроме того, весь персонал Секретариата формируется Генеральным секретарем.

Особенностью Совета по Финансовой стабильности как международной финансовой организации является наличие региональных консультативных групп, полномочия которых закреплены в статье 20 Устава. В настоящее время в рамках Совета созданы и функционируют следующие региональные консультативные группы: Региональная консультативная группа по Северной и Южной Америке; Региональная консультативная группа по Азии; Региональная консультативная группа по Содружеству Независимых Государств; Региональная консультативная группа по Европе; Региональная консультативная группа по Ближнему Востоку и Северной Африке; Региональная консультативная группа по странам Африки к югу от Сахары.

Необходимо отметить, что региональные консультативные группы являются сложным, но эффективным механизмом взаимодействия членов СФС с не членами в рамках различных осуществляемых и планируемых инициатив. Вышеназванные группы содействуют осуществлению в закрепленном регионе международных инициатив в области финансовой политики, а также предоставляют исчерпывающие данные касательно слабых

мест в финансовой системе конкретного региона.

Исходя из приведенного анализа, можно сделать вывод о том, что четкое определение границ деятельности международной финансовой организации в целом и каждого ее органа в частности способствует успешному функционированию международной финансовой организации и обеспечивает правомерность принимаемых органами решений, поскольку последние не могут выходить за пределы компетенции, установленной учредительным актом организации.

Порядок формирования ресурсов Совета по финансовой стабильности

В деятельности международных финансовых организаций определяющими являются функции финансового характера. Отсюда в их учредительных актах уделяется место вопросам формирования и использования капитальных ресурсов.

Международные финансовые организации (МФО) предоставляют различные формы финансовой помощи своим членам. Капитальные ресурсы МФО формируются в основном за счет привлеченных средств. Формирование капитальных ресурсов в каждой международной организации происходит по-своему. В этой связи формирование ресурсов Совета является довольно интересным правовым аспектом и отличительной чертой как международной финансовой организации.

В связи с природой организации и ее нынешним управлением СФС не имеет капитальных ресурсов и не получает никаких доходов. У Совета нет уставного или акционерного капитала и все денежные средства для своей деятельности получает в виде предоставляемых денежных услуг (как прямых, так и косвенных).

В настоящее время СФС получает большую часть денежных средств для своей работы от Банка международных расчетов (БМР) в соответствии с соглашением между этими организациями. Положения соглашения, подписанного 28 января 2013 г., являлись действительными в течение первоначального срока в 5 лет. При этом было оговорено, что данное соглашение подлежит автоматическому продлению на идентичный период времени, если ни одна из сторон не уведомит другую о прекращении его действия не ранее

чем за один год до истечения срока. 15 ноября 2016 г. Совет БМР согласился продлить действие соглашения еще на один пятилетний период. На основе данного соглашения предоставление денежных средств связано с созданием официального пятилетнего бюджета СФС. Кроме того, Совет обязан ежегодно представлять ежегодный отчет в БМР по расходам своего бюджета в конце финансового года, который заканчивается 31 марта текущего года.

Большая часть денежных средств, предоставляемых Банком Совету по финансовой стабильности, представлена в виде взносов для покрытия заработных плат персонала и иных расходов, таких как поездки персонала, которые непосредственно связаны с деятельностью Совета.

Донорство Банка международных расчетов связано во многом с тем, что СФС с 2013 г., как упоминалось ранее, стал некоммерческой организацией Швейцарии и находится в здании самого БМР.

За последний пятилетний период, лишь три члена, помимо БМР, выделили средства на функционирование Совета: МВФ, Всемирный банк и один национальный регулятор, которым, скорее всего, учитывая долю страны в уставном капитале МВФ, является Федеральная резервная система США.

Выделение средств Совету со стороны Международного валютного фонда во многом связано с усилившимся тесным сотрудничеством двух международных организаций с марта 2011 г., когда МВФ официально стал членом СФС.

Необходимо отметить, что вступление МВФ не создало для международной организации каких-либо чисто правовых последствий, однако в связи с тем, что МВФ при вступлении в Совет оставил за собой право не участвовать в принятии решений ассоциации, противоречащих основам политики МВФ и не согласованных с его юридической основой, дает основания говорить о том, что для получения необходимых денежных средств решения Совета по Финансовой стабильности во многом являются продолжением политики самой МВФ¹.

Это связано с тем, что МВФ представлен в Исполнительном комитете СФС. Фонд регулярно участвует в деятельности различных рабочих групп, Постоянном комитете по оценке уязвимых мест в финансовой системе и Постоянном комитете по внедрению международных стандартов.

Взаимодействие же между двумя организациями проходит практически по всем основным направления деятельности самого Совета, а именно: по выявлению и предупреждению кризисных явлений на ранних стадиях их зарождения; по осуществлению мониторинга экономической ситуации в целом и на финансовых рынках; по мониторингу влияния уязвимости факторов финансового сектора на государственный долг; по устранению пробелов в информационных данных; по усилению надзора и регулированию теневого банковского сектора.

Исходя из вышеописанного, можно охарактеризовать Совет по финансовой стабильности как нехарактерную международную финансовую организацию, не обладающую собственными капитальными ресурсами, не имеющую собственных доходов и функционирующую лишь на деньги небольшого количества доноров. В этой связи, автором предлагается для получения большей «самостоятельности» преобразовать финансовую структуру организации в более «привычную» для большинства МФО со своим собственным уставным капиталом.

Способы и условия регулирования финансовой системы

Совет по финансовой стабильности выступает в финансовой системе в качестве постоянного секретариата по вопросам финансового регулирования, координируя работу стандартообразующих органов и организаций. Выше уже упоминалось о том, что в основе регулирования мировой финансовой системы лежат стандарты и элементы координации, нацеленные на устранение ее слабых мест и направленные на поддержание надежности глобальных финансовых рынков. Именно от этого зависит состояние мировой финансовой системы.

Сегодня Совет по финансовой стабильности по праву признан новым институтом обеспечения глобальной финансовой стабильности XXI в.

¹ См.: URL: <http://www.imf.org/external/np/sec/pn/2013/pn1333.htm>

Следует отметить, что непоследовательное внедрение разработанных принципов и пренебрежение выполнением рекомендаций на национальном уровне всегда приводит к образованию брешей в финансовой системе мира. В этом случае система сталкивается с влиянием на нее внезапно возникших отрицательных факторов, которые ранее было невозможно спрогнозировать. С юридической стороны ситуация осложняется тем, что система координации по вопросам реформ финансового регулирования не обязывает страны четко следовать стандартам и рекомендациям и не предусматривает никаких мер воздействия на «нарушителей порядка».

Краеугольным камнем всей выстраиваемой системы международного сотрудничества для целей обеспечения глобальной финансовой стабильности с вершиной в виде СФС является принятие главами стран «Группы двадцати» в ходе Питтсбургского саммита 25 сентября 2009 г. обязательства поддерживать разработанных СФС международных финансовых стандартов. В их основу лег созданный ранее Форумом финансовой стабильности сборник стандартов, в который вошло более 150 документов. Основываясь на существующем сборнике, СФС выделил 12 ключевых стандартов как наиболее приоритетных в вопросах регулирования мировой финансовой системы: прозрачность денежно-кредитной и финансовой политики; прозрачность бюджетно-налоговой политики; распространение данных; процедура банкротства; корпоративное управление; финансовая отчетность; аудит; платежи и расчеты; целостность рынка; банковский надзор; регулирование рынка ценных бумаг; надзор за страховым рынком.

Основой стандарта прозрачности денежно-кредитной и финансовой политики выступает Кодекс надлежащей практики по обеспечению прозрачности в денежно-кредитной и финансовой политике, принятый Комитетом Совета управляющих МВФ в 1999 г. Кодекс устанавливает перечень основных принципов прозрачности денежно-кредитной и финансовой политики, которыми должны пользоваться центральные банки и финансовые органы в их деятельности. Документ определяет прозрачность как «среду, в которой цели полити-

ки, ее правовые, институциональные и экономические рамки, решения в сфере политики и их обоснование, данные и информация, связанные с денежно-кредитной и финансовой политикой, а также условия подотчетности агентств предоставляются общественности на основе принципов понятности, доступности и своевременности». Таким образом, охватываемая Кодексом практика обеспечения прозрачности раскрывает:

1) ясность функций, обязанностей и задач центральных банков и финансовых агентств;

2) процедуры принятия и доведения до сведения общественности решений центральных банков о проводимой денежно-кредитной политике и финансовых агентств о финансовой политике;

3) доступность для общественности информации о денежно-кредитной и финансовой политике;

4) подотчетность и гарантии добросовестности центральных банков и финансовых агентств.

Стандарт прозрачности налогового бюджетной политики обусловлен Кодексом надлежащей практики по обеспечению прозрачности в бюджетно-налоговой сфере, представленным МВФ в 1998 г., а затем обновленным в 2014 г. Кодекс носит рекомендательный характер и предназначен прежде всего для правительств государств – членов МВФ. Он устанавливает основные механизмы обеспечения прозрачности налогового бюджетной сферы:

– определение функций органов государственного управления в бюджетно-налоговой сфере, включая четкость структуры органов, разграничение их полномочий для разных уровней публичной власти в государстве, доступность и понятность нормативных правовых актов, регулирующих данную сферу;

– открытость бюджетного процесса, подразумевающая соблюдение поставленных сроков и целей макроэкономической и бюджетно-налоговой политики при подготовке проекта бюджета, а также четкое соблюдение процедур исполнения и мониторинга бюджета и бюджетной отчетности;

– обеспечение доступной информации для общественности путем своевременного

представления таких форм отчетности, которые бы облегчали анализ политики;

– предоставление гарантии достоверности налогово-бюджетных данных, которые, в свою очередь, должны отвечать принятым стандартам качества данных, подлежать как внутреннему, так и внешнему контролю.

Следует отметить, что прозрачность в бюджетно-налоговой сфере является ключевой составляющей надлежащего управления, которая играет неоценимую роль в достижении макроэкономической стабильности и высококачественного роста, поэтому можно утверждать, что соблюдение данного стандарта для стабильного состояния международной финансовой системы необходимо.

Специальный стандарт распространения данных (ССРД) налагает обязательства по его соблюдению на подписавшие его государства – члены МВФ. Он выступает своего рода руководством по публикации экономических и финансовых данных для членов Фонда, имеющих или стремящихся к получению выхода на международные рынки капитала.

Стандарт предусматривает принципы распространения данных: данные должны иметь определенный охват, периодичность, быть достоверными и доступными для общественности, также публикация данных должна происходить качественно и своевременно.

Каждый из этих принципов предписан нормами практики, которые могут соблюдаться или контролироваться пользователями статистики.

Стандарт надзора за страховым рынком был сформирован на основании проекта Международной ассоциации страховых надзоров (МАСН). В основу проекта были положены собранные МАСН ранее материалы по надзору. Он имеет четкую иерархическую структуру, где главенствуют основные принципы страхования, а нижестоящие уровни представляют собой сперва стандарты их внедрения, а затем и руководство.

Национальные надзорные органы могут способствовать обеспечению надлежащего корпоративного управления в страховых организациях своих стран именно благодаря этому стандарту. Также он может служить пособием по совершенствованию корпора-

тивного управления непосредственно для страховых организаций.

Стандарт по ведению во всем мире эффективной политики банковского надзора основывается на множестве принципов, разработанных Базельским комитетом по банковскому надзору. Эти принципы подробно изложены в консультативном документе Базельского комитета:

1. Ответственность, задачи и полномочия.
2. Независимость, прозрачность, финансирование и юридическая защита органов, осуществляющих регулирование банковской системы.
3. Сотрудничество.
4. Разрешенные виды деятельности.
5. Лицензирование.
6. Существенное изменение в структуре акционеров.
7. Контроль процессов слияния и поглощения.
8. Всесторонняя оценка рисков, присущих банковскому сектору.
9. Инструменты управления.
10. Отчетность перед регулирующими органами.
11. Корректирующие функции регулирующих органов и возможность наложить санкции в случае необходимости.
12. Регулирование осуществляется на уровне всей банковской группы.
13. Регулирование иностранных дочерних организаций в Российской Федерации.
14. Внутренняя регламентация.
15. Оценка существующего риск-менеджмента.
16. Соблюдение нормативов достаточности капитала.
17. Кредитный риск.
18. Проблемные активы и резервы.
19. Риск концентрации на одного заемщика.
20. Операции со связанными сторонами.
21. Страновой риск.
22. Рыночный риск.
23. Процентный риск.
24. Риск ликвидности.
25. Операционный риск.
26. Внутренний контроль и аудит.
27. Отчетность и внешний аудит.
28. Раскрытие информации и прозрачность.

29. Соблюдение общепринятых стандартов.

Стандарт по эффективному надзору за банковской политикой не обязателен к применению, однако зачастую его имплементацию можно разглядеть в национальном законодательстве многих стран. Он доступен для свободного применения любой страной мира.

Регулирование рынка ценных бумаг – это еще один стандарт, выделенный СФС в качестве ключевого. В основе данного стандарта лежит документ «Цели и принципы регулирования рынков ценных бумаг», служащий главным пособием по регулированию национальных фондовых рынков в большинстве развитых стран. Стандарт основывается на трех базовых принципах:

1. Регулирование листинга и торговли ценными бумагами и деривативами.

2. Раскрытие результатов финансовой деятельности и другой существенной для инвесторов информации должно быть полным, точным и своевременным.

3. Регулирование финансовой деятельности должно способствовать развитию прозрачности торговли ценными бумагами.

Международный стандарт аудита (МСА) был разработан как профессиональный стандарт ведения аудиторской деятельности Международной федерацией бухгалтеров посредством Комитета по международным стандартам аудита и подтверждения достоверности информации.

МСА представляет собой методику контроля над процессом. К аудиту предъявляется ряд требований, главное из которых – исполнение обязанностей надлежащего качества для создания безоговорочного мнения и четкого понимания о правильности предоставленной финансовой отчетности. Работа аудитора оценивается соблюдением технологических процессов, изложенных с целью контроля за исполнением надлежащих операций. Таким образом, весь процесс аудита следует регламентировать очень подробно, чтобы не возникало непонимания того, какие должны быть предприняты действия и с какой целью. Так как это касается процесса мониторинга финансовой отчетности, следует отметить, что стандарты аудита являются регламентом контроля. Именно поэтому аудитор

сталкивается лицом к лицу с особенно важной задачей.

Принципы корпоративного управления, сформировавшие одноименный стандарт, получили огромную известность по всему миру среди инвесторов, компаний, государственных органов; они стали основой для большинства инициатив в области корпоративного управления как в странах ОЭСР, так и для остального мира. Данный стандарт был принят предшественником СФС – Форумом финансовой стабильности как основополагающий в вопросах устойчивости финансовых систем.

Принципы относятся как к финансовым, так и нефинансовым компаниям, чьи акции обращаются на открытом рынке. В то же время Принципы могут стать полезным инструментом для компаний, чьи акции не обращаются на открытом рынке (в той мере, в какой они могут быть применимы для них).

Принципы призваны предоставить надежную, но гибкую основу для лиц, определяющих политику, а также для участников рынка при разработке своих систем корпоративного управления.

Принципы не являются юридически обязывающим документом и не предусматривают детальные положения, которые должны быть отражены в законодательстве отдельных стран. Их задача – определить цели и предложить различные возможные средства их достижения.

Особое внимание СФС уделяет совершенствованию норм отчетности. На современном рынке все государства в какой-то степени зависят друг от друга, что вызывает необходимость введения новых стандартов. СФС, упрощает и улучшает международные стандарты финансовой отчетности, создает единый критерий создания стандартов по учету финансовых инструментов, разрабатываемых Советом по МСФО и американским Советом по стандартам финансовой отчетности.

Необходимо заострить внимание еще на одном стандарте, который требует подробного рассмотрения. Международные стандарты финансовой отчетности представляют собой сборник некоторых документов, определяющих правила составления финансовой отчетности, которая необходима для принятия ка-

ких-либо экономических решений в отношении той или иной организации.

Установление стандартов финансовой отчетности сокращает различные варианты предоставления отчетности, улучшает качество получаемой внешней стороной информации. Единые стандарты делают более эффективным сравнение и оценку результатов деятельности разных компаний на национальном и международном уровне.

Как уже отмечалось ранее, необязательный характер внедрения принципов, стандартов и пренебрежение выполнением рекомендаций приводят к нестабильности мировой финансовой системы. В настоящее время «Группа двадцати» выступает с инициативой о принятии международного соглашения, согласно которому принципы финансового регулирования должны стать обязательными. Также договор должен предусматривать

создание процедуры арбитража и применение санкционных мер в отношении его нарушителей.

Принятие такого договора, однако, пагубно отразится на суверенитете членов «Группы двадцати», так как с момента вступления его в силу вопрос разработки и обязательного внедрения процессов финансового регулирования станет единым для всех. В центре решения данной задачи будет стоять СФС, а также иные стандартоустанавливающие органы.

Таким образом, от принятия стандартов СФС, их последовательного, полного и своевременного внедрения, а также от уверенности в выполнении взятых на себя обязательств зависит не только состояние национальных финансовых систем, но и создание устойчивой, прочной и совершенной международной финансовой системы.

Список литературы

1. *Войтович С. А.* Классификация международных экономических организаций как субъектов международного права // Государство и право. – 1992. – № 5. – С. 97–104.
2. *Нешатаева Т. Н.* Международные организации и право. Новые тенденции в международно-правовом регулировании. – М.: Дело, 1998.
3. *Chiu H.* The Capacity of International Organizations to Conclude Treaties, and the Special Legal Aspects of the Treaties So Concluded. – The Hague, 1966.
4. *Hartmann G.* The Capacity of International Organizations to Conclude Treaties // Agreements of International Organizations and the Vienna Convention on the Law of Treaties / ed. by K. Zemanek. – Vienna, 1971.
5. *Higgins R.* The Development of International Law through the Political Organs of the United Nations. – Oxford, 1963.
6. Implementation and Effects of the G20 Financial Regulatory Reforms: Fourth Annual Report. – URL: <http://www.fsb.org/wp-content/uploads/P281118-1.pdf>
7. *Morawiecki W.* Legal Regime of the International Organization // Polish Yearbook of International Law. – 1986. – Vol. XV. – P. 76–78.

Налоговая безопасность государства: правовой анализ дефиниции

К. В. Маслов

кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного и муниципального права
ОмГУ им. Ф. М. Достоевского.
Адрес: ФГБОУ ВО «Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского»,
644077, Омск, пр. Мира, д. 55а.
E-mail: mas_law@mail.ru

National Fiscal Security: Legal Analysis of the Definition

K. V. Maslov

PhD of Law, Associate Professor of the Department of State and Municipal Law
of the Dostoevsky Omsk State University.
Address: Dostoevsky Omsk State University, 55A Prospect Mira,
644077, Omsk, Russian Federation.
E-mail: mas_law@mail.ru

Аннотация

Предметом исследования в статье являются представленные в научной литературе определения безопасности в целом и налоговой безопасности в частности с целью сформулировать пригодную для юридических исследований дефиницию данного понятия. Автор систематизирует имеющиеся в философской и отраслевой литературе дефиниции безопасности как универсальной категории. Подвергнуты анализу представленные в законодательстве, а также в юридической и политологической литературе определения национальной безопасности как родовой категории по отношению к налоговой безопасности государства. Методология исследования включает как общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция, описание), так и частнонаучные методы (формально-юридический, методологию герменевтики при толковании правовых актов). Налоговая безопасность государства, будучи предметом экономических исследований, практически не изучена юридической наукой. В статье подчеркивается, что понимание безопасности как определенного уровня развития общественных отношений (результата деятельности их участников) наилучшим образом подчеркивает ее неразрывную взаимосвязь с правом. Автор приходит к выводу, что безопасность имеет два аспекта, выступая, с одной стороны, целью правового регулирования, а с другой – его методологической основой. Также выделены признаки национальной безопасности и сформулировано ее определение. Автор анализирует дефиниции налоговой безопасности государства, представленные в экономической литературе, обобщает содержащиеся в них ключевые признаки и заключает, что данные признаки в формально-юридическом контексте являются недостаточно четкими и определенными, а потому не позволяют отграничить налоговую безопасность от смежных явлений. На основе изучения содержащихся в юридической литературе определений налоговой безопасности государства, а также предложенного подхода к субстрату безопасности и выделенных признаков национальной безопасности в статье предлагаются существенные признаки налоговой безопасности государства и формулируется ее авторская дефиниция.

Ключевые слова: налоговая безопасность, национальная безопасность, государственная безопасность, безопасность, дефиниция, налог, налогообложение, государство, право, субстрат, угрозы безопасности, диалектика.

Abstract

The subject of the research are definitions of "security" in general and particularly "fiscal security" existed in the scientific literature, in order to formulate a definition of this concept suitable for legal research. The author systematizes the definitions of security as a universal category available in philosophical and specific literature. The article also analyzes the definitions of national security as a generic category in relation to the national fiscal security presented in the legislation, as well as in the legal and political literature. The research methodology includes both general scientific methods (analysis, synthesis, induction, deduction, description) and particular scientific methods (formal legal method, hermeneutics methodology in the interpretation of legal acts). National fiscal security, being the subject of economic research, has not been studied by legal science in detail. The article emphasizes that the understanding

of security as a certain level of development of social relations (the result of the activities of their participants) better emphasizes its inextricable relationship with the law. The author comes to the conclusion that security has two aspects, on the one hand, being the purpose of legal regulation, and being its methodological basis, on the other. The characteristics of national security are also highlighted and its definition is formulated. The author analyzes the definitions of national fiscal security presented in the economic literature, summarizes the key features contained in them and concludes that these features are not sufficiently clear and specific in the formal legal context, and therefore do not allow distinguishing fiscal security from related phenomena. The author proposes essential signs of the national fiscal security and formulates its unique definition on the basis of the research of the definitions of the national fiscal security contained in the legal literature, taking into account the proposed approach to the security substrate and the selected signs of national security.

Keywords: fiscal security, national security, security of the state, security, definition, tax, taxation, state, law, substrate, security threats, dialectics.

Проблематика налоговой безопасности, изначально являвшаяся предметом экономического анализа, в последние годы привлекает все большее внимание представителей юридической науки.

Продолжающиеся кризисные явления в российской экономике, вызвавшие неизбежное снижение налоговых доходов бюджетов, актуализируют изучение правовых аспектов обеспечения налоговой безопасности.

Юридическое исследование налоговой безопасности государства невозможно без выявления пригодных для правового анализа существенных признаков данного явления и формулировки его дефиниции.

Процесс определения налоговой безопасности требует ясного понимания сущности и содержания безопасности как родовой категории.

Философы отмечают, что «в гуманитарных науках понятие безопасности должно играть ключевую роль, так как это одно из тех понятий, которые конституируют саму социальную реальность» [21. – С. 9].

Анализ представленных в науке взглядов на непосредственное содержание исследуемого понятия позволяет выделить следующие подходы к субстрату безопасности.

1. Представителями первого подхода безопасность рассматривается как характеристика сложной системы (общества в его функционировании и развитии) [24. – С. 89; 30. – С. 23]. А. Ш. Викторов понимает безопасность как выражение объективной природы живых систем обеспечивать свою целостность посредством устойчивого или неустойчивого взаимодействия с внешней средой (саморегуляции) [9]. В. Ф. Молчановский также под-

черкивает, что безопасность является свойством или атрибутом системы [22. – С. 104]. Приведенный подход можно именовать системным. В нем подчеркивается имманентность безопасности по отношению к любой биологической единице или социальной общности, но все же больше информации дается об объекте безопасности как о системе.

2. Ряд ученых говорят о безопасности как о специфической деятельности субъектов по пресечению различного рода потенциальных и реальных угроз [11. – С. 53; 15. – С. 45; 33. – С. 30]. Такой подход можно именовать динамическим. Приведенная позиция представляется не вполне выверенной логически, поскольку в деятельности проявляется обеспечение безопасности, но не она сама.

3. Иные ученые полагают, что о безопасности можно говорить лишь тогда, когда отсутствие угроз осознается субъектом. Они подчеркивают, что свою основную задачу – изменить модель поведения субъекта с целью избежать опасностей – безопасность реализует, лишь если выражается в субъективном представлении [19; 20]. Такой подход можно именовать субъективным. Из него следует, что безопасность существует, если только субъект ощущает себя в таком состоянии. Полагаем, подобное понимание может быть отчасти продуктивным лишь в отношении безопасности личности, но не общества. Наличие либо отсутствие факторов, угрожающих социальному развитию или существованию общества, объективно и не меняется в зависимости от субъективного восприятия.

4. Вариантом предыдущего подхода является теория безопасности как осознанной потребности субъекта, некой ценности [27].

В таком подходе, впрочем, основное внимание уделено не субъективному фактору восприятия безопасности субъектом, а наличию у безопасности ценностных свойств, что обуславливает стремление к ее обеспечению. Потому такой подход можно именовать аксиологическим.

5. В научной литературе преобладает понимание безопасности как состояния защищенности объекта от угроз [35]. Именно в таком контексте термины, характеризующие отдельные виды национальной безопасности, классически употребляются в правовых исследованиях [17; 31. – С. 8–9].

Полагаем, что столь широкое распространение такая трактовка получила в силу ее соответствия легальным определениям безопасности.

В статье 1 Закона Российской Федерации от 5 марта 1992 г. № 2446-1 «О безопасности» было закреплено ее определение как состояния защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз. Хотя в действующем Федеральном законе от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» не дано легальной дефиниции, аналогичные определения содержатся в законах и подзаконных актах, посвященных различным направлениям безопасности. Согласно пункту 10 статьи 1 Федерального закона от 9 февраля 2007 г. № 16-ФЗ «О транспортной безопасности», последняя понимается как состояние защищенности объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств от актов незаконного вмешательства. В соответствии с Доктриной информационной безопасности Российской Федерации, утвержденной Президентом Российской Федерации 9 сентября 2000 г. № Пр-1895, под информационной безопасностью Российской Федерации понимается состояние защищенности ее национальных интересов в информационной сфере, определяющихся совокупностью сбалансированных интересов личности, общества и государства.

Представленный подход к безопасности можно именовать статическим, поскольку деятельность по обеспечению защиты от угроз, хотя и предполагается, но напрямую не отождествляется с собственно безопасностью.

Принципиально не отличается от приведенной трактовка безопасности как отсутствия опасности [4. – С. 88; 10. – С. 38; 37. – С. 112] либо угроз [5. – С. 239; 26. – С. 83], поскольку защищенность, по существу, представляет собой предельное снижение потенциальных опасностей либо их последствий, согласно ГОСТ Р 22.0.02-2016 «Национальный стандарт Российской Федерации. Безопасность в чрезвычайных ситуациях. Термины и определения», утвержденному и введенному в действие Приказом Росстандарта от 12 сентября 2016 г. № 1111-ст.

Полагаем, понимание безопасности как состояния защищенности точнее выражает сущность безопасности, так как отсутствие опасности и угроз может быть эпизодическим явлением, возникающим независимо от действий субъекта либо проводимой государственной политики. Безопасность как состояние не может иметь случайный характер, а является следствием волевой целенаправленной деятельности субъекта по ее обеспечению.

6. Существует подход, согласно которому безопасность понимается как уровень общественных отношений, обеспечивающий их дальнейшее устойчивое развитие [18]. Такой подход можно именовать социолого-правовым. Именно понимание безопасности как определенного уровня развития общественных отношений наилучшим образом подчеркивает ее неразрывную взаимосвязь с правом. Право выступает наиболее эффективным регулятором общественных отношений, а значит, приоритетным средством обеспечения безопасности.

В целях наиболее полного понимания безопасности как явления, помимо уяснения ее природы, необходимо выявление ее содержательных признаков.

Одним из таких признаков является присущая только ей функциональная направленность. Согласимся с большинством исследователей, выделяющих такую функцию безопасности как поддержание существования объекта посредством защиты от угрожающих этому негативных факторов. Вместе с тем нельзя исключать и такую функцию безопасности, как обеспечение надлежащего развития объекта.

Как справедливо отмечает Н. Н. Рыбалкин, безопасность как феномен первоначально связана не с наличием опасности, а со стремлением субъекта продолжать развиваться в соответствии со своей природой [27. – С. 116].

В. С. Поликарпов обоснованно обращает внимание на такие характеристики безопасности систем, как исключение влияния внешних и внутренних факторов на возможность функционирования и развития систем в соответствии с заданным алгоритмом [24. – С. 109].

Категория безопасности с аксиологической точки зрения имеет гуманитарный характер, поскольку всегда стояла в ряду общечеловеческих ценностей [2].

Взаимосвязь между государственной организацией общества и потребностью в безопасности подчеркивали еще Сократ и Аристотель [38. – С. 169]. Большое внимание безопасности в социальном контексте уделено представителями теории общественного договора. Согласно данной теории, возникновение и существование государства обусловлено стремлением людей к безопасности (Т. Гоббс).

С позиций онтологического подхода безопасность также гуманитарна, поскольку выступает обязательным условием оптимальной общественной организации (Дж. Локк), являясь, по терминологии Ш.-Л. Монтескье, первой формой свободы.

То есть безопасность выступает целью государственной организации общества и вместе с тем ее необходимым средством. Учитывая значение права как универсального регулятора общественных отношений, данный вывод можно экстраполировать на правовую действительность, констатируя, что безопасность имеет два аспекта, выступая, с одной стороны, целью правового регулирования, а с другой – его методологической основой. Правовые нормы не только должны быть направлены на нейтрализацию угроз безопасности регулируемых общественных отношений, но и сами не должны становиться источником таких угроз по причинам несовершенства законодательной техники, неадекватной оценки регулирующего воздействия и иным.

Характеризуя иные признаки безопасности, следует отметить, что содержание безопасности как категории высокой степени универсальности неотделимо от ее объекта.

Финансово-экономические аспекты защиты от угроз в официальных документах и трудах ученых традиционно рассматриваются как составные элементы национальной безопасности.

Защита государственно-организованного общества от угроз выступает содержанием разнообразных категорий, близких по природе: государственной безопасности, национальной безопасности, общественной безопасности.

Взгляды исследователей на соотношение указанных категорий значительно разнятся: начиная от отождествления [25. – С. 14] и заканчивая разграничением в зависимости от объекта (государства, титульной нации, общества) [13].

В Конституции Российской Федерации выделены три основных разновидности безопасности: безопасность государства (часть 5 статьи 13), безопасность граждан (часть 1 статьи 56), общественная безопасность (часть 1 статьи 72).

Наиболее аргументированной, а потому предпочтительной, является позиция, представляющая национальную безопасность как родовое понятие, а государственную безопасность – как ее производную, частное от общего [38. – С. 169–173].

Соответственно, государственную, общественную и личную безопасность необходимо рассматривать как виды безопасности национальной, выделенные в зависимости от субъекта, чьи интересы подлежат защите.

Национальную безопасность, на наш взгляд, недопустимо понимать в контексте защиты интересов титульной нации как минимум потому, что прилагательное «национальный» производно от английского *nation*, обозначающего не только и не столько нацию (народ), сколько государство.

Исходя из Указа Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», последняя предполагает защищенность государства, общества и личности в их единстве.

Потому государственную, общественную и личную безопасность необходимо не противопоставлять друг другу, а рассматривать как элементы единой системы национальной безопасности. «Безопасность государства, общества и личности находятся в диалектических системных взаимосвязях и отношениях» [16. – С. 67], основанных на единстве и взаимной ответственности [3. – С. 350–353]. Такой подход предполагает общность на принципиальном уровне интересов и потребностей каждого субъекта безопасности.

Потому, например, в процессе государственного строительства недопустимо устранять угрозы государственной безопасности посредством ущемления жизненно важных интересов личности. «Безопасность целостной сложной социальной системы как совокупности взаимосвязанных структурных элементов обусловлена безопасностью ее наиболее слабого структурного элемента» [16. – С. 67].

То есть полная и эффективная реализация прав и законных интересов граждан и их общностей в равной степени отвечает потребностям национальной безопасности, как и защита интересов государства в целом.

В системе национальной безопасности «непрерывно происходят процессы диалектического взаимодействия и противоборства жизненно важных интересов личности, общества, государства с угрозами этим интересам, как внутренними, так и внешними» [38. – С. 172].

Диалектика национальной безопасности проявляется в том, что конкретные интересы различных социальных групп в государстве могут противостоять друг другу, а также внешним факторам, и управление этим противостоянием обеспечивает развитие государства. С позиций диалектического подхода безопасность можно понимать именно как состояние противоборства разнонаправленных интересов различных социальных групп внутри государства и внешних сил, обеспечивающее развитие государства в отсутствие деструктивных флуктуаций.

В законодательстве (первоначально американском) термин «национальная безопасность» получил закрепление в 1947 г. с принятием в США закона «О национальной безопасности».

В России категория «государственная безопасность» в значении, аналогичном термину «общественная безопасность», упоминается еще в «Положении о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» от 14 августа 1881 г.

На конституционном уровне категория «государственная безопасность» впервые была упомянута в статье 14 Конституции СССР 1936 г. в части отнесения ее охраны к ведению СССР в лице его высших органов власти и государственного управления, после чего стала использоваться в иных официальных документах и научных источниках.

В Большой советской энциклопедии дана следующая дефиниция государственной безопасности: «Совокупность мер по защите существующего государственного и общественного строя, территориальной неприкосновенности и независимости государства от подрывной деятельности разведывательных и иных специальных служб враждебных государств, а также от противников существующего строя внутри страны» [6. – С. 151].

Приведенная дефиниция исходит из понимания субстрата безопасности как деятельности, совокупности мер, что, на наш взгляд, применимо не к самой безопасности, а к ее обеспечению. Также обращает на себя внимание неоправданно узкое понимание природы угроз безопасности как деятельности органов враждебных государств и внутриполитических сил.

Легальное определение национальной безопасности не приведено в последней редакции Стратегии, но содержалось в утраченной Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г.: «Национальная безопасность – состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, которое позволяет обеспечить конституционные права, свободы, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальную целостность и устойчивое развитие Российской Федерации, оборону и безопасность государства» (Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года»).

Существующие в науке дефиниции этой категории не выходят за рамки данного определения либо ранее приведенных подходов к субстрату безопасности в целом, но при этом упоминают ряд заслуживающих внимания признаков исследуемого явления.

М. В. Юрченко и А. В. Давыдов под безопасностью понимают «такой уровень защищенности условий реализации потребностей и интересов человека, общества, организации, государства, при котором возникновение вероятных и реальных угроз сведено к минимуму» [38. – С. 169]. Хотя использованная авторами «защищенность условий реализации потребностей и интересов» представляется чрезмерно абстрактной категорией, в приведенном определении справедливо уделено внимание потребностям и интересам субъекта как индикаторам безопасности, а также минимизации угроз упомянутым интересам (в противовес недостижимому их абсолютному нивелированию) – как задаче безопасности.

В. С. Поликарпов определяет национальную безопасность как «деятельность по обеспечению благоприятных условий для развития России, защите жизненно важных национальных интересов общества и государства, достижению национальных целей; совокупность факторов, обеспечивающих жизнеспособность государства, благоприятные условия для развития» [24. – С. 109].

В данном определении хотя и допущено, на наш взгляд, неоправданное смешение разных подходов к сущности безопасности (деятельность, совокупность факторов), но вполне обоснованно уточнены индикаторы национальной безопасности (жизненно важные интересы общества и государства), а также конкретизированы ее задачи: развитие страны и достижение национальных целей.

Выступая в соавторстве с В. М. Юрченко, М. В. Юрченко уточняет дефиницию национальной безопасности, понимая под ней «состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, которое позволяет обеспечивать конституционные права, свободы, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальную целостность и устойчивое развитие России, оборону и безопасность государства» [38. – С. 170].

В данном определении цель безопасности формулируется как реализация отдельных функций государства (обеспечение конституционных прав и свобод, суверенитета, территориальной целостности, обороны) наряду с развитием страны в целом. Объем функций государства в современном мире не исчерпывается приведенными в определении, потому, на наш взгляд, целью национальной безопасности должно выступать в целом эффективное выполнение функций государства на каждом историческом этапе его развития.

В юридическом смысле, учитывая общепринятые подходы к предмету правового регулирования, субстрат национальной безопасности необходимо понимать прежде всего как уровень развития общественных отношений в государстве.

Используя интегративный подход, объединяющий ранее освещенные аксиологическую, социологическую и статическую трактовки субстрата безопасности, а также предложенные учеными характеристики национальной безопасности, можно выделить следующие ее существенные признаки.

1. Национальная безопасность является ценностью для общества, что обуславливает и стремление общества к ее обеспечению.

2. Она возникает вследствие волевой целенаправленной деятельности государственных и общественных институтов по ее обеспечению.

3. Национальная безопасность является результатом управления противостоянием интересов различных социальных групп внутри государства и внешних сил.

4. Она характеризуется защищенностью жизненно важных интересов личности, общества и государства посредством минимизации внутренних и внешних угроз существованию и развитию государства.

Этимологически безопасность есть отсутствие опасности. Потому одной из задач национальной безопасности должна выступать защита общественных отношений от негативного воздействия, угрожающего их существованию.

Второй равновеликой задачей национальной безопасности выступает обеспечение развития общественных отношений согласно выработанным в социуме ценностям.

5. Национальная безопасность выражается в эффективном выполнении функций государства на каждом этапе его развития.

Таким образом, национальную безопасность можно определить как результат целенаправленной деятельности участников общественных отношений в государственно-организованном обществе, выражающийся в защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства посредством минимизации внутренних и внешних угроз существованию государства и эффективному выполнению его функций в соответствии с национальными ценностями на каждом этапе его развития.

Выделенные признаки значимы и для налоговой безопасности как вида безопасности национальной.

Категория «налоговая безопасность» в России выступала традиционным предметом анализа ученых-экономистов.

Они считают налоговую безопасность ключевым видом, стержнем экономической безопасности, что вполне обоснованно. Под экономической безопасностью понимается «экономическая категория, характеризующая такое состояние экономики, при котором обеспечиваются устойчивый экономический рост, оптимальное удовлетворение общественных потребностей, рациональное управление, защита экономических интересов на национальном и международном уровнях» [8. – С. 45].

Как отмечает В. К. Сенчагов, «финансовая безопасность – это обеспечение такого развития финансовой системы и финансовых отношений и процессов в экономике, при котором создаются необходимые финансовые условия для социально-экономической и финансовой стабильности развития страны, сохранения целостности и единства финансовой системы (включая денежную, бюджетную, кредитную, налоговую и валютные системы), успешного преодоления внутренних и внешних угроз России в финансовой сфере» [28. – С. 312].

В данной дефиниции ключевыми, на наш взгляд, являются термины «внутренние и внешние угрозы», «устойчивое развитие», «стабильность развития», содержание которых само по себе чрезвычайно размыто.

Как полагают некоторые ученые, налоговая безопасность отражает фискальные риски государства, с одной стороны, и фискальные риски хозяйствующих субъектов – с другой. Налоговыми рисками государства можно считать угрозу снижения его налоговых доходов вследствие деятельности субъектов налоговых правоотношений. Налоговые риски хозяйствующих субъектов выражаются в возможных финансовых и иных потерях в ходе исполнения ими налоговых обязанностей. Потому справедливо замечание, что налоговая безопасность характеризуется состоянием защищенности государства и хозяйствующего субъекта как налогоплательщика или налогового агента от налоговых рисков [23. – С. 10–13]. Такая позиция вполне соответствует ранее конкретизированному диалектическому подходу к безопасности.

А. А. Анищенко предлагает достаточно общее определение налоговой безопасности как состояния экономики, при котором обеспечивается непрерывное и достаточное финансирование государства [1. – С. 80].

И. Ю. Тимофеева определяет изучаемое явление как «состояние налоговой системы, при котором обеспечивается гарантированная защита налоговых интересов государства, общества и бизнеса от внутренних и внешних угроз» [32. – С. 25].

Д. Н. Тихонов уточнил данное определение, указав, что налоговая безопасность государства представляет собой состояние экономики и институтов власти, при котором обеспечивается гарантированное поступление налоговых платежей в бюджет, обеспечивающее защиту национальных интересов, социальную направленность налоговой политики, достаточный оборонный потенциал даже при неблагоприятных условиях развития внутренних и внешних процессов [34].

Представленные определения демонстрируют, что экономисты выделяют следующие признаки налоговой безопасности:

- налоговая безопасность – это состояние экономики;
- налоговая безопасность – это защита налоговых интересов от налоговых рисков;
- налоговая безопасность – это гарантированные поступления налоговых платежей даже в неблагоприятных экономических условиях.

В формально-юридическом контексте приведенные характеристики являются недостаточно четкими и определенными, что не позволяет разграничить налоговую безопасность с однородными понятиями (например, налоговый потенциал территории, налоговое администрирование) и выявить ее сущность.

Существуют и юридические исследования, предметом которых выступает налоговая безопасность. Предлагаемые в них дефиниции, как правило, базируются на определении безопасности, приведенном в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г., и не являются в достаточной степени логически выверенными и конкретными.

Основываясь на этом определении, Н. Г. Долматова отмечает, что финансовая безопасность государства – это состояние защищенности государства и его финансовой системы от внутренних и внешних угроз в процессе осуществления им финансовой деятельности, которое обеспечивается специально уполномоченными государственными органами, действующими в порядке и при помощи способов, установленных нормами права, и позволяет обеспечить устойчивое развитие финансовой системы страны [11].

Д. В. Бутылин описывает налоговую безопасность как «состояние, при котором гарантированы условия постоянного и непрерывного финансирования государства и муниципальных образований посредством взимания налогов и сборов даже при наличии имеющих в отношении нее угроз и негативных воздействий со стороны нарушителей налогового законодательства» [7. – С. 224].

В этой дефиниции не уточняется, состоянием чего выступает налоговая безопасность, и не учтено, что снижение налоговых поступлений (предельный уровень которого автором не конкретизирован) может происходить по иным причинам, нежели нарушения налогового законодательства.

В правовой литературе представлен и иной взгляд, включающий налоговую безопасность в качестве подсистемы в состав налоговой системы [14. – С. 52]. Между тем полагаем, что налоговая безопасность выступает особым состоянием налоговой системы, достигающимся при скоординированной ра-

боте государственных органов с учетом экономических законов.

О. В. Староверова предлагает достаточно лаконичное определение налоговой безопасности как «безопасности в сфере своевременного и полного исчисления и уплаты законно установленных налогов и сборов» [29. – С. 16]. Такая дефиниция содержательно сообщает лишь тактические задачи налоговой безопасности и не может претендовать на исчерпывающий характер.

А. А. Цвилий-Букланова, автор единственного на сегодняшний день диссертационного исследования по налоговой безопасности, имеющего юридическую направленность, определяет ее как «одну из подсистем национальной безопасности государства, представляющую собой состояние системы налогообложения, при котором обеспечивается гарантированная защита и гармоничное развитие всей налоговой системы государства, способность налоговых инструментов к защите национальных интересов государства, поддержанию социально-экономической стабильности общества, а также формирование достаточных государству и местному самоуправлению финансовых ресурсов, успешное противостояние существующим угрозам налоговой безопасности» [36. – С. 33].

Достоинствами данного определения выступает системный подход к налоговой безопасности и ее месту в структуре национальной; акцент на гармоничное развитие как цель налоговой безопасности. При этом сложно согласиться с ограничением задач налоговой безопасности развитием одной лишь налоговой системы и – в отношении всего общества – только поддержанием социально-экономической стабильности.

Учитывая достоинства вышеприведенных определений и исключая их недостатки, можно выделить следующие ключевые признаки налоговой безопасности как объекта правового обеспечения:

– налоговая безопасность характеризует уровень развития не только налоговых, но и иных отношений в государстве в целом, всех его систем, поскольку развитие только экономики либо самой по себе налоговой системы не может полностью исключить риски потери налоговых доходов;

– налоговая безопасность предполагает наличие кратко-, средне- и долгосрочного плана налоговых поступлений, учитывающего необходимость финансирования всех функций и задач государства как текущих, так и перспективных. Отсутствие такого плана не позволит оценить текущую собираемость налогов и динамику поступлений как безопасную и выявить налоговой риски безопасности;

– основным индикатором налоговой безопасности является соответствие текущих налоговых поступлений в бюджеты и их динамики запланированным показателям.

Исходя из приведенных признаков, можно сформулировать следующее определение

налоговой безопасности государства как объекта правового обеспечения. Налоговая безопасность государства – это результат целенаправленной деятельности участников налоговых и иных общественных отношений (уровень их развития), выражающийся в защищенности жизненно важных интересов государства и налогоплательщиков посредством минимизации внутренних и внешних угроз сбору такого количества налоговых доходов, которое соответствует запланированному с учетом необходимости полного финансирования всех функций и задач государства и муниципальных образований как в текущем периоде, так и в целях перспективного развития.

Список литературы

1. Анищенко А. А. Обеспечение экономической безопасности налоговой сферы // Аудит и финансовый анализ. – 2007. – № 1. – С. 79–88.
2. Астахова Л. В. Информационная безопасность: герменевтический подход : монография. – М., 2010.
3. Башук В. В. Понимание национальной безопасности в философско-правовом и социокультурном аспектах // Теория и практика общественного развития. – 2013. – № 9. – С. 350–353.
4. Белов П. Г. Системные основы обеспечения национальной безопасности России // Безопасность. Информационный сборник. – 1994. – № 6. – С. 67–73.
5. Бирюков В. В. Некоторые аспекты применения системного подхода и методов имитационного моделирования в оценке военной угрозы // Современные проблемы национально-государственной и международной безопасности. – М., 1992. – С. 231–245.
6. Большая советская энциклопедия : в 30 т. – 3-е изд. / гл. ред. А. М. Прохоров. – Т. 7: Гоголь – Дебит. – М., 1972.
7. Бутылин Д. В. Проблемы обеспечения налоговой безопасности // Вестник ЮУрГУ. – 2006. – № 13. – С. 224–227.
8. Вечканов Г. С. Экономическая безопасность : учебник для вузов. – СПб., 2007.
9. Викторов А. Ш. Введение в социологию безопасности. – М., 2008.
10. Дмитриев А. П. Соотношение стабильности и безопасности государства как проблема политической теории и практики // Современные проблемы национально-государственной и международной безопасности : сборник материалов конференции. – М., 1992. – С. 38–42.
11. Долматова Н. Г. Понятие финансовой безопасности государства как объекта правового регулирования // Финансовое право. – 2014. – № 5. – С. 33–37.
12. Иванов В. Н. Внутренние факторы безопасности // Проблемы безопасности и устойчивости социально-политического развития российского общества. – М., 1994. – С. 52–56.
13. Кортунов С. В. Концептуальные основы национальной и международной безопасности. – М., 2007.
14. Кучеров И. И. Налоговое право России. – М., 2001.
15. Леоничева В. Д. Техногенная безопасность // Безопасность. – 1992. – № 2. – С. 42–46.
16. Литвинов Э. П. Философские основы концепции безопасности // Пространство и время. – 2012. – № 1 (7). – С. 66–73.
17. Майоров В. И. Административно-правовые проблемы управления обеспечением безопасности дорожного движения : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 1997.
18. Михалкин Н. В. Безопасность Российской Федерации. Вопросы теории и практики. – М., 1993.

19. Моздаков А. Ю. Понятие безопасности в классической и современной философии // Вопросы философии. – 2008. – № 4. – С. 18–25.
20. Моздаков А. Ю. Социальная безопасность и безопасность личности // Государство и право. – 2008. – № 6. – С. 102–105.
21. Моздаков А. Ю. Социально-философские аспекты проблемы безопасности : автореф. дис. ... канд. филос. наук. – В. Новгород, 2008.
22. Молчановский В. Ф. Безопасность – атрибут социальной системы // Социально-политические аспекты обеспечения государственной безопасности в современных условиях. – М., 1994.
23. Пименов Н. А. Фискальные риски в системе налоговой безопасности предприятий и государства // Налоги. – 2010. – № 4. – С. 10–13.
24. Поликарпов В. С. Философия безопасности. – СПб. и др., 2001.
25. Редкоус В. М. Административно-правовое обеспечение национальной безопасности в государствах – участниках Содружества Независимых Государств : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2011.
26. Рождественский Ю. В. Безопасность России и словесность (тезисные суждения) // Безопасность. – 1995. – № 3. – С. 83–88.
27. Рыбалкин Н. Н. Философия безопасности. – М., 2006.
28. Сенчагов В. К. Экономическая безопасность России. Общий курс : учебник. – М., 2005.
29. Староверова О. В. Теория и методология криминологического исследования социально-правовых последствий налоговой преступности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Ростов н/Д, 2007.
30. Степашин С. В. Безопасность человека и общества (политико-правовые вопросы). – СПб, 1994.
31. Сюсюкин А. В. Административно-правовое регулирование экономической безопасности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов н/Д, 2004.
32. Тимофеева И. Ю. Налоговая безопасность государства, бизнеса и общества: концепция и методология : автореф. дис. ... д-ра экон. наук. – М., 2011.
33. Тимохин П. П. К формированию концепции безопасности России // Безопасность. – 1993. – № 6. – С. 30–34.
34. Тихонов Д. Н. Основы налоговой безопасности. – М., 2002.
35. Тропин С. А. Экономическая безопасность России // Законодательство и экономика. – 2004. – № 5. – С. 31–33.
36. Цвиллий-Букланова А. А. Налоговый контроль в системе обеспечения налоговой безопасности государства : дис. ... канд. юрид. наук. – Омск, 2011.
37. Шарихин А. Е. Безопасность как философская категория // Безопасность. – 1994. – № 6. – С. 112–117.
38. Юрченко М. В., Давыдов А. В. Научно-теоретические основания категории «национальная безопасность России» // Вестник Бурятского государственного университета. – 2011. – № 6. – С. 169–173.

**Проблемы борьбы с легализацией преступных доходов:
опыт и перспективы**

С. В. Изутина

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: s.lana.2029@gmail.com

**Problems of Combating the Criminal Proceeds' Legalization:
Experience and Prospects**

S. V. Izutina

PhD of Law, Associate Professor
of the Department of Civil Legal Disciplines of the PRUE.

Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 117997, Russian Federation.
E-mail: s.lana.2029@gmail.com

Аннотация

В статье рассмотрены вопросы противодействия легализации преступных доходов и незаконному выводу за рубеж банковских активов, что особенно актуально в период экономического кризиса в России. Размещение преступных доходов в легальной экономике служит серьезным нарушением развития цивилизованных рыночных отношений, способствует криминализации всех отраслей экономики, усилению влияния организованной преступности, поэтапному превращению их преступного бизнеса в легальную деятельность. Выявлены основные преступные способы (схемы) вывода банковских активов за рубеж и придания им правомерного вида по владению, пользованию и распоряжению. Приведена практика расследования уголовных дел данной категории, а также примеры допускаемых нарушений закона. Проанализированы основные законы, направленные на борьбу с легализацией доходов, полученных преступным путем и финансированием терроризма. Рассматриваются перспективы борьбы с легализацией преступных доходов и незаконным выводом за рубеж банковских активов. Определены наиболее значимые направления эффективной борьбы с преступлениями такого рода. Сделаны выводы, основанные на анализе действующего законодательства.

Ключевые слова: противодействие легализации, отмывание, офшоры, вывод активов банка, обналичивание, присвоение и растрата, злоупотребление полномочиями, закон, схемы отмывания.

Abstract

The article discusses the issues of countering the legalization of criminal proceeds and illegal transfer of banking assets abroad, which is especially important in the period of the economic crisis in Russia. Placement of criminal proceeds in the legal economy serves as a serious violation of the development of civilized market relations, contributes to the criminalization of all sectors of the economy, increased influence of organized crime, the phased transformation of their criminal business into legal activity. The main criminal methods (schemes) for withdrawing bank assets abroad and giving them a legal form for possession, use and disposal are revealed. The practice of investigating criminal cases of this category, as well as examples of alleged violations of the law, are given. The main laws aimed at combating the legalization of proceeds from crime and the financing of terrorism have been analyzed. The main laws aimed at combating the legalization of proceeds from crime and the financing of terrorism have been analyzed. Prospects of combating the legalization of criminal proceeds and illegal transfer of banking assets abroad are considered. The most significant directions of effective struggle against crimes of this kind are determined. The conclusions based on the analysis of the current legislation are made.

Keywords: countering the legalization, laundering, offshore, withdrawal of bank assets, cashing, misappropriation and embezzlement, abuse of authority, law, money laundering schemes.

В период очередного экономического кризиса в Российском государстве, вызванного падением мировых цен на нефть, а также введением против нашей страны западных санкций, дефицита федерального бюджета, «урезания» и отмены социальных программ, высокой инфляции и, как следствие, снижения достатка у населения противодействие незаконному выводу банковских активов за рубеж и легализации преступных доходов приобретает особую значимость и актуальность.

Анализ ряда историко-правовых, а также религиозных источников свидетельствует, что проблема отмывания преступных доходов начала возникать в глобальном масштабе в странах с развитой рыночной экономикой.

Легализация преступных доходов как негативное социальное явление, в основе которого лежит процесс камуфлирования (сокрытия) происхождения доходов, в настоящее время представляет серьезную угрозу национальной безопасности России. Эти незаконные действия способствуют нарушению эффективного функционирования государства, его основных институтов. В свою очередь, противодействие легализации преступных доходов выступает одним из приоритетных направлений в борьбе с организованной экономической преступностью в целом и кредитно-финансовой системе в частности. Размещение преступных доходов в легальной экономике служит серьезным нарушением развития цивилизованных рыночных отношений.

По сведениям Росфинмониторинга России, в Российской Федерации ежегодно легализуется 2 трлн рублей, при этом порядка 1 трлн рублей выводится за границу [3. – С. 36]. В связи с этим вопрос об обеспечении эффективного механизма противодействия легализации преступных доходов в лице правоохранительных и надзорных органов, безусловно, приобретает особую актуальность.

В основном для незаконного вывода капитала из России используются счета физических и юридических лиц, открытые в банках, расположенных на территории офшорных зон (Швейцария, Британские Виргинские острова, острова Мэн, Джерси, Бермуды и др.), а также счета лиц, хотя и открытые в банках стран, не входящих в перечень офшорных зон (в част-

ности, в прибалтийские государства), но принадлежащие последним. Эти денежные средства выводятся из страны через многоходовые схемы с использованием государственных «прослоек», с которыми у России заключены договоры об избежании двойного налогообложения, (например, Кипром, Литвой, Латвией, Эстонией). Делается это с целью максимального усложнения процесса установления места нахождения преступных доходов и последующей идентификации конечного выгодоприобретателя (бенефициара).

Упоминание ФНС России среди организаций, прямо или косвенно занимающихся противодействием отмыванию преступных доходов, небезосновательно. Благодаря заключенным в 1988 г. в Страсбурге Конвенции о взаимной административной помощи по налоговым делам (далее – Конвенция), дополненной в 2010 г. положениями об автоматическом обмене финансовой информацией между странами – участницами Конвенции (вступила в силу для России 1 июля 2015 г.), и Декларации о соблюдении положений Многостороннего соглашения компетентных органов об автоматическом обмене финансовой информацией (далее – Соглашение) (подписана Россией 12 мая 2016 г.), российские налоговые органы (ФНС России), а также Федеральная служба судебных приставов Российской Федерации смогут получать сведения о российских налогоплательщиках от зарубежных банков, депозитариев, брокеров, структур коллективных инвестиций, некоторых страховых компаний и, что особенно важно, информацию об операциях, связанных с открытием и закрытием банковских и иных счетов, а также о получаемых ими доходах.

Указанные Соглашение и Конвенцию подписали и ратифицировали такие офшорные государства и территории, как Британские Виргинские острова, острова Мэн, Сент-Китс и Невис, Люксембург, Кипр, Швейцария и др., в которые незаконно выводятся активы российских компаний и физических лиц. Согласно подписанному Соглашению, автоматический обмен для большинства стран-участниц начинается с сентября 2017 г., при этом Россия должна будет отвечать на запросы иностранных государств с сентября 2018 г., а запрашивать налоговую информацию в неав-

томатическом режиме имеет право с июля 2015 г.

Кроме того, в свете внесенных в Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ) Федеральным законом от 28 июня 2013 г. № 134-ФЗ изменений, предоставивших возможность применения положений статей 174 и 174.1 УК РФ (легализации) по отношению к статьям 193, 194, 198, 199, 199.1 и 199.2 УК РФ (таможенным и налоговым преступлениям) немаловажным фактом является принятие в целях эффективной борьбы с неуплатой налогов и сборов, а также с легализацией преступных доходов Федерального закона от 24 ноября 2014 г. № 376-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации (в части налогообложения контролируемых иностранных компаний и доходов иностранных организаций)».

Названный закон ввел в российское налоговое законодательство новую концепцию контролируемой иностранной компании, под которой понимается иностранное юридическое лицо или структура без образования юридического лица, которая принадлежит или контролируется российскими налоговыми резидентами. В случае признания компании или структуры контролируемой соответствующие российские резиденты должны уведомить российские налоговые органы об участии в ней, а также включать нераспределенную прибыль такой организации или структуры в свою налоговую декларацию. Неисполнение данного требования может повлечь не только доначисление ФНС России налогов и сборов, но и привлечение к уголовной ответственности за уклонение от их уплаты и легализацию преступных доходов.

Изучение структуры легализации преступных доходов позволяет сделать вывод о том, что наибольшее количество преступлений данной категории выявляется именно в кредитно-финансовой системе. Осуществляемые в кредитно-финансовых организациях операции обладают определенной спецификой, связанной с высокой скоростью обращения денежных средств, во многом зависящей от объемов экономической активности при заданной денежной массе, резким ростом внутренних оборотов, использованием в кредитно-

финансовых организациях специфических финансовых инструментов.

Начиная с 2010 г. остается неизменной тенденция к регистрации незначительного количества преступлений, предусмотренных статьями 174 и 174.1 УК РФ, причем как общего количества преступлений, так и преступлений, совершенных в кредитно-финансовой системе. Невысокое количество зарегистрированных преступлений данной категории объясняется тем, что легализация преступных доходов в кредитно-финансовой системе выступает в качестве высоклатентного преступного деяния. Латентность легализации преступных доходов в рассматриваемой сфере связана с рядом негативных факторов, таких как изменчивость способов совершения указанных преступлений, сложность их доказывания. Незначительное количество выявленных преступлений по статьям 174 и 174.1 УК РФ в кредитно-финансовой системе не соответствует реальному состоянию преступности в указанной сфере.

По мнению экспертов, одним из основных факторов, препятствующих эффективному противодействию легализации преступных доходов в кредитно-финансовой системе, выступает отсутствие ориентированности органов предварительного расследования на выявление и успешное расследование преступлений данного вида, незнание схем по легализации денежных средств и (или) иного имущества, а также наличие систематически допускаемых ими нарушений.

Анализ правоприменительной практики позволяет сделать вывод о том, что данный вывод в первую очередь относится к оперативно-разыскным службам.

Стоит акцентировать внимание на том, что предикатными по отношению к расследованным преступным посягательствам, квалифицируемым по статьям 174 и 174.1 УК РФ, в большинстве случаев являются наркопреступления и различные формы мошенничества. При этом большинство из них связаны с легализацией преступных доходов именно в кредитно-финансовой системе. В деятельности оперативно-разыскных служб зачастую допускаются факты непринятия исчерпывающего комплекса мер, направленных на отработку схем использования денежных средств

высокой и (или) иного имущества, полученных в результате предикатного преступления.

До настоящего времени имеет место низкий уровень взаимодействия правоохранительных органов с Федеральной службой по финансовому мониторингу. Как правило, такое взаимодействие сводится к истребованию из органов финансовой разведки юридически незначимых сведений, которые в последующем используются в оперативной работе и при расследовании ранее возбужденных уголовных дел, при этом выявлению конкретных фактов отмывания преступных доходов не способствуют.

Недостатки в деятельности органов предварительного расследования на всех этапах досудебного производства выступают одним из существенных факторов, препятствующих эффективному противодействию легализации преступных доходов в кредитно-финансовой системе. В деятельности органов предварительного расследования имеют место факты вынесения незаконных постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела по результатам рассмотрения сообщения о преступлениях, предусмотренных статьями 174, 174.1 УК РФ. Неполнота проведенных проверок и выяснения всех обстоятельств произошедшего выступает основной причиной признания решений органов предварительного расследования незаконными.

Значительное количество нарушений допускаются органами предварительного расследования и при принятии окончательных решений по уголовным делам. В деятельности правоохранительных органов зачастую имеются недостатки, связанные с некорректным пониманием легализации преступных доходов в той части, когда легализация преступных доходов не разграничивается со сбытом имущества, полученного преступным путем, использованием преступных доходов для приобретения вещей или иной недвижимости без цели сокрытия преступного происхождения имущества, а также финансированием деятельности, соблюдении носящей преступный характер [4. – С. 204]. Правоохранительными органами в качестве легализации зачастую расцениваются действия по распоряжению незаконно полученным имуществом либо действия, входящие в объек-

тивную сторону предикатного преступления. В судебной практике были случаи, когда суды приходили к выводу, что совершение операций с преступными доходами представляло собой лишь способ распоряжения указанными доходами.

На сегодняшний день имеются существенные недостатки при взаимодействии органов предварительного расследования с Росфинмониторингом России. Например, имеют место факты, когда ответы на запросы правоохранительных органов носят промежуточный характер или поступают после завершения предварительного расследования. Органы предварительного расследования принимают необоснованные решения о прекращении и приостановлении уголовных дел о преступлениях, предусмотренных статьями 174 и 174.1 УК РФ. Вместе с тем принятие незаконных и необоснованных решений о прекращении и приостановлении уголовного дела наряду с иными недостатками в деятельности правоохранительных органов приводит к несоблюдению срока уголовного судопроизводства. Не всегда эффективной является деятельность следственных органов по обеспечению исполнения приговора, в части гражданского иска, других имущественных взысканий или возможной конфискации.

Соккрытие преступного происхождения денежных средств и (или) иного имущества осуществляется с помощью широкого спектра сделок и различных видов финансовых операций. Используемая в каждом конкретном случае технология легализации преступных доходов содержит определенные действия, которые повсеместно связаны с использованием схемы перемещения денежных средств за границу [2. – С. 64]. В этой связи эффективным инструментом для возврата похищенного имущества является направление запросов о правовой помощи о наложении ареста на денежные средства и (или) иное имущество, полученные преступным путем либо в результате совершения финансовых операций и других сделок с ним. Указанные запросы органами предварительного расследования направляются крайне редко. Зачастую срок ответа компетентных органов иностранных государств исчисляется месяцами. Так, в адрес России поступают отказы в удовлетво-

рении запросов об оказании правовой помощи в связи с отсутствием двусторонних договоров. Такие аргументы, как оказание помощи на основе международного принципа взаимности, для большинства стран или их территорий, признанных офшорными зонами, не имеют никакого значения.

В деятельности органов предварительного расследования были случаи, когда, несмотря на явные признаки легализации активов за рубежом, а нередко и наличие иностранных расследований по данному факту, российскими следственными органами не принимаются меры по дополнительной квалификации действий обвиняемых по статье 174.1 УК РФ.

Недостатки, допускаемые правоохранительными органами на этапе предварительного расследования, отрицательно сказываются на результатах рассмотрения дел судами. Имеют место факты отсутствия в материалах дела доказательств, подтверждающих преступное происхождение денежных средств и (или) иного имущества, в отмывании которых обвиняется конкретное лицо, а также факты отсутствия доказательств, позволяющих разграничить поступление таких средств от законной и незаконной деятельности обвиняемого. Случаи, когда в уголовных делах отсутствуют достоверные доказательства, подтверждающие умысел обвиняемого на легализацию преступных доходов, наличия специальной цели, закрепленной в диспозиции статей 174 и 174.1 УК РФ, а именно придание правомерного вида владению, пользованию и распоряжению имуществом. Указанные недостатки в деятельности органов предварительного расследования служат причинами постановления судами реабилитирующих судебных решений.

На стадии рассмотрения сообщения о преступлении в порядке статей 144–145 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ) при наличии информации о том, что преступный капитал выведен за рубеж, в целях установления его места нахождения, идентификации конечных бенефициаров, наложения ареста на доходы, полученные преступным путем, и дальнейшей их конфискации органам предварительного расследования необходимо незамедлительно

направлять запросы о правовой помощи в Росфинмониторинг России, ФНС России и Интерпол.

Сотрудникам правоохранительных органов при установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию, предусмотренных статьей 74 УК РФ, необходимо учитывать, что все действия, направленные на незаконный вывод преступных доходов за рубеж и дальнейшую их легализацию, имеют общие признаки. Их можно разделить на два вида: первый – имеющиеся на балансе кредитно-финансовой организации (преимущественно в банках) ликвидные активы замещаются активами ненадлежащего качества либо реализуются по несоответствующей цене или безвозмездно; второй – создаются фиктивные обязательства перед третьими лицами [12. – С. 96]. Изучение и анализ финансовых документов хозяйственной деятельности организаций, задействованных в процессе совершения легализации, будут способствовать целям разграничения легальной денежной массы и преступных доходов [10. – С. 32].

Решение проблемы низкой выявляемости преступлений, предусмотренных статьями 174 и 174.1 УК РФ в кредитно-финансовой системе, видится в усилении работы оперативных сотрудников правоохранительных органов. Необходимо ориентировать сотрудников оперативно-разыскных служб на всестороннюю, полную и исчерпывающую отработку версии о легализации преступного дохода в кредитно-финансовой системе в рамках дел, заведенных по информации о предикатных преступлениях, в том числе в ходе оперативного сопровождения ранее возбужденных уголовных дел. При расследовании предикатных преступлений органам предварительного расследования следует обеспечивать принятие исчерпывающих мер, направленных на установление фактов легализации преступных доходов, определенные в том числе в кредитно-финансовой системе.

Как показывает практика расследования уголовных дел данной категории, наиболее эффективными следственными действиями являются обыск, выемка, осмотр предметов и документов, допросы лиц, непосредственно совершавших финансовые операции по выводу банковских активов, контрагентов, со-

трудников технических компаний (при их наличии), держателей акций, векселей, руководителей и бухгалтеров банка, учредителей и иных лиц, причастных к совершению преступных преступлений [11]. Не менее важным процессуальным действием является своевременное назначение судебных экспертиз: бухгалтерских, финансово-экономических, компьютерных и др.

Проведение обыска, выемки, осмотра предметов и документов позволяет получить доказательства совершения финансовых операций и сделок по легализации преступных доходов и выводу за рубеж банковских активов. Главной задачей проведения обыска (выемки) при расследовании легализации преступных доходов является обнаружение и изъятие предметов и документов, содержащих сведения о сделках по замене ликвидного актива «пустышкой». Такие предметы и документы могут находиться как в самих банках, так и офисах подставных и реально действующих фирм, а также в жилище лиц, причастных к совершению рассматриваемых преступлений.

В целях повышения выявляемости преступлений, связанных с легализацией преступных доходов в кредитно-финансовой системе, требуется повысить уровень взаимодействия органов предварительного расследования с Росфинмониторингом России в части обеспечения правоохранительных органов полной информацией о движении финансовых активов в целях установления кон-

кретных фактов легализации преступных доходов.

Учитывая значительный ущерб, причиняемый экономике страны незаконным выводом банковских активов за рубеж, представляется целесообразным предусмотреть привлечение к уголовной ответственности сотрудников кредитных организаций, осуществляющих операции с денежными средствами или иным имуществом, не сообщивших уполномоченному лицу о совершении подозрительных операций в крупных и особо крупных размерах.

Предлагается изложить диспозицию новой статьи УК РФ следующим образом:

«Неисполнение или ненадлежащее исполнение должностным лицом организации, осуществляющей операции с денежными средствами или иным имуществом, обязанности документально фиксировать подозрительные операции и представлять в уполномоченный орган сведения по подлежащим обязательному контролю операциям с денежными средствами или иным имуществом, совершаемым их клиентами».

При этом данная норма могла бы распространяться не только на сотрудников кредитных организаций, но и на работников других организаций, перечисленных в статье 5 Федерального закона от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О системе противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (страховых организаций, ломбардов, микрофинансовых организаций и др.).

Список литературы

1. *Аристархов А. Л.* Пути повышения эффективности борьбы с легализацией доходов, полученных преступным путем // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2018. – № 1 (32). – С. 155–161.
2. *Волеводз А. Г.* Финансовые механизмы легализации (отмывания) денежных средств, полученных преступным путем, которая связанные с их переводом особенности за границу // Банковское право. – 2012. – № 3. – С. 64–77.
3. *Жубрин Р. В.* Координация деятельности правоохранительных органов по борьбе с легализацией преступных доходов // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. – 2015. – № 4 (48). – С. – 36–42.
4. *Жубрин Р. В., Ларьков А. Н.* Профилактика преступных доходов : монография. – М., 2012.
5. *Каратаев М. В.* Управление риском вовлечения российских банков в процессы легализации преступных доходов : автореф. дис. ... канд. экон. наук. – Иваново, 2011.

6. *Кириленко В. С.* Борьба с отмыванием доходов, полученных преступным путем, и финансированием терроризма // *Евразийский юридический журнал*. – 2016. – № 10 (101). – С. 213–214.

7. *Кужиков В. Н.* Противодействие легализации доходов, полученных преступным путем, с применением современных международно-правовых норм // *Российский следователь*. – 2015. – № 16. – С. 32–35.

8. *Лавроненко Р. А.* Проблемы в деятельности правоохранительных органов при выявлении, раскрытии и расследовании легализации преступных доходов в кредитно-финансовой системе // *Российский следователь*. – 2018. – № 3. – С. 16–20.

9. *Саврадым В. М.* Легализация преступных доходов как угроза финансовой стабильности государства // *Экономика, управление и финансы в России и за рубежом*. – 2016. – № 3. – С. 83–88.

10. *Соломатина Е. А.* Противодействие легализации преступных доходов : методическое пособие / под ред. А. М. Багмета. – М. : Юнити-Дана, 2017.

11. *Торбин Ю. Г., Янчуркин О. В.* Особенности проведения проверочных действий и возбуждение уголовного дела по фактам легализации преступных доходов, совершенной с использованием возможностей офшорных зон // *Российский следователь*. – 2015. – № 21. – С. 14–18.

12. *Торбин Ю. Г., Янчуркин О. В., Маматов В. Г.* Противодействие легализации и незаконному выводу за рубеж банковских активов // *Журнал российского права*. – 2016. – № 12. – С. 91–98.

13. *Филатова М. А.* Уголовная ответственность за легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, полученных преступным путем, по законодательству России и Австрии : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2014.

14. *Шохин С. О.* Проблемы правового обеспечения борьбы с легализацией незаконно полученных доходов в Евразийском экономическом союзе // *Юрист*. – 2018. – № 1. – С. 52–56.

Формирование антикоррупционного сознания молодежи в современных условиях**Е. О. Руева**

кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых
и уголовно-правовых дисциплин РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: reo82@mail.ru

А. Ю. Глезденёва

студентка 2-го курса Института цифровой экономики и информационных технологий
РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: aida.aksub2014@gmail.com

Formation of Anti-Corruption Consciousness of Youth in Modern Conditions**E. O. Rueva**

PhD of Law, Associate Professor of the Department
of State Legal and Criminal Legal Disciplines of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 117997, Russian Federation.
E-mail: reo82@mail.ru

A. Yu. Glezdeneva

Second-Year Student of the Institute of Digital Economics and IT of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 117997, Russian Federation.
E-mail: aida.aksub2014@gmail.com

Аннотация

В данной статье рассматривается проблема распространения коррупции во всех сферах общественной жизни. К сожалению, в нашей стране такое антиобщественное явление, как коррупция, становится обыденным, что недопустимо в условиях построения правового и демократического государства. Автор обращает внимание на важность воспитания молодежи в рамках непринятия коррупции во всех ее проявлениях, так как именно за молодым поколением будущее нашей страны. При рассмотрении остроты проблемы и поиске путей ее преодоления автором использованы такие методы исследования, как анализ, синтез, функциональный и системный подходы. По мнению автора, важным фактором борьбы с коррупцией является воспитание молодежи с активной гражданской позицией, осуждение данного противоправного поведения как со стороны должностных лиц, так и со стороны простых граждан. Автор приходит к выводу, что сейчас особенно важно прививать антикоррупционное правовое сознание среди молодежи, уделять повышенное внимание правовой культуре во всех образовательных учреждениях, делать больший уклон на антикоррупционное воспитание, которое должно начинаться в средней школе и продолжаться в высших учебных заведениях. Только тогда можно достичь цели – взрастить поколение с антикоррупционным сознанием.

Ключевые слова: коррупция, взяточничество, антикоррупционное воспитание, правовое сознание молодежи, законодательство, закон, ответственность, развитие, современное общество, государственные служащие, власть.

Abstract

This article deals with the problem of the spread of corruption in all spheres of public life. Unfortunately, in our country such antisocial phenomenon as corruption becomes ordinary, which is inadmissible in the conditions of building a legal and democratic state. The author draws attention to the importance of educating young people in the framework of non-acceptance of corruption in all its manifestations, since

it is the young generation that is the future of our country. When considering the severity of the problem and finding ways to overcome it, the author used such research methods as analysis, synthesis, functional and systemic approaches. In the author's opinion, an important factor in the fight against corruption is the education of young people with an active civil position, the condemnation of this unlawful behavior by both officials and ordinary citizens. The author comes to the conclusion that now it is especially important to inculcate anti-corruption legal consciousness among young people, pay special attention to legal culture in all educational institutions, make a greater bias toward anti-corruption education, which should begin in secondary school and continue in higher educational institutions. Only then we can achieve the goal of growing a generation with anti-corruption consciousness.

Keywords: corruption, bribery, anti-corruption education, youth's legal consciousness, legislation, law, responsibility, development, modern society, civil servants, power.

Как известно, коррупция на сегодняшний день является опасным социальным явлением, которое затрагивает интересы как общества, так и государства. К ее прямым производным можно причислить искажение экономической политики и стратегии развития страны, а также хищение государственной собственности и государственного бюджета. Кроме того, взяточничество приводит к сокращению общего развития страны, так как бизнес в коррумпированной системе приходит в состояние застоя, не имея возможности развиваться успешно [1. – С. 6].

Коррупция начала зарождаться из-за появления условий институциональной организованности общества, разделения государственных структур на различные отрасли. К сожалению, Россия не стала исключением. Данное явление стало привычным делом, вести борьбу с которым, кажется, уже бессмысленно и невозможно.

Однако это неправильное мнение. Противостоять коррупции можно и нужно, иначе это она поглотит всю страну, разрушая основы государственности и демократии. Правительство Российской Федерации четко понимает, что антикоррупционное воспитание граждан является особенно важным фактором в борьбе с таким явлением, как коррупция.

Ни для кого не секрет, что коллективное мышление имеет большое влияние и способно побуждать людей на выполнение тех или иных действий. Порой доходит до того, что человек идет на противоправное деяние, нарушает законодательство, а осуждения со стороны общества не следует. Связано это с появлением так называемых социальных аномалий. Происходит изменение представлений об этике, нравственности, законе [2. –

С. 32–33]. По этой причине в России начиная с 2008 г. существует современная правовая основа, которая направлена на противодействие коррупции. Приняты и активно применяются меры дисциплинарной, административной, гражданско-правовой и уголовной ответственности за совершение правонарушений коррупционного характера.

Но есть тенденция, демонстрирующая, что уровень коррупции невозможно минимизировать лишь правовыми и законодательными мерами. Важную роль играет такое воздействие на сознание молодых людей, которое способствовало бы воспитанию нетерпимости к любым проявлениям коррупции. Этого можно достигнуть за счет антикоррупционного просвещения.

Не секрет, что молодежь – динамичная, энергичная и самая развивающаяся часть всего общества. Благодаря ей внедряются в практику новые идеи, технологии, появляются новые взгляды на жизнь. Именно за нынешним молодым поколением стоит будущее и вектор его развития. Наиболее благоприятные условия возможны лишь при наличии у молодежи активной гражданской и общественной позиции, основанной на активном нежелании терпеть проявления коррупции, подкрепленной инициативой бороться с данной проблемой на всех уровнях. Отличием современной молодежи является высокий уровень деформации собственного правосознания, поэтому любые проявления коррупции представляются чем-то привычным и обыденным. Подобная реакция подтверждает, что у части молодежи, становление которой пришлось на период политических, экономических и культурных потрясений последних двадцати лет, произошла деформация

правосознания, которую можно даже назвать правовым нигилизмом.

К несчастью, коррупция обладает свойством расширять свои границы и приспосабливаться к новым условиям при отсутствии постоянного воздействия в пользу ее искоренения, поэтому следует разработать единый механизм, который позволит уменьшить масштабы взяточничества. Особое место стоит уделять именно антикоррупционному воспитанию в молодежной среде. Необходимо целенаправленно воспитывать антикоррупционное общественное сознание, используя примеры с положительным законопослушным поведением в той или иной ситуации, демонстрирующим честность, порядочность и добросовестность. Подобная практика воспитательной деятельности поможет осознать молодежи, что коррупция – это не выход из положения, а лишь легкий способ, который не несет в себе ничего законного.

Принято разделять антикоррупционное воспитание на формальное и неформальное. Формальное воспитание используется в общеобязательных программах обучения детей, тогда как неформальное применяется в дополнительном образовании: различных акциях, конференциях, слетах и круглых столах. Само собой разумеется, что применять эти два способа нужно в совокупности. Государственная политика, направленная на борьбу с коррупцией, представляет собой работу в основном в школах. Регулярно проводятся мероприятия для обучения школьников правовой грамотности, знанию законов. Для этого разрабатывается большое количество методических пособий по антикоррупционному воспитанию для всех возрастов, начиная от школьников средних классов и заканчивая студентами высших учебных заведений. Особого внимания требуют студенты вузов, где делается акцент на сфере управления и государственной службы, потому что выпускниками данных образовательных учреждений станут как раз будущие муниципальные и государственные служащие, от которых и зависит дальнейшее развитие или исчезновение коррупции. Необходимо правильно формировать и воспитывать их мировоззрение. Антикоррупционное воспитание должно затрагивать важнейшие компоненты массового

сознания, а именно: чувства, подсознание и сознание.

Можно добавить, что антикоррупционное просвещение в вузе целесообразно реализовывать в неформальной и неофициальной форме, если брать за формальное воспитание включение в образовательные программы дисциплин, связанных с антикоррупционным воспитанием [3. – С. 32].

На сегодняшний день нет единого понимания того, чем именно вредна коррупция для государства и общества. Если смотреть на коррупцию только с юридической стороны, то значительно осложняется процесс воспитания антикоррупционного поведения, так как в данном случае беседы с подростками должны проводить только профессиональные юристы. На наш взгляд, коррупцию необходимо понимать более широко: как особый тип взаимодействия людей с окружающим миром, где большинство представителей власти преследуют цель обойти закон для получения личной выгоды. Статистика показывает, что такое поведение присуще не только уполномоченным лицам, но и детям в раннем возрасте. Объясняется это физиологией человека, влияние на которую нужно производить в подростковом возрасте [4].

Более того, существует тенденция, что многочисленные лекции в области антикоррупционного воспитания способствуют лишь обогащению и накоплению теоретических знаний, но не побуждают молодежь действовать в рамках закона, если перед ними стоит выбор нарушить закон ради собственной корыстной выгоды. Происходит это, потому что одновременно с лекциями в образовательных учреждениях подростки получают обратное представление о коррупции из различных телевизионных передач, фильмов, социальных сетей и печатных изданий, где наблюдается пропаганда противоправной деятельности.

Нельзя оставить незамеченным и тот факт, что в нашем обществе устоялось определенное мнение о законе и государстве в целом. Дело дошло до того, что российское население воспринимает акты коррупции как должное, не обращая на это внимания, или само активно участвует в них. Как и говорилось ранее, огромную роль в этом вопросе играют средства массовой информации, рас-

сказывая теперь уже о неэффективной работе государственных органов в данном направлении. Из этого вытекает и то, что у учащихся пропадает какое-либо желание посещать мероприятия, направленные на воспитание правового сознания.

Хотелось бы отметить, что роль семьи в рамках коррупционного воспитания не стоит недооценивать, так как воспитание ребенка прежде всего лежит на родителях. В рамках антикоррупционного воспитания нельзя недооценивать роль семьи, которая должна обучать правомерному поведению в обществе. В семье должны большое внимание уделять воспитанию подрастающего поколения, потому что от того, какое воспитание ребенок получит в семье, зависит и его сознание, его правовая культура, в том числе и антикоррупционная. Основной обязанностью родителей является воспитание ребенка в духе уважения традиции прошлого таким образом, чтобы он был максимально полезным обществу. К сожалению, в условиях современной России действует обратная тенденция, когда родители своим примером прививают пассивную гражданскую позицию и правовую безграмотность, учат приспособляться к наиболее простым (часто противоправным) способам решения проблем повседневной жизни.

Проанализировав проблему борьбы с коррупцией в обществе, можно сделать вывод, что целью антикоррупционного воспитания является формирование личности человека, стремящейся жить согласно закону и при взаимодействии с представителями властных структур, готовой отказаться от взяточничества и мошенничества в любых жизненных обстоятельствах. Необходимо обращать особое внимание на формирование этих правил поведения именно в начальных классах. Наиболее важно, на наш взгляд, прививать нормы такого поведения с самого детства. Если изначально человек уверен, что должностные лица действуют в рамках закона, то сам он не решится на нарушение правил, предлагая взятку.

Антикоррупционные идеи, взгляды, принципы, в которых проявляется негативное отношение общества, социальных групп и конкретной личности к коррупционной деятельности, должны аккуратно дополнять мировоз-

зренческую картину подрастающего поколения. К одним из самых важных направлений деятельности в школе можно отнести формирование неблагоприятной для коррупции психологической среды в обществе, воспитание непризнания коррупции как явления, противоречащего ценностям правового государства, укрепление морально-этических принципов детей и подростков и разработка комплекса мер по повышению уровня культуры личности.

Исполнение задач антикоррупционной направленности возможно только при совокупном участии всех сторон: родителей, молодежных организаций, образовательных учреждений, социально ответственных служащих, представителей властных структур и правоохранительных органов, а также религиозных конфессий [5].

Подводя итоги исследования, хочется отметить, что победить коррупцию можно, искренняя ее на стадии зарождения, т. е. работать с молодым поколением посредством антикоррупционного воспитания, которое заслуженно занимает свою нишу в построении правового государства, так как выступает в качестве элемента повышения правовой культуры общества и его правового сознания. Необходимы модернизация идеологически ценностных установок молодежи и широкая пропаганда основополагающих общественных ценностей, таких как разум, духовность, нравственность, этичность позитивные знания, гражданственность. Используя сочетание закона и воздействия на подсознание молодежи, вполне реально получить желаемый результат – человека, способного выполнять свои полномочия и взаимодействовать с иными структурами на правовой основе, не допуская подкупа, превышения полномочий и других противоправных действий.

В заключение отметим, что в основе одного из эффективных методов борьбы с коррупцией на всех уровнях власти является структурированная просветительская работа с молодым поколением. Опыт антикоррупционной работы в других странах показывает, что особую роль играет также и совершенствование нормативно-правовой базы, и, конечно, ее жесткое соблюдение [6. – С. 89]. Одной лишь надежды на будущее поколение недостаточно для того, чтобы противостоять ост-

рым проблемам, от которых зависит судьба всей страны. Именно от правильного антикоррупционного воспитания и качественного образования молодежи в вузах зависит направление будущего развития России в

целом и реализация задач по противодействию коррупции, поставленная в Федеральном законе от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», в частности.

Список литературы

1. Волженкин Б. В. Коррупция в России // Криминология – XX век / под ред. В. Н. Бурлакова, В. П. Сальникова. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2000.
2. Воронцов С. А., Понеделков А. В. Противодействие коррупции на государственной и муниципальной службе. – Ростов н/Дону, 2015.
3. Воронцов С. А. Об использовании в противодействии коррупции в России основных принципов зарубежных антикоррупционных технологий, показавших высокую эффективность // Юристы – Правоведъ. – 2011. – № 1. – С. 88–94.
4. Гацалов Р. Р. Антикоррупционное воспитание молодежи: проблемы формирования российской модели : сборник докладов Международной научно-практической конференции. – URL: <http://isfic.info/SPBU/konf03.htm> (дата обращения: 15.12.2017).
5. Кудашкин А. В., Козлов Т. Л. Еще раз о правовом понятии коррупции // Современное право. – 2010. – № 6. – С. 6–10.
6. Максимова С. В. Основы борьбы с коррупцией (системы общегосударственной этики поведения). – М., 1999.

Процессуальный статус специалиста в гражданском и арбитражном судопроизводстве

Ф. Ю. Бирюков

аспирант кафедры гражданско-правовых дисциплин

РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.

E-mail: 79250779747@yandex.ru

The Procedural Status of Specialist in Civil and Arbitration Proceedings

Ph. Yu. Biryukov

Post-Graduate Student of the Department of Civil Law Disciplines of the PRUE.

Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 117997, Russian Federation.

E-mail: 79250779747@yandex.ru

Аннотация

Интенсивное развитие научно-технического прогресса расширило сферу применения специальных знаний в различных видах судопроизводства. Этим обусловлено появление в процессуальном законодательстве нового участника процесса – специалиста, призванного оказать помощь суду в пределах своей компетенции. Данная статья посвящена процессуальному статусу специалиста как участника гражданского и арбитражного процесса. В работе говорится о том, что, в отличие от гражданского, в арбитражном процессе специалист наделен не только обязанностями, но и рядом прав, позволяющих ему более эффективно выполнять свои функции. Автором подробно рассматривается нормативно-правовая база и судебная практика, регламентирующие порядок участия специалиста в процессе, его права, обязанности и формы участия. Проводится анализ положений гражданского и арбитражного процессуальных кодексов, взглядов известных ученых-процессуалистов для исследования доказательственного значения консультации специалиста и других актуальных проблем правового регулирования деятельности специалиста в гражданском и арбитражном процессуальном праве.

Ключевые слова: юридические науки, право, судопроизводство, гражданский процесс, арбитражный процесс, доказательство, судебная экспертиза, специалист, консультация специалиста.

Abstract

Intensive development of scientific and technological progress has expanded the scope of application of special knowledge in various types of proceedings. This is due to the appearance in the legislation of the new member process, a specialist designed to assist the court in the limits of its competence. This article is devoted to the procedural status of a specialist as a participant of civil and arbitration proceedings. The author emphasizes that, unlike the civil process, in the arbitration process a specialist is endowed not only with duties, but also with a number of rights enabling him to more effectively perform his functions. The author examines in detail the legal framework and judicial practice governing the order of participation of a specialist in the process, his rights, duties and forms of participation. The author analyzes the provisions of civil and arbitration procedure codes, the views of well-known scientists for the study of the evidentiary value of specialist advice and other topical issues of the legal regulation of a specialist in civil and arbitration law of procedure.

Keywords: jurisprudence, law, litigation, civil litigation, arbitration proceedings, evidence, judicial expertise, specialist, specialist advice.

Процессуальный статус специалиста законодательно в гражданском и арбитражном судопроизводстве закреплен относительно недавно.

Появление такого участника процесса, как специалист, обусловлено принятием Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (ГПК РФ) в 2002 г.

До этого момента специалист как самостоятельная процессуальная фигура не был отражен в ГПК РСФСР. Однако анализ ряда норм ГПК РСФСР позволял выявить этот источник специальных знаний. Статья 260 ГПК РСФСР от 11 июня 1964 г., которая регламентировала назначение экспертизы для определения психического состояния гражданина, содержала следующее указание: «В исключительных случаях... суд в судебном заседании при участии прокурора и психиатра может вынести решение о принудительном направлении гражданина на судебно-психиатрическую экспертизу».

Специалист как лицо, содействующее осуществлению правосудия, и полноценный участник гражданского процесса, вводится статьей 188 ГПК РФ. В части первой данной статьи отмечается, что «в необходимых случаях при осмотре письменных или вещественных доказательств, воспроизведении аудио- или видеозаписи, назначении экспертизы, допросе свидетелей, принятии мер по обеспечению доказательств суд может привлекать специалистов для получения консультаций, пояснений и оказания непосредственной технической помощи (фотографирования, составления планов и схем, отбора образцов для экспертизы, оценки имущества)» (ГПК РФ от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ). Если толковать данную статью буквально, можно резюмировать, что законодатель регламентировал обязанности специалиста, форму дачи консультации, порядок допроса, однако его права, а также аспекты его ответственности остались проигнорированы.

Специалист, как и эксперт в гражданском процессе, обладает специальными знаниями в определенной области науки, техники и ремесла, но, в отличие от эксперта, не проводит полноценную экспертизу, а занимается исключительно оказанием помощи в исследовании доказательств и помогает применять различные технические средства.

Специалист может оказать помощь суду в исследовании доказательств, правильно определить вид судебной экспертизы, определить круг вопросов и дать обоснование относительно необходимости ставить перед экспертом тот или иной вопрос, объяснить,

какие объекты и материалы будут необходимы эксперту, и т. д.

Достаточно часто специалист привлекается для дачи рецензии на заключение эксперта. Такие рецензии представляются по инициативе сторон и принимаются во внимание судом. При этом нельзя не согласиться с мнением М. В. Жижиной: «В современных условиях потребность в назначении экспертизы растет, заметно расширилась сфера экспертной деятельности, но далеко не всегда качество экспертных исследований остается высоким. Поэтому участие специалиста-профессионала, облеченное в форму рецензии, во многих случаях бывает весьма полезным тактическим действием» [2. – С. 11].

Однако нельзя оставлять без внимания тот факт, что законодатель не добавил консультации и пояснения специалистов, предусмотренные частью 3 статьи 188 ГПК РФ, в перечень доказательств, приведенный в части 1 статьи 55 ГПК РФ, а причислил их к доказательствам, поскольку частью 1 статьи 157 ГПК РФ презюмируется следующее: «Суд при рассмотрении дела обязан непосредственно исследовать доказательства по делу: заслушать объяснения сторон и третьих лиц, показания свидетелей, заключения экспертов, консультации и пояснения специалистов, ознакомиться с письменными доказательствами, осмотреть вещественные доказательства, прослушать аудиозаписи и просмотреть видеозаписи».

Вопрос о доказательственном значении консультации специалиста на данный момент является дискуссионным. Многие процессуалисты, в том числе известный специалист в области гражданского процесса А. Т. Боннер, отмечают: «Если такие консультации специалиста содержат информацию, позволяющую суду установить те или иные факты, имеющие значение для разрешения дела, то следует признать их доказательственное значение» [1]. Такая позиция кажется абсолютно обоснованной, поскольку, в соответствии с частью 1 статьи 55 ГПК, «доказательствами по делу являются полученные в предусмотренном законом порядке сведения о фактах, на основе которых суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения сторон, а

также иных обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела. Эти сведения могут быть получены из объяснений сторон и третьих лиц, показаний свидетелей, письменных и вещественных доказательств, аудио- и видеозаписей, заключений экспертов». Консультация специалиста в результате проведенного им исследования доказательств предоставит суду новые факты, которые могут оказать существенное влияние на исход дела.

Специалист привлекается к участию в деле после вынесения судом соответствующего определения. Суд может вынести данное определение либо по ходатайству стороны, участвующей в деле, либо по собственной инициативе. Специалист, как и другие участники процесса, должен быть извещен о дате, времени и месте судебного заседания, о чем он уведомляется повесткой.

Наиболее часто специалист оказывает консультацию по вопросам непосредственно в суде, но также он вправе осуществлять свою деятельность вне здания суда, например при осмотре и исследовании доказательств по месту их нахождения. Также, необходимо отметить, что оказание помощи специалиста возможно не только при проведении судебного заседания, но и на этапе подготовки дела к рассмотрению. Этот вопрос подробно рассмотрен в пунктах 14 и 17 постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 24 июня 2008 г. № 11.

Рассматривая помощь специалиста в отпращивании правосудия, нельзя не отметить такой важный аспект его деятельности, как оказание технической помощи суду. Отбор экспериментальных образцов подписи в целях проведения почерковедческой экспертизы, снятие образа систем памяти для ЭВМ, а также фотографирование, видео- и звукозапись судебного заседания – все это находится в непосредственной компетенции специалиста как участника гражданского судопроизводства.

Как и в гражданском процессе, в арбитражном судопроизводстве специалист появился относительно недавно. Данное лицо было введено в арбитражный процесс Федеральным законом от 8 декабря 2011 г. № 422-ФЗ «О внесении изменений в отдель-

ные законодательные акты Российской Федерации в связи с созданием в системе арбитражных судов Суда по интеллектуальным правам».

При рассмотрении споров между хозяйствующими субъектами у суда часто возникали вопросы, требующие использования специальных знаний, но не предполагающие проведения продолжительных, дорогостоящих и объемных исследований. Ввиду отсутствия института специалистов в арбитражном процессе суды были вынуждены прибегать к помощи экспертов и проведению полноценной судебной экспертизы, что, безусловно, отражалось на скорости и стоимости судебного процесса.

Наибольшая потребность в использовании специальных знаний в арбитражном процессе возникла после появления Суда по интеллектуальным правам, в чью компетенцию входит рассмотрение вопросов, связанных с результатами интеллектуальной деятельности.

В данный момент определение специалиста как иного участника процесса, содействующего осуществлению правосудия, содержится в статье 55 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (АПК РФ) от 24 июля 2002 г.

Часть 1 вышеупомянутой статьи устанавливает компетенцию специалиста: «Специалистом в арбитражном суде является лицо, обладающее необходимыми знаниями по соответствующей специальности, осуществляющее консультации по касающимся рассматриваемого дела вопросам».

Исходя из смысла статей 55 и 87 АПК РФ, можно сделать вывод, что законодателем установлено исключительное право суда на обращение за помощью к специалисту. Уточняя толкование данных норм, Высший арбитражный суд Российской Федерации (ВАС РФ) настоятельно рекомендует: «...специалист может быть привлечен в процесс только по инициативе арбитражного суда. При этом арбитражный суд может учитывать мнение лиц, участвующих в деле», согласно Постановлению Пленума ВАС РФ от 17 февраля 2011 г. № 12 «О некоторых вопросах применения Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в редакции Феде-

рального закона от 27 июля 2010 г. № 228-ФЗ "О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации". Использование систем видео-конференц-связи в судебном заседании». Данные положения, на первый взгляд, ущемляют права сторон, участвующих в процессе. Однако, согласно статье 65 АПК РФ, обязанность доказывания в полном объеме лежит на сторонах процесса. Согласно части 1 статьи 65 АПК РФ, «каждое лицо, участвующее в деле, должно доказать обстоятельства, на которое оно ссылается как на основание своих требований и возражений». Отсюда можно сделать вывод, что стороны должны позаботиться о доказательственной силе предоставляемых доказательств и обратиться к специалисту до предоставления их на обозрение суда.

АПК РФ определяет, что консультация специалиста в арбитражном процессе может быть представлена только в устной форме, исключая совершение специальных исследований, назначаемых в силу определения суда. Вероятно, утверждением такой формы законодатель пытался отграничить заключение эксперта и консультацию специалиста. Представляется это неоправданным, поскольку лица, участвующие в деле, могут и до начала судебного разбирательства обратиться за консультацией специалиста, который представит ее в письменной форме.

Однако представление таких сведений в судопроизводство может быть оформлено в арбитражном процессе только в качестве письменного доказательства, что является неверным, поскольку предъявляемые требования к оценке консультации (заключения) специалиста и письменного доказательства различаются, кроме того, суждения, сделанные специалистами (специалистом) в суде и до суда, могут совпадать. Следует представить право лицам, участвующим в деле, обращаться

за консультацией специалиста и представлять в качестве доказательства именно консультацию специалиста, данную в письменной форме.

Нельзя не упомянуть про такой пробел в действующем арбитражном процессуальном законодательстве, как отсутствие формы участия специалиста для оказания техниче-

ской помощи суду. В большинстве процессуальных кодексов Российской Федерации упоминается такая форма участия, поскольку деятельность специалиста в целях оказания технической помощи суду просто необходима в большинстве случаев.

Следует отметить, что суды не всегда правильно воспринимают участие специалиста в судопроизводстве. Как отмечает Т. В. Сахнова, «главные функциональные различия между формами специальных знаний, вовлекаемых в гражданский процесс в виде судебной экспертизы и участия специалиста, обусловлены их различной природой и заключаются в следующем: судебная экспертиза – это всегда специальное исследование, проведенное в определенной законом форме с главной целью – получение судебного доказательства (заключение эксперта); специалист не проводит специального исследования, главная цель его участия – содействовать исследованию доказательств» [5]. Специалист действительно привлекается в процесс для содействия в исследовании доказательств, но при этом он способен разъяснять обстоятельства, отвечать на поставленные вопросы. Эти его действия не укладываются в понятие «исследование доказательств», поскольку могут фактически происходить в процессе собирания, а также оценки доказательств. Кроме того, в настоящее время практически все процессуальные законы содержат определенный вид доказательства, инициируемый специалистом. В арбитражном процессе это консультация специалиста. Поэтому основной целью участия специалиста в арбитражном процессе является именно дача консультации – представление одного из видов доказательств.

Несколько слов необходимо сказать и о правах, обязанностях и ответственности специалиста в действующем процессуальном праве.

Говоря о совокупности прав, которыми наделен специалист в процессе, необходимо отметить, что гражданское процессуальное законодательство, в отличие от арбитражного, не содержит норм, где содержался бы полный комплекс прав специалиста. Более того, действующее законодательство не делает отсылку на применение к специалисту

прав, которыми обладает такой участник процесса как эксперт.

Действующее законодательство оставляет нераскрытым вопрос о юридической ответственности такого участника процесса, как специалист. Однако данный вопрос нельзя оставлять открытым в силу того, что положениями части 3 статьи 10 ГПК РФ устанавливается перечень сведений, при ознакомлении с которыми лица должны быть предупреждены об ответственности за их распространение. Сведений о том, какие последствия влечет разглашение данной информации специалистом, процессуальное законодательство не содержит.

Также действующее законодательство не предусматривает ответственности за предоставление заведомо ложной информации специалистом. Многие ученые-процессуалисты считают, что консультации и пояснения специалистов могут не только значительно изменить предмет доказывания, но и оказать существенное влияние в части формирования внутреннего убеждения судьи.

Профессор кафедры гражданского права и процесса ВГИ ВолГУ А. А. Мохов считает, что «совершенные таким образом процессуальные действия повлекут за собой получение "порочных" доказательств. Опасность такого деяния очевидна: возникают существенные препятствия к объективному разбирательству дела, установлению истины по делу, вынесению законного и обоснованного судебного решения» [6. – С. 52].

Перечень обязанностей специалиста в арбитражном процессе строго регламентирован статьей 55 АПК РФ. Главное отличие от гражданского процесса состоит в том, что в круг обязанностей специалиста в арбитражном процессе не входит предоставление технической помощи суду. Также владение специальными навыками не является условием допуска лица к участию в деле в качестве специалиста. Из этого можно сделать вывод, что законодатель не возлагает на специалиста обязанности оказывать техническую помощь суду.

Неурегулированным остается и вопрос с оплатой труда специалистов. Так как консультация специалистом дается в устной форме и представляет собой ответы специалиста в

рамках своей компетенции на поставленные судом вопросы и не предполагает проведения специальных исследований, следовательно, она не является выполнением работы по поручению суда. Таким образом, она не оплачивается, а специалист может претендовать только на возмещение расходов.

Специалисты, дающие консультацию в Суде по интеллектуальным правам, также не получают вознаграждения за предоставляемую консультацию. В соответствии с частью 1.1 статьи 16 АПК РФ и абзацем четвертым пункта 11 Постановления Пленума ВАС РФ от 8 октября 2012 г. № 60 (ред. от 2 июля 2013 г.) «О некоторых вопросах, возникших в связи с созданием в системе арбитражных судов Суда по интеллектуальным правам», «деятельность ученых, специалистов и прочих лиц, обладающих теоретическими и практическими познаниями по существу разрешаемого специализированным арбитражным судом спора, по подготовке ответа на запрос оплате не подлежит».

Рассмотрев пробелы в законодательном регулировании деятельности специалиста, необходимо отметить, что, в отличие от ГПК РФ, АПК РФ содержит положения, наделяющие специалиста определенными правами. Данные положения содержатся в статье 55 АПК РФ. Законодатель наделил специалиста в арбитражном процессе правом ознакомиться с делом, заявлять ходатайства о предоставлении ему дополнительных материалов.

Нужно отметить, что АПК РФ предусмотрено право дать отказ от дачи консультации в случае, если вопрос выходит за пределы его компетенции, а также если недостаточно материалов для дачи консультации.

Как и в гражданском процессуальном праве, ответственность специалиста как иного участника арбитражного процесса не имеет прямого правового регулирования. И хотя АПК РФ содержит положения, косвенно позволяющие привлечь специалиста за невыполнение обязанностей (часть 1 статьи 332 АПК РФ), однако применение данной статьи возможно только в случае издания судом официального акта, где суд обращается с запросом в целях получения консультации или разъяснения.

Подводя итог, можно резюмировать, что, несмотря на наличие большого количества законодательных пробелов в области правового регулирования деятельности и ответственности специалиста, данный институт имеет все предпосылки к дальнейшему развитию и будет активно содействовать в отплатвлении правосудия.

Список литературы

1. *Боннер А. Т.* Традиционные и нетрадиционные средства доказывания в гражданском и арбитражном процессе. – М. : Проспект, 2013.
2. *Жижина М. В.* Тактические основы привлечения специалиста в гражданском (арбитражном) процессе // Адвокатская практика. – 2014. – № 4. – С. 10–15.
3. *Зинин А. М.* Участие специалиста в процессуальных действиях : учебник. – М. : Проспект, 2011.
4. *Мохов А. А.* Правовое положение специалиста по ГПК РФ // Юрист. – 2005. – № 1. – С. 52–54.
5. *Сахнова Т. В.* Курс гражданского процесса: теоретические начала и основные институты. – М. : Волтерс Клувер, 2008.

Критика формальных концепций верховенства права

Р. М. Аллалыев

старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин
РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: armor5@mail.ru

Criticism of the Formal Rule of Law Conceptions

R. M. Allalyev

Senior Lecturer of the Department of Civil Legal Disciplines of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 117997, Russian Federation.
E-mail: armor5@mail.ru

Аннотация

Идея верховенства права является приоритетной в современной западной политико-правовой идеологии. Термин «верховенство права» обнаруживается во множестве действующих национальных конституций. Считается, что впервые идея верховенства права была провозглашена в средние века в Англии и затем приобрела значение безусловного нравственного и политико-правового идеала. В англосаксонской традиции верховенство права отражает общий принцип конституционализма, связанный с процедурной беспристрастностью и справедливым применением правовых норм, с одной стороны, и с идеями защиты человеческого достоинства и уважения прав личности – с другой. В западной юридической литературе принято различать два вида концепций верховенства права: так называемые thin и thick (буквально «тонкие» и «толстые»). Первые из них (формальные) ограничиваются формальными характеристиками законов и правовых институтов. Вторые же (материальные, сущностные) требуют учета существенных элементов идеального общества и государства – демократического, с рыночной экономикой и уважением прав и свобод человека. В статье анализируются критические оценки формальных подходов к верховенству права.

Ключевые слова: право, верховенство права, справедливость, принципы права, США, правовые системы, правотворчество, концепции, защита.

Abstract

In modern Western political and legal ideology, the rule of law idea is proclaimed as priority. The term "rule of law" is found in a variety of existing national constitutions. It is believed that for the first time the rule of law idea was proclaimed in the Middle Ages in England and then acquired the value of an unconditional moral and political-legal ideal. In Anglo-Saxon tradition the rule of law reflects the general principle of constitutionalism associated, on the one hand, with procedural impartiality and the fair application of legal norms and, on the other hand, with the ideas of protecting human dignity and respect for individual rights. In Western legal literature, it is customary to distinguish between "thin" and "thick" concepts of the rule of law. The first of them (formal) are limited by the formal characteristics of the laws and legal institutions that underlie the formation of the rule of law. The second (material, essential) require the inclusion of essential elements of the broader theoretical basis of an ideal society and a democratic state, with a market economy, respect for human rights and freedoms. The author analyzes the criticism of formal approaches to the concept of the rule of law.

Keywords: law, rule of law, justice, principles of law, USA, legal systems, lawmaking, concepts, protection.

Как известно, современный мир отличается многообразием моделей государственного и правового развития. Одни из них являются общими достижениями человеческой цивилизации, имеют глобальный характер и могут

быть восприняты повсеместно. Другие модели, будучи порождением конкретных факторов (экономических, исторических, географических и т. п.), имеют ограничения во времени и пространстве. Их «трансплантация» на дру-

гие национальные почвы зачастую малопродуктивна [3. – С. 3–4].

Концепции верховенство права неоднократно пытались придать общемировое значение. При этом действительно работающие на Западе правовые институты, имеющие долгую историю, традиции, структуры и практики, преподносятся под видом универсальных, общечеловеческих. В случае когда такие институты не приживаются, становится очевидным, что экспортировалось не само верховенство права, а местные институты, чуждые населению этих стран.

С целью обеспечения принципа верховенства права Центр по изучению вопросов права и военных операций армии США ежегодно издает соответствующее руководство для военных юристов (*Rule of Law Handbook*). В руководстве дается определение верховенства права, называются его структурные элементы, правовые институты, участвующие в его реализации, анализируется его специфика в международных отношениях и национальных правовых системах. Согласно Инструкции к реформе сектора безопасности (РСБ) 2009 г., изданной Министерством обороны США, Агентством США по международному развитию и Госдепартаментом США, верховенство права представляет собой принцип осуществления власти, при котором все граждане, учреждения и органы, государственные и частные, а также само государство функционируют в соответствии с законами, которые были обнародованы, в равной степени исполняются, независимо реализуются судебными органами и совместимы с международными нормами и стандартами в области прав человека [13]. Это определение, отражающее сущностный подход к пониманию верховенства права, дословно повторяет положение из доклада Генерального секретаря ООН «Верховенство права и правосудие переходного периода в конфликтных и постконфликтных обществах» (2004 г.) [11].

Говоря о научной составляющей данного подхода, можно выделить позицию Рональда Дворкина. Он рассматривал верховенство права как в высшей степени положительный и существенный «идеал правления с помощью точной общественной концепции прав личности» [8. – Р. 12]. Аргументируя свою точку

зрения, он писал: «В США и Великобритании невозможно провести окончательное разграничение между правовыми и моральными стандартами, которого требует позитивизм» [10. – Р. 625–626]. С Р. Дворкиным соглашались его английские коллеги судья Джон Лос и профессор Тревор Аллан [5. – Р. 46]. В известной на Западе серии статей Дж. Лос сформулировал свою позицию о роли судов в защите основных свобод¹. Из них вытекает, что Дж. Лос защищает неопозитивистский, основанный на правах человека, подход, выделяя особую роль судьи при рассмотрении дел, связанных с фундаментальными правами. Он рассматривает верховенство права как закон высшего порядка, перед которым ответственен избранный парламент, а суды являются гарантом как основных свобод, так и того, что принято называть конституционными правами². В одной из своих работ Дж. Лос, ссылаясь на И. Канта, говорит о концепции свободной воли человека, которая определяет смысл моральной независимости и автономии личности. Рассматривая содержание отдельных конституционных прав, он разделяет их на позитивные и негативные, отдавая приоритет последним. По его мнению, верховенство права состоит в том, чтобы обеспечивать свободу и справедливость. Иными словами, концепция верховенства права, которую защищает Дж. Лос, относится к числу сущностных.

Ученый-правовед и философ Дж. Финнис считает, что власть должна осуществляться в соответствии с требованиями верховенства права, выраженными в должном уважении к правам человека, воплощающем в себе требования справедливости, а также с целью содействия общему благу [4. – С. 43]. Также следует согласиться с Н. В. Варламовой в том, что концепция верховенства права подразумевает в первую очередь верховенство прав человека [1. – С. 146]. Однако, к примеру, суды США иногда принимают сторону государства или штата, говоря о некоем су-

¹ Is the High Court the Guardian of Fundamental Constitutional Rights? // *Law and Democracy*. – 1993. – P. L. 59; *Law and Democracy*. – 1995. – P. L. 72; *The Constitution: Morals and Rights* // *Law and Democracy*. – 1996. – P. L. 622.

² *Law and Democracy*, op. cit., n. 2.

ществовании естественных, присущих только им, прав. В 1918 г. сотрудники Палмера схватили 249 человек, родившихся в России, посадили их на пароход и депортировали в Советскую Россию. Конституция не давала конгрессу право выдворять иностранцев, но Верховный суд США еще в 1893 г., подтверждая право конгресса изгнать китайцев, заявил, что в случае когда речь идет о самосохранении государства, такие действия являются «естественным правом независимой нации»¹.

Проблематика таких подходов состоит в том, что защита основных прав и свобод требует указания на то, каковы эти права, а также сочленения с какой-либо политической теорией. Анализ Дж. Лоса во многом указывает на признаки, которые, по его мнению, относят права к категории фундаментальных. Однако следует отметить, что идеи И. Канта, на которых базируется подход Дж. Лоса к верховенству права, также подвергаются критике².

Т. Аллан дает критическую оценку формальным концепциям верховенства права. Он твердо придерживается того мнения, что именно сущностный подход к верховенству права в рамках исследований в области конституционализма является наиболее оправданным. В защиту своих взглядов он выдвигает следующие аргументы. Во-первых, по его мнению, формальные подходы к пониманию верховенства права уже сами по себе базируются на сущностных основаниях, а именно на идеях «моральной автономии» и уважения к правам личности. В таком случае якобы несправедливо сохранять дихотомию между формой и сущностью и признавать наличие формальных концепций наряду с сущностными. Во-вторых, указывает Т. Аллан, и нормативно-правовые акты, и судебные решения подразумевают применение не только норм, но и принципов. Применение принципов часто требует, чтобы суд руководствовался справедливостью и здравым смыслом, которые выходят за рамки формального подхода. Суды общего права подтверждают это на прак-

тике. В конечном счете Т. Аллан прямо ссылается на работу Р. Дворкина.

В рассуждениях Т. Аллана, несомненно, есть определенная логика. Конечно, формальные подходы действительно основаны на уважении к правам личности и т. д. С этим утверждением согласны и сторонники формальных концепций, один из самых видных из их числа – Дж. Рац. Однако этот факт не оправдывает вывода о том, что не следует проводить различия между формальными и сущностными концепциями верховенства права. Первые могут быть подкреплены определенными «сущностными» ценностями, однако более важным в этом контексте является уровень абстракции. Одно дело утверждать, что формальный подход к верховенству права базируется на общих абстрактных сущностных ценностях, которые относятся к автономии человека. Другое дело – считать, что верховенство права должно быть реализовано в целях достижения конкретных благ, таких как свобода и равенство. Чтобы эти широкие понятия были «введены в действие», необходимо сформулировать конкретные концепции свободы и равенства, которые должны направлять законодателя и правоприменителя. Т. Аллан считает, что верховенство права имеет ценность как конституционная доктрина. В свою очередь Р. Дворкин полагает, что верховенство права во многом является синонимом судебного усмотрения, которого он придерживается. Он делает радикальный вывод, что у верховенства права нет самостоятельной роли как таковой [2; 8. – Р. 12].

Относительно второго аргумента Т. Аллана следует сказать, что он подвергается резкой критике [7. – Р. 467–487]. Выборка решений судов, которую использует Т. Аллан, слишком мала, чтобы сделать из нее какой-либо внушительный вывод. Отмечая этот факт, Дж. Белл указывает, что даже более подробные исследования решения судов не подкрепляют этого вывода [6].

Отметим также, что выводы, которые делает Т. Аллан из рассмотренных им примеров, вряд ли могут быть выражены в нормативных терминах. Судебные дела, которые он приводит в подтверждение, сопряжены с использованием принципов, а подобные реше-

¹ Fong Yue Ting v. United States, 149 U.S. 698 (1893).

² Лорд Ирвин в своем ответе Дж. Лосу обращает внимание на коммунистическую критику либеральной идеи об автономии личности. См.: Lord Irvine Response to Sir John Laws. – 1996. – Р. 636–637.

ния не могут быть понятны с точки зрения сугубо позитивистских подходов. Тот факт, что определенный суд прибегает к нравственным категориям или представлениям о справедливости при принятии решения по делу, сам по себе не говорит о том, рассуждает ли этот суд в согласии с позитивистским или непозитивистским подходами. Позитивисты не отрицают, что суды могут рассуждать таким образом. Например, неопозитивист Дж. Рац считает, что суд должен руководствоваться принципами, когда законодательство пробельно [12. – Р. 49–50]. Дж. Рац проводит различие между судебными делами, решения по которым основываются на нормативно-правовом акте или судебном прецеденте, и делами, основанными на судебском усмотрении. Последние включают в себя ситуации, где имеет место неопределенность языка нормативно-правового акта или противоречие между нормами. Согласно такому взгляду, судьи занимаются правотворчеством наряду с законодателем. Это вполне может повлечь за собой учет нравственных соображений. Тем не менее могут существовать ограничения, которые, в отличие от законодателя, накладываются на суды. Поэтому правоприменение и правотворчество могут присутствовать в одном и том же судебном решении.

Формальные концепции акцентируют внимание на верховенстве законов, содержащих общие, всем известные, ясные и последовательно применяемые нормы, а также на качестве системы сдержек и противовесов между ветвями власти. Сущностные подходы дополняют формальные подходы требованиями защиты фундаментальных прав личности, политических и социальных прав. Формируется своего рода структурно-иерархическая типология, которая наглядно показывает переход от формальных (более «тонких») под-

ходов к сущностным (более «толстым»). Она включает следующие показатели:

- верховенство закона (власть, осуществляемая посредством позитивного права);
- формальная законность (верховенство закона с общими, всем известными, ясными и последовательно применяемыми нормами);
- охраняемое верховенство права (наличие разделения властей и системы сдержек и противовесов);
- либеральное верховенство права (защита естественных прав);
- демократическое верховенство права (защита политических прав);
- социал-демократическое верховенство права (защита социальных прав).

Эта типология позволяет соотносить показатели разных стран с позиции их соответствия требованиям верховенства права, определить, какие из них продвинулись дальше по пути соблюдения верховенства права.

Безусловно, сущностные концепции базируются на естественно-правовой теории и больше направлены на то, каким закон должен быть [9; 14. – Р. 87]. В соответствии с ними законы должны быть основаны на высоких, неизменных и вечных стандартах. Сущностные подходы вкладывают в содержание концепции верховенства права сочетание принципов и ценностей (законность, справедливость, разумность, жизнь, личная свобода, частная собственность и т. д.), провозглашенных в англосаксонских правовых системах. И все же есть общие моменты, характерные для формальных и сущностных подходов. Они базируются на констатации того факта, что государственная власть осуществляется преимущественно через позитивный закон. Вне этого контекста бессмысленно говорить о верховенстве права, сколь минималистским ни был бы подход.

Список литературы

1. *Варламова Н. В.* Верховенство права: эволюция концепций // Верховенство права и правовое государство: проблемы теории и практики : материалы X Международной научно-практической конференции. – М. : РГУП, 2016. С. 139–143.
2. *Ершов В. В.* Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений. – М. : РГУП, 2018.

3. *Топорнин Б. Н.* Государственное право Германии : в 2 т. – Т. 1. – М. : Институт государства и права РАН, 1994 г.
4. *Финнис Дж.* Естественное право и естественные права / пер. с англ. В. П. Гайдамака, А. В. Панихиной. – М. : ИРИСЭН, Мысль, 2012.
5. *Allan T. R.* S. Law, Liberty and Justice: The Legal Foundations of British Constitutionalism. – USA : Oxford University Press, 1993.
6. *Bell J.* Policy Arguments in Judicial Decisions. – USA : Oxford University Press, 1983.
7. *Craig P.* Formal and Substantive Conceptions of the Rule of Law: an Analytical Framework // *Public Law*. – 1997. – Vol. 21. – P. 467-487.
8. *Dworkin R.* Law's Empire. – Harvard University Press, 1986.
9. *Hayek F. A.* The Constitution of Liberty. – Chicago University Press, 1960.
10. *Himma K. E.* Bringing Hart and Raz to the Table: Coleman's Compatibility Thesis // *Oxford Journal of Legal Studies*. – 2001. – Vol. 21. – N 4. – P. 625–626.
11. Official Documents System of the United Nation. – URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N04/395/31/pdf/N0439531.pdf?OpenElement> (дата обращения: 25.05.2017).
12. *Raz J.* The Authority of Law, Essays on Law and Morality. – Oxford University Press on Demand, 1979.
13. U.S. Agency for International Development, U.S. Dept. of State, U.S. Dept. of Defense, Security Sector Reform 4 (Feb. 2009).
14. *Zimmermann A.* Western Legal Theory: History, Concepts, and Perspectives. – LexisNexis Butterworths, 2013.

Нравственные основы бизнеса

И. А. Иваньшина

кандидат медицинских наук, доцент кафедры государственно-правовых
и уголовно-правовых дисциплин РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова»,
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: ivanshin2009@yandex.ru

Moral Foundations of Business

I. A. Ivanshina

PhD of Medical Sciences, Associate Professor
of the Department of State and Criminal Legal Disciplines of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 117997, Russian Federation.
E-mail: ivanshin2009@yandex.ru

Аннотация

Нравственность представляет собой понятие, которое в большинстве случаев выступает синонимом термину «мораль». Нравственность – это нормы, которые определяют поведение личности. Поведение базируется на моральных качествах. Мораль (от латинского слова *moralis*, что означает «нравственный») представляет собой нравственность, определенный способ общественного сознания и разновидность отношений в обществе, способ регулирования действий человека в общественной жизни посредством норм. В отличие от обычая или традиций, нравственные начала представлены идеалами добра и зла, справедливости. В отличие от правовых норм, исполнение предписаний морали регламентируется только духовным воздействием (выражается в одобрении или осуждении общества). Эти правила являются важной составляющей деятельности всех субъектов правовых отношений, поскольку в основе действий по закону лежат не только технические, но и социальные нормы. Последние определяют степень эффективности правового порядка.

Ключевые слова: мораль, право, нравственность, законность, справедливость, бизнес, предпринимательское право, социальные нормы, законодательство.

Abstract

Morality is a concept that in most cases is synonymous with the term “ethics”. Morality – these are the rules that determine the behavior of the individual. Morality is the rules that determine the behavior of the individual. Human behavior is based on moral characteristics. Morality (from the Latin word *moralis*, which means “moral”) is a certain way of social consciousness and a variety of relations in society, a way of regulating a person’s actions in public life through norms. Unlike custom or tradition, the moral principles are represented by the ideals of good, evil, justice. Unlike legal norms, the execution of moral regulations is regulated only by spiritual influence (expressed in approval or condemnation of society). These rules are an important component of the activities of all subjects of legal relations, since the basis of actions under the law are not only technical, but also social norms. They determine the degree of effectiveness of the legal order.

Keywords: morality, law, ethics, legality, justice, business, business law, social norms, legislation.

В юриспруденции выделяются правовые, моральные, социальные нормы, нормы политического, корпоративного, религиозного характера, обычаи, ритуалы, деловые обыкновения, правила этики и т. д. Эти нормы социальны и тесно связаны между собой [9. – С. 110].

Социальные нормы представляют собой разновидность правового регулирования в виде норм и принципов. Эта особенность определяется как система сложившихся и развивающихся взглядов, положений, убеждений и базирующихся на них поведенческих норм, регулирующих отношения людей друг к другу, государственным организациям, се-

мейным союзам и к окружающему миру. Мораль представлена психологическими характеристиками субъекта в виде эмоциональных реакций, переживаний, процессов психики и состояний. Социальные нормы – это форма общественного сознания, в которой выражаются людские представления о хороших и негативных явлениях, добром и злом, честности и ее отсутствии, справедливом и несправедливом.

В повседневности у каждого человека рано или поздно возникают вопросы, как следует поступить в разных ситуациях в процессе трудовой деятельности, в общественном месте, в семье, как согласовать свои действия с общественными и государственными интересами. Ответы на эти вопросы мы часто получаем из социальных норм, установленных обществом, в них собран опыт нескольких поколений. Нормы представляют собой конкретные стандарты и эталоны поведения в обществе. Без них не представляется возможным совместное существование людей, особенно существование столь сложных систем, как общество и государство. В целях учебной и практической работы крайне важно определить тесную связь разновидностей социальных норм, их специфические особенности. Особенно актуально это для права и морали – явлений, приоритетных для юридической сферы.

Юристы в своей работе изучают, разъясняют и используют в основном правовые нормы, которые относятся к их специальности. Но для оценки поведения субъектов права и грамотного разрешения противоречий специалисты нередко пользуются и этическими понятиями, поскольку мораль составляет основу права.

Отечественные знатоки права (В. С. Соловьев, И. А. Ильин и др.) утверждали, что право является лишь минимальной частью нравственности, моралью, оформленной юридическим путем [6. – С. 27]. Право – это способ реализации нравственных и гуманистических идей общества. Без существования нравственности, этических норм право не имеет смысла. В. С. Соловьев считал право принудительным требованием созидания добра и порядка, которое не допускает проявления какого бы то ни было зла.

Мораль – это ключевой социальный институт, форма сознания общества. Это система сложившихся и исторически развивающихся принципов, определений, взглядов, убеждений и базирующихся на них правил поведения, отношения людей друг к другу, к государственным и семейным институтам, к окружающей действительности в целом.

Моральные принципы – это основная часть общественных отношений, ключевые требования, распространяющиеся на различные сферы жизнедеятельности. Они создаются в виде нормативов, регулирующих человеческое поведение в различных ситуациях. Нормы морали действуют эффективно тогда, когда они выступают основой для развития правосознания, превращаются в убеждения человека, гармонично сочетаются с его собственными чувствами. Это явление часто именуют совестью, т. е. способностью личности к самооценке и контролю над собой, к «суду» над своим поведением. Поэтому главное наказание для виновного человека заключается в том, что у него не получится оправдаться перед собственной совестью. По словам И. Канта, закон, который живет в человеке, называется совестью, т. е. это соотношение человеческих поступков с внутренним законом. Цицерон определял эту категорию как основное украшение личности.

Данное определение включает в себя только общие характеристики морали. На самом деле содержание и особенности этого явления гораздо полнее и глубже, они включают в себя психологические составляющие (эмоции, личностные установки и т. д.). Основное в морали – представления о добром и злом. Мораль состоит из внутренних и внешних аспектов. Внутренняя точка зрения отражает степень осознания личностью своего «я», ответственность, духовные качества, долг перед обществом и обязанность. Смысл этого значения следующий: необходимо поступать с другими так, как ты желал бы, чтобы поступали с тобой. Этот аспект устанавливает границы перед произволом и эгоизмом. Содержание морали тесно взаимосвязано с чувством долга, с ответственностью за свои поступки. Право основано на субъективных правомочиях конкретных людей, оно предназначено для определения юридических воз-

возможностей индивидов, меры свободы их поведения.

Внешний аспект морали заключается в формах проявления вышеперечисленных качеств, поскольку мораль не может состоять из одних только принципов. Две стороны этого явления связаны между собой. По мнению Г. Гегеля, человек представляет собой ряд поступков: каков он во внешних действиях, таков он и во внутренних проявлениях. Именно поэтому о людях не следует судить по тому, что они о себе заявляют. Только с помощью поступков можно раскрыть сущность личности.

Все это включено в определение совести, т. е. способности личности к контролю над собой и самооценке. Мысль о совести была отражена и в народных высказываниях: «Если хочешь спокойно спать, возьми с собой в постель незапятнанную совесть».

Схожесть права и морали объясняется едиными отношениями в обществе. Они создают шкалу ценностей, ориентацию людского сознания. Правовые и моральные идеалы формируются из деятельности индивидов, в результате регулярного повторения они приобретают нормативное закрепление, выступают в качестве регуляторов людского поведения. Право в качестве нормативной системы должно быть основано на нравственности. Наличие в праве внутренней морали – залог его эффективной работы. Юридические нормы должны соответствовать моральным предписаниям. Правовая общественная жизнь должна находиться в развитии и соответствовать нравственным положениям (требованиям гуманизма, справедливости, соблюдения человеческого достоинства, свободы, взаимной ответственности). У этого процесса нет своего завершения, поскольку по мере развития общества нравственные ценности претерпевают изменения, поэтому преобразование касается и юридических норм.

В этих рамках право можно считать совокупностью обязательных, определенных норм, которые выражают общую волю общества (интересы классов и социальных образований), регламентированных и обеспечиваемых государственной системой, предназначенных для регулирования отношений в обществе.

В целях учебной и практической деятельности важно определить тесную связь социальных норм и их специфические отличия, в том числе особенности правовых норм.

Философы Древнего мира (Аристотель, Демокрит, Платон) отмечали важность этих определений для общественного поведения, их схожие черты и различия. При отграничении права от морали можно продемонстрировать его отличия от других социальных положений, определить место таких предписаний в нормативном регулировании.

Нравственность – это не только уважительное отношение личности к другим людям, но и наличие чувства собственного достоинства, уважения к своим особенностям. И. Кант утверждал: «Кто решил превратить себя в червя, тому не следует жаловаться, что его затапывают ногами». К главным ценностям в социуме относится собственная честь и достоинство, честное имя человека. Все это охраняется законодательством. Для некоторых индивидуумов честь дороже собственной жизни. Несколько веков назад для защиты чести устраивались дуэли, в благородных поединках погибали великие поэты. Представления о чести и бесчестии – еще одна составляющая моральных норм. Главный закон для личности – совесть, именно ее можно считать глубоким отражением человеческой сущности.

На наш взгляд, бизнес и мораль – это два несовместимых понятия. Не исключено, что существуют отдельные люди, которые занимаются предпринимательством и основываются в своей работе на положениях морали и нравственности, справедливости и честности.

Уместно задать вопрос: «Что вынуждает бизнесменов действовать за пределами моральных и нравственных норм?»

Количество прибыли отражает успех бизнеса: именно получение и увеличение прибыли – основная цель в предпринимательской деятельности.

Приведем мысли Карла Маркса, который в своих суждениях основывался на размышлениях английского деятеля позапрошлого столетия Т. Дж. Даннинга (1799–1873).

По словам К. Маркса, капитал не признает шума и конфликтов, обладает боязливым характером [7. – С. 84]. Однако это далеко не

вся правда. Капитал опасается отсутствия дохода или чрезмерно маленькой прибыли так же, как и природные явления опасаются пустоты. Однако когда в наличии имеется много прибыли, капитал приобретает смелость. Обеспечьте 10%, и капитал выразит согласие на любое использование, обеспечьте 20%, и он почувствует оживление, при 50% выразит готовность сломать себе голову, при 100% – преодолеть законы общества, а при 300% не будет такого преступления, которого капитал опасался бы даже под страхом казни. Если шум и раздоры будут источником прибыли, капитал станет способствовать этому. Доказательство этому утверждению – деятельность контрабандистов и работяг.

В современной жизни также хотелось бы найти актуальные примеры, которые опровергают мнение автора относительно отсутствия моральных принципов в бизнесе. Безусловно, существует необходимость становления моральных норм полноценной частью жизнедеятельности любого гражданина, каким бы делом он ни занимался – государственной службой или предпринимательством. Стоит напомнить, что субъект правовых отношений – это личность.

Можно привести пример из советской повседневности. В Минсоцразвития идет обсуждение вопросов увеличения зарплаты и пособий социального назначения. Министры утверждают, что повышение стоимости жилищно-коммунальных услуг, стоимости различных товаров все равно нивелирует эту инициативу. Из этого можно сделать вывод об отсутствии моральных качеств у тех людей, которые занимаются реализацией этой социальной идеи. Доходы не по правилам образования цен, стремление получить максимальную выгоду в результате повышения зарплаты гражданам – все это следствие отсутствия нравственности.

Есть и другой пример. Вы владеете загородным домом или другим жильем за чертой города. Имеется самоуправление, предоставляются услуги электроснабжения и водоснабжения, предлагаются работы, которые сельские жители не могут провести самостоятельно, и поэтому обращаются к органам власти. В такой ситуации отъем денежных средств у граждан идет посредством аутсорсинга. Вме-

сто организации и предоставления всех благ цивилизации в соответствии с нормами морали и справедливости государство передает реализацию таких услуг третьим лицам, которые способствуют обнищанию населения, неправильно распределяют полученную прибыль. Не нужно быть специалистом в точных науках, чтобы понять, что посредством откатов, невысоких договорных заработных плат из населения выкачиваются финансовые средства.

Именно поэтому необходимо сделать все возможное, чтобы предпринимательская деятельность успешно взаимодействовала с моральными и нравственными устоями. Такая дружба положительно повлияет на государственную финансовую политику, будет способствовать формированию демократического государства с социально ориентированными действиями. Именно государство должно заботиться обо всех гражданах и о каждом индивиде в отдельности. Свободный и счастливый народ, защищенный от несправедливых действий, при правильном распределении денежных средств вернет эти активы государству в увеличенных объемах. Граждане будут иметь возможность покупать недвижимость, тратить деньги на образование детей в соответствии с благоприятной социальной политикой. Каждый будет отдыхать на курортах по доступной стоимости, а не по постоянно увеличивающейся цене, возрастающей параллельно с увеличением спроса на рекреационные услуги.

Международные праздники дают возможность аморальным и недобросовестным предпринимателям резко повышать цены на цветы и подарки, их желание увеличить свою прибыль за эти дни в несколько раз не соответствует нормам справедливости. Контролем таких поступков явно выступают не совесть и законность, а бесчестие и беспринципность.

Функция государства – поставить предпринимателей в такие условия, чтобы им было выгодно (либо они были просто обязаны) действовать в соответствии с нравственными и моральными нормами. Приведу информацию из одного исторического произведения, которое описывало времена царствования Екатерины II. Императрица спрашивала у

своих помощников стоимость сметаны на рынке. Ей отвечали, что везде этот продукт продают по пятаку, а Агафья просит за него десять копеек. Екатерина сразу же потребовала прогнать нечестную торговку.

Я считаю, что бизнес может и обязан существовать в соответствии с моральными нормами, нормами законности и справедли-

вости в том случае, если у чиновников не будет огромной разницы в зарплатах и пенсиях с простыми гражданами, если руководители не будут проживать во дворцах, а обычные люди – в старых обшарпанных домах. При такой ситуации в обществе будут главенствовать нравственные нормы, основанные на законе и справедливости.

Список литературы

1. Братусь Б. С. Аномалии личности. – М. : Мысль, 1988.
2. Васильев В. Л. Юридическая психология. – СПб., 2006.
3. Еникеев М. И. Общая и юридическая психология. – СПб. : Питер, 2004.
4. Еникеев М. И. Общая, социальная и юридическая психология. – СПб., 2003.
5. Еникеев М. И. Основы общей и юридической психологии. – М., 2006.
6. Ильин А. И. Сущность и своеобразие русской культуры. – М., 1996.
7. Маркс К. Капитал. – М. : АСТ, 2001.
8. Московичи С. Социальное представление: исторический взгляд // Психологический журнал. – 1995. – Т. 16. – № 2. – С. 3–14.
9. Психология : словарь / под ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. – М. : Политиздат.

Сущность основных элементов криминалистической характеристики преступлений, связанных с использованием взрывных устройств и взрывчатых веществ, по законодательству Республики Беларусь

Т. Ф. Дмитриева

доцент кафедры уголовного права и уголовного процесса учреждения образования «Витебский государственный университет имени П. М. Машерова».
Адрес: УО «Витебский государственный университет имени П. М. Машерова», 210038, Витебск, пр. Московский, д. 33.
E-mail: dtf1106@mail.ru

К. С. Заяц

юрист-консультант юридического отдела по Витебской области ОАО «Белагропромбанк»,
Адрес: Республика Беларусь, Витебская область, г. Поставы, ул. Юбилейная 1-а.
E-mail: zayats.kristina1994@yandex.ru

The Essence of the Basic Elements of Forensic Characteristics of Crimes Involving the Use of Explosive Devices and Explosives According to the Legislation of the Republic of Belarus

T. F. Dmitrieva

Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure of the Vitebsk State University named after P. M. Masherov.
Address: Vitebsk State University named after P. M. Masherov, 33 Moskovsky Avenue, Vitebsk, 210038, Russian Federation.
E-mail: dtf1106@mail.ru

K. S. Zayats

Legal Adviser of the Legal Department in Vitebsk Region of JSC Belagroprombank.
Address: 1-a Yubileynaya Str., Postavy, Vitebsk Region, Republic of Belarus.
E-mail: zayats.kristina1994@yandex.ru

Аннотация

В статье на основе анализа теоретических взглядов различных ученых, практической деятельности по расследованию преступлений, совершенных с использованием взрывных устройств и взрывчатых веществ, предлагаются общее и детализированное понятия криминалистической характеристики преступлений указанной категории, конкретизируется ее структура, рассматривается современная сущность основных ее элементов. Представляется, что предложенные теоретические знания о криминалистической характеристике преступлений, совершенных с применением взрывных устройств и взрывчатых веществ, помогут обеспечить научный подход и профессиональную эффективность при расследовании и раскрытии преступлений указанной категории субъектам их использования. В ходе исследования в рамках диалектического метода применялись общенаучные методы изучения: индукция и дедукция, анализ и синтез, систематизация, метод системного подхода. Также использовался статистический метод (при исследовании состояния и тенденций актов терроризма), сравнительно-правовой метод. Вывод и предложения, представленные в работе, основываются на международных принципах противодействия терроризму, уголовного законодательства Республики Беларусь.

Ключевые слова: криминалистическая характеристика, взрыв, взрывные устройства, взрывчатые вещества, криминалистическая характеристика преступлений, криминальные взрывы, методика расследования преступлений.

Abstract

Based on the analysis of theoretical views of various scientists, practical activities to investigate crimes committed with the use of explosive devices and explosives, the article proposes a general and detailed concept of forensic characteristics of crimes of this category, specifies its structure, examines the modern essence of its main elements. It seems that the proposed theoretical knowledge of the forensic

characterization of crimes committed with the use of explosive devices and explosives will help to ensure a scientific approach and professional effectiveness in investigating and solving crimes of this category to the subjects of their use. In the course of the study, in the framework of the dialectical method, general scientific methods of study were used: induction and deduction, analysis and synthesis, systematization, and the method of the system approach. The statistical method was also used (in the study of the state and trends of acts of terrorism), the comparative legal method. The conclusion and proposals presented in the work are based on the international principles of countering terrorism and the criminal legislation of the Republic of Belarus.

Keywords: criminalistic characteristic, explosion, explosive devices, explosives, criminalistic characteristic of crimes, criminal explosions, methods of investigation of crimes.

В настоящее время преступления, совершенные с применением взрывных устройств (ВУ) и взрывчатых веществ (ВВ), представляют серьезную угрозу безопасности не только государства, но и всего мирового сообщества, поскольку приводят к большому количеству жертв преступления, вызывают мощное негативное психологическое воздействие на людей и широкий общественный резонанс. Задачи по выявлению, раскрытию и расследованию таких преступлений вызывают необходимость использования современных инноваций не только криминалистической техники, тактики, но и криминалистической методики расследования преступлений, в связи с чем совершенствование ее научных основ имеет большое практическое значение, а вопросы криминалистической характеристики преступлений, совершенных с использованием взрывных устройств и взрывчатых веществ, приобретают исключительную важность и актуальность.

Вопросы криминалистической характеристики преступлений вообще и преступлений, совершенных с использованием взрывных устройств и взрывчатых веществ, в частности рассматривались в трудах ряда таких российских ученых, как О. Я. Баев, Р. С. Белкин, Л. В. Бертовский, С. И. Винокуров, К. В. Вишневецкий, А. Ф. Волынский, И. Ф. Герасимов, А. В. Гусев, А. И. Дворкин, Ю. М. Дильдин, Л. Я. Драпкин, Е. П. Ищенко, И. М. Лузгин, М. А. Михайлов, И. Ф. Пантелеев и др. Однако в Республике Беларусь комплексное исследование методики расследования преступлений, совершенных с использованием взрывных устройств и взрывчатых веществ, не проводилось, проблеме криминалистической характеристики таких преступлений достаточного внимания не уделялось. В связи с этим с учетом специфики данного вида преступле-

ний дополнительного исследования требуют вопросы определения понятия «криминалистическая характеристика преступлений, совершенных с использованием взрывных устройств и взрывчатых веществ», конкретизации структуры данного понятия и современной характеристики ее элементов. Анализ криминалистической литературы показал, что до настоящего времени отсутствует единство мнений относительно толкования понятия криминалистической характеристики преступлений. По нашему мнению, данный факт является значительным пробелом, поскольку четкое понимание криминалистической характеристики преступлений, совершенных с использованием взрывных устройств и взрывчатых веществ, позволит достигнуть главной цели – эффективно расследовать и раскрыть преступление.

Одни авторы под криминалистической характеристикой отдельного вида преступлений понимают систему определенных элементов, характеризующих данный вид преступления. Так, Р. С. Белкин полагает, что криминалистическая характеристика отдельного вида преступлений должна включать характеристику исходной информации, системы данных о способе совершения, сокрытия преступления и типичных последствиях его применений, личности вероятного преступника и возможных мотивах и целях преступления, о некоторых обстоятельствах совершения преступления (месте, времени, обстановке). При этом он подчеркивает, что указанные элементы составляют систему, т. е. связаны друг с другом [12. – С. 173]. О. Я. Баев считает, что криминалистическая характеристика преступлений – это система элементов отдельного вида преступлений, значимых для расследования конкретных преступлений этого вида и

взаимосвязей между этими элементами [1. – С. 230].

Другие авторы считают, что криминалистическая характеристика преступлений – это либо система, либо совокупность сведений об определенных признаках преступления. Так, по мнению С. И. Винокурова, криминалистическая характеристика преступлений представляет собой научно разработанную систему типичных признаков определенного вида преступления, позволяющую выяснить механизм слеодообразования, уяснить первоочередные задачи [4. – С. 101]. И. Ф. Герасимов под криминалистической характеристикой понимает совокупность сведений о таких общих типичных признаках, обстоятельствах и иных характерных чертах определенного вида преступных деяний, которые имеют важное организационное и тактическое значение для раскрытия этого вида преступлений [7. – С. 96].

Третьи авторы под криминалистической характеристикой преступлений понимают определенную научную категорию системы определенной информации о преступлении. Так, с точки зрения Л. Я. Драпкина, криминалистическая характеристика преступлений – это научная категория обобщенной информационной системы, в которой аккумулируются данные о типичных признаках и свойствах события, обстановки, времени, места, способа и механизма совершения общественно-опасных деяний определенной классификационной группы, процессе образования и локализации доказательств, типологических качеств личности и поведения виновных, потерпевших, а также об устойчивых особенностях иных объектов посягательства [8. – С. 21].

На наш взгляд, предложенные О. Я. Баяевым, Р. С. Белкиным, И. Ф. Герасимовым, Л. Я. Драпкиным, С. И. Винокуровым понятия криминалистической характеристики преступлений характеризуются большой содержательностью и конструктивностью. Данное обстоятельство позволяет их использовать в качестве базовых для определения авторского понятия криминалистической характеристики преступлений отдельного вида – преступлений, совершенных с использованием взрывных устройств и взрывчатых веществ. Так, мы солидарны с позицией С. И. Виноку-

рова и И. Ф. Герасимова в том, что криминалистическая характеристика преступления – это система определенных сведений о преступлении. В то же время эти сведения представляют собой элементы этой системы, как считают О. Я. Баяев и Р. С. Белкин, и, конечно, мы полностью согласны с Л. Я. Драпкиным в том, что система должна быть научно обоснована.

Резюмируя изложенное, нам представляется возможным предложить в общем виде следующее определение криминалистической характеристики отдельного вида преступления, совершенного с использованием ВУ и ВВ.

Криминалистическая характеристика преступлений, совершенных с использованием взрывных устройств и взрывчатых веществ, – это система сведений о преступлениях данного вида и закономерных связях между ними, разработанная в результате научных исследований и с учетом следственной практики в целях раскрытия и расследования криминальных взрывов.

Криминалистическая характеристика как система сведений о преступлениях определенного вида (группы) включает в себя необходимый перечень элементов, которые определяют ее содержание и значимость для раскрытия и расследования преступлений. Впервые развернутое содержание структуры криминалистической характеристики преступлений дал Л. А. Сергеев, включивший в ее содержание способы совершения преступления; условия, в которых совершаются преступления, и особенности обстановки; обстоятельства, связанные с непосредственными объектами преступных посягательств, с субъектами и субъективной стороной преступления; связи преступлений конкретного вида с другими преступлениями и отдельными действиями, не являющимися уголовно наказуемыми, но имеющими сходство с данными преступлениями по некоторым объективным признакам; взаимосвязи между указанными группами обстоятельств [15. – С. 4–5].

И. А. Варченко считает, что структуру криминалистической характеристики преступлений, связанных с применением взрывных устройств и взрывчатых веществ, составляют: 1) способ совершения и сокрытия преступлений; 2) характеристика орудий и средств, применяемых при совершении преступления;

3) особенности механизма слеодообразования; 4) характеристика преступника; 5) характеристика объектов посягательства [3. – С. 22]. В своем исследовании О. В. Евстигнеева приходит к выводу о том, что криминалистическая характеристика преступлений, совершенных с использованием ВУ, должна включать в себя следующие элементы: 1) сведения о способе подготовки, совершения и сокрытия преступлений (в некоторых случаях о механизме их совершения); 2) данные об орудиях, используемых для совершения данной категории преступлений; 3) описание типичных материальных следов и наиболее вероятных мест их обнаружения; 4) данные о личности преступника, мотивах и целях его действий (либо характеристика преступных групп); 5) данные, характеризующие потерпевшего; 6) информация об отдельных обстоятельствах совершения преступлений (обстановка, место, время) [9. – С. 28–29]. По мнению В. С. Кряжева, наиболее значимыми элементами криминалистической характеристики преступлений, совершенных с применением ВУ, являются: 1) данные о способе совершения преступлений; 2) совокупность данных о материальных следах преступлений, их особенностях и локализации; 3) обстановка совершения преступлений; 4) обстоятельства, способствовавшие совершению преступления; 5) сведения об особенностях личности жертв преступлений; 6) данные о свойствах личности преступников; 7) данные об орудиях, применяемых для совершения этой категории преступлений [13. – С. 24].

На наш взгляд, Л. А. Сергеев правильно акцентирует внимание на основных, хотя и не полных, свойствах и признаках криминалистической характеристики преступлений. Включенные им, О. В. Евстигнеевой и В. С. Кряжевым элементы в содержание криминалистической характеристики преступлений, по нашему мнению, находятся в строгой иерархической системе. Мы считаем, что к сведениям (элементам) криминалистической характеристики преступлений, совершенных с использованием ВУ и ВВ, целесообразно включить следующие сведения (элементы): 1) данные о способе совершения преступлений; 2) сведения об орудиях и средствах совершения преступлений; 3) обстановка совершения преступления; 4) сведения

об особенностях личности жертв преступлений; 5) сведения о свойствах личности преступников.

Таким образом, в детализированном виде в качестве понятия криминалистической характеристики преступлений, совершенных с использованием взрывных устройств и взрывчатых веществ, по нашему мнению, можно предложить следующее определение.

Криминалистическая характеристика преступлений, совершенных с использованием взрывных устройств и взрывчатых веществ, – это система сведений о способе, орудиях и средствах, обстановке совершения преступлений, о свойствах личности преступников, об особенностях личности жертв данного вида преступлений, закономерных связях между ними, разработанная в результате научных исследований и с учетом следственной практики в целях раскрытия и расследования криминальных взрывов.

В современных условиях динамического развития инноваций во всех сферах жизнедеятельности белорусского общества существует необходимость отдельного рассмотрения элементов криминалистической характеристики преступлений, совершенных с использованием взрывных устройств и взрывчатых веществ, с учетом современного уровня развития криминалистики в целом и практики правоохранительных органов в частности. В криминалистическом понимании данные о способе совершения преступления составляют один из важных элементов его криминалистической характеристики, в особенности преступления, совершенного с использованием взрывных устройств и взрывчатых веществ. Нельзя не согласиться с Г. Г. Зуйковым, по мнению которого способ совершения преступления – это система действий по подготовке, совершению и сокрытию преступления, детерминированная условиями внешней среды и психофизическими качествами личности, связанными с избирательным использованием соответствующих средств и условий места и его времени [11. – С. 205]. Анализ уголовной статистики, проведенный С. С. Галаховым, показывает, что примерно 50% всех преступлений, совершенных с применением ВУ и ВВ, совершается на открытой местности. В этих случаях используются взрывные устройства типа подрывных заря-

дов и мин замедленного действия, которые могут иметь радио- или проводное управление. Взрывы в помещениях составляют около 30%. Совершаются прежде всего в подъездах и на лестничных площадках зданий, у дверей квартир и офисов. Взрывные устройства чаще всего устанавливаются в таких местах, взрыв которых повлечет наибольшие разрушения. Они могут устанавливаться в залах ожидания вокзалов, банков, других подобных объектах; могут устанавливаться осколочные взрывные устройства различных конструкций, которые часто закладываются у различных металлических элементов с целью образования дополнительных вторичных осколков или наиболее вероятного поражения лица, против которого используется взрывные устройства. Подрывы автотранспортных средств составляют приблизительно 15% [5. – С. 47–48]. Такие преступления совершаются посредством минирования автомобилей самодельными взрывными устройствами. Место закладки заряда определяется, как правило, в зависимости от преследуемых преступных целей.

Сведения об орудиях и средствах совершения преступлений, совершенных с использованием взрывных устройств и взрывчатых веществ, в криминалистической характеристике имеют важное значение, так как они определяют образ действия преступников, являются важным источником информации о происшедших событиях и позволяют органу, ведущему уголовный процесс, координировать в конкретных ситуациях свою деятельность по изобличению преступников. В контексте рассматриваемого вида преступлений, под орудием его совершения понимается материальный предмет, использованный непосредственно для воздействия на объект посягательства; средство совершения преступления не оказывает непосредственного воздействия на объект уголовно-правовой охраны, хотя и направлено на совершение преступления.

Соответственно, к орудиям совершения рассматриваемого вида преступления следует отнести взрывное устройство – специально подготовленное и способное к взрыву устройство, включающее заряд взрывчатого вещества и необходимые конструктивные элементы. К средствам совершения преступления

относятся взрывчатые вещества, которыми являются химические соединения, их смеси или растворы, способные под влиянием механического, теплового или ударно-волнового воздействия к самораспространяющемуся, быстрому, экзотермическому превращению, сопровождающемуся выделением большого количества тепла и нагретых до высокой температуры газообразных продуктов, способных производить механическую работу. В криминалистической литературе приводятся самые различные классификации средств совершения взрывов [6. – С. 6–8].

Обстановка совершения преступления – система условий и обстоятельств, обусловленная различного рода взаимодействием между собой до, во время и после совершения преступления объектов (предметов), явлений, процессов во времени и месту, а также субъектом преступления и иными лицами, влияющими на наступление преступного результата и уклонение виновного от уголовной ответственности и наказания [10. – С. 180]. Информация об обстановке преступлений, совершенных с применением взрывных устройств и взрывчатых веществ, является стержневой в криминалистической характеристике, так как содержит сведения о других элементах и выступает в качестве своеобразного систематизирующего начала в рамках данной характеристики. Обстановка во многом определяет и конкретизирует способ совершения преступления и в значительной мере сказывается на особенностях и структуре механизма данных преступлений. В ней проявляются отдельные важные личностные черты преступника, формирующей полностью или частично данную обстановку. Преступники в большей или меньшей степени приспосабливаются к обстановке. Лишь в незначительном количестве случаев преступления совершаются без учета ее особенностей.

Для криминалистической методики обобщение и анализ данных о личности преступника имеют существенное значение, потому что позволяют сделать вывод о таких зависимостях, знание которых способствует установлению личности виновного [14. – С. 33]. Изучение социально-демографических признаков преступников показывает, что совершение таких преступлений наиболее харак-

терно для мужчин. Вместе с тем для перевозки и транспортировки оружия, боеприпасов, взрывных устройств и взрывчатых веществ преступники используют женщин и несовершеннолетних девушек. Очевидно, что квалифицированно совершить преступление с применением взрывного устройства может лишь человек, хотя бы в общих чертах знакомый с техникой взрывного дела и умеющий обращаться с взрывчатыми веществами. В этой связи можно выделить три основные группы: 1) специалисты – взрывотехники и саперы вооруженных сил, хорошо знакомые с техникой взрывного дела, обладающие профессиональными навыками изготовления взрывного устройства и производства взрывов; 2) лица, которые не обладают профессиональной подготовкой, но знакомы с взрывным делом по роду своей деятельности; 3) лица, не имеющие профессиональной подготовки и по роду своей работы не связанные с взрывным делом. Источником сведений о технике производства взрывов для них может служить самостоятельное изучение литературы, экспериментирование с взрывчатыми материалами, консультации осведомленных лиц [6. – С. 45]. Для раскрытия преступлений данной категории большой интерес представляют сведения о прежних судимостях лиц, привлеченных к уголовной ответственности. Однако среди лиц, совершающих преступления с применением взрывных устройств и взрывчатых веществ, большинство составляют ранее не судимые и не состоявшие на учетах в правоохранительных органах. Данное обстоятельство говорит о необходимости ориентировать силы и средства оперативно-разыскной деятельности на выявление и сбор информации в отношении лиц, ранее не попадавших в поле зрения органов внутренних дел, но имеющих отношение к изготовлению, хранению, перевозке, использованию взрывчатых материалов на промышленных предприятиях и в воинских частях.

Для характеристики личности преступников существенное влияние имеют их нравственно-психологические черты: крайний эгоизм, определяющий примитивно-анархическую позицию личности, вытекающие из этой же позиции пренебрежение к интересам других людей, грубая жестокость, отсутствие чувства сострадания [2. – С. 13]. Особенно

сью рассматриваемой категории преступников, отличающей их от большинства других, совершающих преступления против личности, является то, что в совершенных ими противоправных действиях не находят выражения такие черты, как преимущественно импульсивный и рефлексивный характер поведения. Выбирая в качестве орудия преступления взрывные устройства и взрывчатые вещества, преступник стремится добиться максимального разрушительного и психологического воздействия, порой не останавливаясь перед опасностью причинения смерти или телесных повреждений самому себе. Криминалистические признаки, раскрывающие личность преступника по делам данной категории, свидетельствуют о том, что его можно выявить среди лиц: заинтересованных в уничтожении или повреждении имущества; находящихся в неприязненных отношениях с потерпевшими; имеющих психические отклонения.

Потерпевшие от преступления представляют интерес с точки зрения их связи с преступником, поскольку именно эта связь позволяет разрабатывать рекомендации, обеспечивающие непосредственный выход на личность преступника [16. – С. 13]. Как правило, потерпевшими от преступлений, совершенных с применением взрывных устройств и взрывчатых веществ, являются лица мужского пола. Подавляющее большинство женщин – случайные жертвы, находившиеся в момент взрыва рядом с местом происшествия или же в непосредственном контакте с жертвой преступления в момент взрыва. Вероятность лица оказаться жертвой преступления в небольшой степени зависит от рода его занятий (профессии). Профессиональная принадлежность определяет группу социальных и личностно-индивидуальных признаков, которые повышают или понижают его виктимность. В качестве признаков виктимного поведения выступает не только непосредственно личность потерпевшего, его предшествующие действия и поступки, но и особенности его профессиональной и общественной деятельности, к числу которых можно отнести: распоряжение финансовыми средствами, материальными ресурсами; осуществление деятельности, затрагивающей экономические интересы определенных лиц; осуществление

действий по подготовке решений, которые могли повлечь значительные материальные убытки для определенных лиц, привести к снижению их прибыли; действия потерпевшего, которые ущемляли финансовые, материальные интересы определенного круга лиц. Характерная особенность криминалистической характеристики преступлений, совершенных с применением взрывных устройств и взрывчатых веществ, заключается в том, что от знаний ее элементов и результативности их использования при расследовании преступления зависит успех его раскрытия.

В общем виде *криминалистическая характеристика преступлений, совершенных с использованием взрывных устройств и взрывчатых веществ*, – это система сведений о преступлениях данного вида и закономерных связях между ними, разработанная в результате научных исследований и с учетом следственной практики в целях раскрытия и расследования криминальных взрывов. При этом к сведениям (элементам) криминалистической характеристики преступлений, совершенных с использованием ВУ и ВВ, целесообразно включить следующие сведения (элементы): 1) данные о способе совершения преступлений; 2) сведения об орудиях и средствах совершения преступлений; 3) обстановка совершения преступления; 4) сведения об особенностях личности жертв

преступлений; 5) сведения о свойствах личности преступников.

В детализированном виде криминалистическая характеристика преступлений, совершенных с использованием ВУ и ВВ, – это система сведений о способе, орудиях и средствах, обстановке совершения преступлений, о свойствах личности преступников, особенностях личности жертв данного вида преступлений, закономерных связях между ними, разработанная в результате научных исследований и с учетом следственной практики в целях раскрытия и расследования криминальных взрывов.

Таким образом, обобщим вышесказанное. Представленное понятие криминалистической характеристики преступлений, совершенных с использованием ВУ и ВВ, и его содержания отличается конкретизацией криминалистических знаний с учетом исследуемого вопроса и специфики рассматриваемого вида преступлений. Предложенные теоретические знания о криминалистической характеристике преступлений, совершенных с применением ВУ и ВВ, позволят следователю, лицу, производящему дознание, другому субъекту их использования обеспечить научный подход и профессиональную эффективность при расследовании и раскрытии преступлений данной категории.

Список литературы

1. Баев О. Я. Основы криминалистики : курс лекций. – М., 2001.
2. Вандышев В. В. Реализация взаимосвязей жертвы и преступника в раскрытии и расследовании насильственных преступлений. – СПб., 1992.
3. Варченко И. А. Криминалистическая характеристика и особенности первоначального этапа расследования преступлений, связанных с применением взрывчатых веществ и взрывных устройств : дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2002.
4. Винокуров С. И. Криминалистическая характеристика преступлений, ее содержание и роль в построении методики расследования // Методика расследования преступлений. Общие положения : материалы научно-практической конференции. – М., 1976.
5. Галахов С. С. Криминальные взрывы. – М. : Экзамен, 2002.
6. Галезник М. В. Методика расследования криминальных взрывов. – Лекция 6. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2007.
7. Герасимов И. Ф. Криминалистическая характеристика преступлений в методике расследования // Методика расследования преступлений. Общие положения : материалы научно-практической конференции. – М., 1976. – С. 93–97.

8. *Драпкин Л. Я.* Методологические аспекты ситуационного подхода в криминалистике // Проблема развития криминалистики в условиях научно-технического прогресса. – Свердловск, 1982. – С. 9–27.
9. *Евстигнеева О. В.* Особенности расследования преступлений, совершенных с использованием взрывных устройств : дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2001.
10. *Ермолович В. Ф.* Криминалистическая характеристика преступлений. – М. : Амалфея, 2001.
11. *Зуйков Г. Г.* Криминалистическое учение о способе совершения преступления : дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1970.
12. Криминалистика : учебник / Т. В. Аверьянова, Р. С. Белкин, Ю. Г. Корухов, Е. Р. Российская. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма, 2008.
13. *Кряжев В. С.* Общие положения методики расследования преступлений, совершенных с применением взрывных устройств : дис. ... канд. юрид. наук. – Иркутск, 2003.
14. *Матусевич И. А.* Изучение личности обвиняемого в процессе предварительного расследования преступлений. – Минск, 1975.
15. *Сергеев Л. А.* Расследование и предупреждение хищений, совершаемых при производстве строительных работ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1966.
16. *Тищенко В. В.* Криминалистическое значение связи «преступник – жертва» для методики расследования // Криминалистика и судебная экспертиза. – 1978. – Вып. 16. – С. 35–39.

**Категория «интеллектуальные права» в современной системе гражданских прав
Российской Федерации и Республики Беларусь**

П. Г. Шеленговский

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: SHelengovskiy.PG@rea.ru

Д. А. Грачева

магистрантка 1-го курса факультета экономики и права РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: gracheva.dash@yandex.ru

**The Category of “Intellectual Rights” in the Modern System of Civil Rights
of the Russian Federation and the Republic of Belarus**

P. G. Shelengovsky

PhD of Law, Associate Professor, Associate Professor
of the Department of Civil Legal Disciplines of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 117997, Russian Federation.
E-mail: SHelengovskiy.PG@rea.ru

D. A. Gracheva

Master of the First Year of the Faculty of Economics and Law of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 117997, Russian Federation.
E-mail: gracheva.dash@yandex.ru

Аннотация

Данная статья посвящена законодательному регулированию интеллектуальных прав в системе гражданского права Российской Федерации и Республики Беларусь. В работе рассматриваются общие положения, которые имели бы преимущественный характер для регламентации различных видов прав и до разработки специфичного законодательства, регламентирующего оборот каждого из видов интеллектуальной продукции. Отмечается, что защита интеллектуальных прав на международном и региональном уровне тесно связана с мировым технологическим и культурным развитием в целом, созданием, распространением и использованием существующих и новых проприетарных технологий. Также говорится о том, что четкая законодательная регламентация прав на результаты интеллектуальной деятельности предоставляет стимул авторам к созданию новых произведений и изобретений, позволяет регулировать отношения между ними и потребителями интеллектуальной продукции. В статье большое внимание уделяется вопросу о необходимости построения новой системы законодательства в области интеллектуальных и исключительных прав.

Ключевые слова: интеллектуальные права, интеллектуальная собственность, исключительные права, гражданское законодательство, оборот результатов интеллектуальной деятельности, Российская Федерация, Республика Беларусь.

Abstract

This article is dedicated to the legislative regulation of intellectual rights in the system of civil law of the Russian Federation and the Republic of Belarus. The article discusses the general provisions that would be preferential for regulating various types of rights and prior to the development of specific legislation regulating the circulation of each type of intellectual product. It is noted that the protection of intellectual rights at the international and regional level is closely linked to the global technological and cultural

development in general, the creation, distribution and use of existing and new proprietary technologies. It is also stated that a clear legislative regulation of the rights for the results of intellectual activity provides an incentive for authors to create new works and inventions, and allows regulating relations between them and consumers of intellectual products. The article pays great attention to the need to build a new system of legislation in the field of intellectual and exclusive rights.

Keywords: intellectual rights, intellectual property, exclusive rights, civil law, circulation of results of intellectual activity, Russian Federation, Republic of Belarus.

Исторически интеллектуальная собственность была и остается одним из основных и необходимых элементов прогресса и развития всего человечества. Наличие интеллектуальной собственности служит цели привлечения инвестиций в науку, что дает возможность накапливать знания и совершать обмен ими. Эффективное использование объектов интеллектуальной собственности становится одним из важнейших факторов привлечения капиталовложения в важнейшие сектора национальной экономики [6].

Четкая законодательная регламентация прав на результаты интеллектуальной деятельности дает стимул авторам к созданию новых произведений и изобретений, позволяет регулировать отношения между ними и потребителями интеллектуальной продукции, что обеспечивает наличие универсальной охраны интересов всех участников взаимоотношений в сфере интеллектуальной деятельности.

Права на результаты интеллектуальной деятельности (интеллектуальная собственность), или интеллектуальные права, в настоящее время имеют все большую значимость в жизнедеятельности человека. Важнейшей особенностью рынка интеллектуальных продуктов становится то, что на рынке фигурирует не собственно продукт, а права на него. Без этого нематериальный интеллектуальный продукт не может оборачиваться на рынке. В связи с этим обращение на рынке интеллектуальной продукции напрямую связано с эффективностью правовой охраны продукта, возможностью и порядком установления на них интеллектуальных прав и законодательных ограничений использования.

В современных условиях глобализации экономики и интеграции экономических пространств особую актуальность приобретают вопросы построения цельной системы законодательства об интеллектуальных правах, в

которой обобщаются все наработки других сегментов законодательной деятельности. Особо важным это становится в условиях, когда границы между промышленным и художественным продуктом отчасти размыты и во многих случаях проведение четкой границы между ними представляется затруднительным. Поэтому становится важным закрепление общих положений, которые имели бы преимущественный характер для регламентации различных видов прав и до разработки специфического законодательства, регламентирующего оборот каждого из видов интеллектуальной продукции, могли бы регулировать оборот вновь разрабатываемых видов интеллектуального продукта [2].

В большинстве случаев главенствующую роль в регламентации деятельности в области оборота интеллектуальных прав играют гражданское законодательство и гражданский кодекс. Такая ситуация характерна и для Российской Федерации, и для Республики Беларусь¹. При этом главная задача данного документа – определение общих положений об интеллектуальных правах, направление и принципиальные черты законодательства о различных видах интеллектуальной собственности и прав, которое в дальнейшем развивается и детализируется в специальных нормативно-правовых актах.

Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) устанавливает, что сами объекты прав (интеллектуальная собственность) исключены из оборота, т. е. не могут отчуждаться или передаваться от одного лица другому. Переходить (отчуждаться) могут только права на такие объекты и лишь в случаях и порядке, установленных ГК РФ.

¹ Гражданский кодекс Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. № 218-З (принят Палатой представителей 28 октября 1998 г., одобрен Советом Республики 19 ноября 1998 г. (далее – ГК РБ).

Исключительное право дает правообладателю возможность использовать интеллектуальную собственность самому, а также по своему усмотрению разрешать иным лицам использование интеллектуальной собственности (т. е. распоряжаться исключительным правом) или запрещать такое использование (право воспрещения). Отсутствие запрета не считается согласием (разрешением) [1].

Так, ГК РФ установлено, что на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации) признаются интеллектуальные права, которые включают исключительное право, являющееся имущественным правом, а в случаях, предусмотренных данным кодексом, также личные неимущественные права и иные права (право следования, право доступа и др.). Само определение понятия «интеллектуальные права» кодекс не содержит, а только лишь перечисляет иные (дополнительные), которые входят в эту категорию. По мнению автора, можно согласиться с определением понятия «интеллектуальные права», предлагаемым В. А. Зиминим: исключительное право – имущественное интеллектуальное право, признаваемое на все охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, позволяющее его обладателю экономически использовать охраняемый объект интеллектуальных прав в установленных законом пределах, а также распоряжаться принадлежащим ему правом, если законом не предусмотрено иное [3].

Вопросы интеллектуальной собственности в Республике Беларусь регулируются национальными и международными нормативными правовыми актами. Основой национального законодательства являются:

– Гражданский кодекс Республики Беларусь (раздел V «Интеллектуальная собственность», главы 60–67);

– Закон Республики Беларусь от 17 мая 2011 г. «Об авторском праве и смежных правах»;

– Закон Республики Беларусь от 16 декабря 2002 г. «О патентах на изобретения, полезные модели, промышленные образцы»;

– Закон Республики Беларусь от 13 апреля 1995 г. «О патентах на сорта растений»;

– Закон Республики Беларусь от 5 февраля 1993 г. «О товарных знаках и знаках обслуживания»;

– Закон Республики Беларусь от 17 июля 2002 г. «О географических указаниях»;

– Закон Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. «О правовой охране топологий интегральных микросхем».

ГК РБ не содержит понятия «интеллектуальные права», а использует лишь термины «интеллектуальная собственность», «объекты интеллектуальной собственности», «личные неимущественные и имущественные права на объекты интеллектуальной собственности», «исключительные права на объекты интеллектуальной собственности».

Основным государственным органом, реализующим политику в сфере интеллектуальной собственности в Республике Беларусь, является Национальный центр интеллектуальной собственности (НЦИС). НЦИС обеспечивает охрану прав на объекты интеллектуальной собственности, выступает в качестве патентного органа, осуществляет международное сотрудничество и обеспечивает выполнение международных обязательств Республики Беларусь.

Включение специального раздела, регламентирующего исключительные права, в ГК РБ, призвано выполнять функцию обеспечения единства всех имущественных прав и их правового регулирования. Возможно внедрение в гражданское законодательство нормы о том, что общие положения об исключительных правах регламентируются общей частью ГК РБ в тех пределах, в которых она соответствует сущности и пониманию исключительных прав [4].

Уровень защиты интеллектуальной собственности (ИС) в значительной степени определяет решение правообладателей о выходе на зарубежные рынки и передаче технологий в другие страны. Общий размер инвестиций сокращается в тех юрисдикциях, где защита интеллектуальным правам предоставляется на меньшем уровне.

Таким образом, защита интеллектуальных прав на международном и региональном уровне тесно связана в целом с мировым технологическим и культурным развитием, созданием, распространением и использова-

нием существующих и новых проприетарных технологий.

В то же время современный глобальный рынок интеллектуальной собственности, сформированный при активном участии Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС) и ВТО, создает единые условия обращения прав на ИС (унифицированные понятия объектов охраны и видов сделок) главным образом в целях организации интернациональных финансовых потоков [2].

Преобладающей задачей является обеспечение безопасного переноса высокотехнологических производств в локации с низкой стоимостью труда и средств производства, а также обеспечение преобладания западных правообладателей в экономиках развивающихся стран, т. е. на перспективных для них рынках.

Место и роль России на международном рынке ИС определяется с точки зрения экспорта высоким потенциалом, который не реализуется в области ИС; с точки зрения импорта – относительно небольшим объемом товарных рынков; с точки зрения юрисдикции для совершения сделок – низкой предсказуемостью и стабильностью судебной системы.

Однако отметим, что система гражданских прав в области регламентации исключительных прав, при которой главенствующая роль принадлежит ГК РФ, а на следующем уровне находится четкая система законодательства об интеллектуальных правах, возможна только в том случае, когда законы принимаются в соответствующем порядке – в первую очередь Гражданский кодекс, а затем уже развивающие его законы, подзаконные акты, изменения и дополнения. При этом будет обеспечено соответствие второго и нижеследующих уровней законодательного регулирования нормам ГК РФ.

Общие положения гражданского законодательства не требуют разработки – они существуют и работают объективно, необходима только специальная формулировка логически выстроенной последовательной системы, в которой будут устранены несогласованности и противоречия, восполнены существующие пробелы. Общие положения содержат разного рода правила, регламентирующие понятие и содержание исключительных

прав, объект и субъект данных прав, их правомочия и способы распоряжения правами, законодательно утвержденные основания возникновения прав и другие базовые понятия. Естественно, что эти основные понятия и правила подлежат развитию и дифференциации при применении к различным видам интеллектуальных прав. Общие положения должны также содержать и перечень объектов исключительных прав с оговоркой о том, что данный список может быть пополнен, но только законодательной нормой [5].

Наличие различий в разных видах интеллектуальных продуктах требует разработки специальных законодательных норм, в которых будет индивидуализирована регламентация оборота прав на них.

Понятие и система исключительных прав уже разработаны в некоторых зарубежных странах как на уровне национального, так и международного законодательства. Так, Франция разработала Кодекс интеллектуальной собственности, в котором регламентируется оборот всех ее основных видов. Однако в настоящее время он может быть назван действительно кодексом только со значительными оговорками в связи с отсутствием общих положений. В нем содержатся разрозненные законодательные нормы, которые собраны в единый правовой акт. Однако разработка такого кодекса уже представляет собой тенденцию и направление движения к унификации законодательства в области исключительных прав. На уровне международной регламентации необходимо отметить Соглашение о ТРИПС – торговых аспектах сотрудничества в области интеллектуального продукта. При этом также надо сказать о фрагментарной и недостаточно систематизированной регламентации оборота интеллектуальных и исключительных прав в данном документе.

Таким образом, следует сформулировать вывод о том, что в настоящее время стоит четкая задача построения новой системы законодательства в области интеллектуальных и исключительных прав. Эта работа имеет первоочередную важность, поскольку только ее выполнение даст возможность обеспечения работы нового развивающегося рынка интеллектуального продукта.

Список литературы

1. *Алейников Б. Н.* Некоторые вопросы становления и развития интеллектуальных прав в России // Российская юстиция. – 2016. – № 7. – С. 8–10.
2. *Демьянченко Д. А.* Сравнительно-правовой анализ процедуры государственной регистрации залога исключительного права на товарный знак в законодательстве России и иностранных государств // Безопасность бизнеса. – 2015. – № 2 – С. 56–57.
3. *Зимин В. А.* Содержание понятия «интеллектуальные права» по законодательству Российской Федерации // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 5. – Ч. 3. – С. 78–80.
4. *Моргунова Е. А.* Роль организаций по коллективному управлению авторскими правами в обеспечении соблюдения исключительных прав на произведения в информационно-телекоммуникационных сетях // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2015. – № 10. – С. 160–165.
5. *Шеленговский П. Г.* Особенности интеллектуальной собственности и инноваций в Российской Федерации // Вопросы российского и международного права. 2016. – Т. 6. – № 12. – С. 167–173.

Требования к публикациям

1. Статья должна обладать определенной новизной, представлять интерес для широкого круга читателей журнала, а также соответствовать требованиям, предъявляемым к научным публикациям.
2. Представляемый материал должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в том же виде в других печатных и электронных изданиях.
3. Статья представляется в редакцию в электронном и распечатанном виде.
Редактор MS Word, формат А4, шрифт Times New Roman, размер шрифта 14 пт, полуторный интервал.
Поля: левое – 2,5 см; правое – 1,5 см; верхнее – 2 см; нижнее – 2 см.
Материал статьи, представленный на бумажном носителе, должен соответствовать материалу статьи, представленному в электронном виде. В случае обнаружения расхождений редакция будет ориентироваться на электронный вариант статьи.
4. Материал для публикации в электронном виде должен содержать три файла:
  - 1-й файл: текст статьи на русском языке со следующей структурой:
    - а) на первой странице в верхнем правом углу (перед заглавием) необходимо указать Ф.И.О. автора, ученую степень, ученое звание;
    - б) заглавие статьи;
    - в) аннотация – не менее 150 слов – должна включать:
      - предмет исследования;
      - метод или методологию исследования;
      - научную новизну и выводы.
    - г) ключевые слова – не менее 15 слов;
    - д) текст литературы в конце статьи в алфавитном порядке по фамилиям авторов;
  - 2-й файл: текст на английском языке со следующей структурой:
    - а) на первой странице в верхнем правом углу (перед заглавием) необходимо указать Ф.И.О. автора, ученую степень, ученое звание;
    - б) заглавие статьи;
    - в) аннотация – не менее 150 слов – должна включать:
      - предмет исследования;
      - метод или методологию исследования;
      - научную новизну и выводы.
    - в) ключевые слова – не менее 15 слов;
  - 3-й файл: сведения об авторе по следующей форме на русском и английском языке: фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание; занимаемая должность; телефон; почтовый адрес; электронный адрес.
5. Объем текста статьи должен составлять не менее 12 страниц, включая таблицы, графический материал, аннотацию и список литературы.
6. Статья должна содержать библиографию (список литературы (других источников), используемой в статье), минимальное количество источников – не менее пяти. При добавлении списка использованной литературы необходимо соблюдать правила действующих стандартов.
  - 6.1. В качестве источников, на которые автор ссылается в статье, следует использовать следующие:
    - статьи из периодических изданий;
    - статьи из продолжающегося издания (сборника трудов);
    - материалы конференций;
    - монографии.
  - 6.2. Все источники в списке литературы необходимо группировать по алфавиту фамилий авторов или первых слов заглавий документов.
7. На все нормативно-правовые акты следует ссылаться путем их упоминания в тексте статьи с указанием полного названия и даты утверждения без использования постраничных ссылок. В статье допускается использование только внутритекстовых ссылок на источники. Ссылки оформляются в основном тексте статьи путем указания в конце предложения в квадратных скобках порядкового номера упоминаемого источника из списка литературы, а в случае цитаты – и номера страницы цитируемого источника [3. – С. 5].
8. В бумажном варианте статьи должна присутствовать сквозная нумерация страниц.
9. Таблицы и иллюстрации в тексте статьи должны иметь заголовки и порядковый номер; на все таблицы и рисунки в тексте должны быть ссылки.
10. При написании формул, схем, построении графиков, диаграмм, блок-схем не допускается размер шрифта менее 8 пт.
11. Размер графиков, диаграмм, рисунков не должен превышать по вертикали 21 см, по горизонтали – 13,5 см.
12. Представленные статьи направляются по профилю научного исследования или по тематике рассматриваемого вопроса на рецензию экспертам-ученым и специалистам университета в данной области. Статьи, принятые к публикации, но нуждающиеся в доработке, направляются для внесения необходимых исправлений. После доработки статьи повторно рецензируются, после чего редакционная коллегия принимает решение о возможности публикации. Не рецензируются научные доклады, заслушанные на съездах, конгрессах, конференциях; информационные сообщения и объявления.

Для заметок

Для заметок